

ВОЯДЖЕР: мир и человек

- *История*
- *Археология*
- *Философия*
- *Филология*

УДК 316.6
ББК Ю622
В 33

Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. – № 5.
– Самара: Самарский государственный технический университет, 2015. – 206 с.

ISSN 2225-0018

Под общ. ред. д.т.н., профессора Быкова Д.Е.

Ответственный редактор д.и.н., профессор Богачев А.В.

Редакционная коллегия: д.т.н., профессор Быков Д.Е., д.т.н., профессор Деморецкий Д.А., д.х.н., д.т.н., профессор Бичуров Г.В., д.т.н., профессор Ненашев М.В., д.б.н., профессор Сачков С.А., д.псих.н., профессор Агафонов А.Ю., к.филол.н., доцент Тимошук Н.А., к.психол.н., доцент Доброва В.В., к.п.н, доцент Трофимов В.Н., к.ф.н., доцент Герасимов О.В., Колев Ю.И.

Экспертный совет: д.и.н., профессор Дубман Э.Л., Острецов Л.А., к.и.н., доцент Мышкин В.Н., к.и.н., доцент Захарова Л.Б., д.и.н., профессор Курятников В.Н., к.и.н., доцент Федотов В.В.

Ответственный секретарь Киселева Н.С.

© А.В. Богачев – название и концепция
издания

© Авторы, 2015

© Самарский государственный
технический университет, 2015

Вояджер: мир и человек

№ 5/2015

Теоретический и научно-методический журнал
Основан в 2011 г.
Выходит 2 раза в год
Под общей редакцией д.т.н., профессора Быкова Д.Е.

СОДЕРЖАНИЕ

История и археология

- БОГАЧЕВ А.В. История изучения памятников V – IX вв. лесостепного Среднего Поволжья и Предуралья: материалы и исследования.....7
- МАТВЕЕВА Г.И., НИКИТИНА А.В. Особенности памятников романовского типа эпохи великого переселения народов северо-западной Башкирии на примере материалов исследования селища Романовка-II 1989 года 52

Философия

- ТРУФАНОВ С.Н. Основоположения науки эстетики: эстетическое, прекрасное, идеал 78
- НЕФЕДОВА Д.Н. Образ другого в искусстве: к вопросу о формировании национально-культурной идентичности 111

Филология

- ДОБРОВА В.В. Реконструкция строения значения с помощью моделирования..... 117
- АНДРЕЕВА А.А. Языковая картина мира в заголовках современных англоязычных бестселлеров 127
- БОНДАРЕВА Ю.В. Функционально-прагматические возможности синтаксиса колонки редактора (на материале англоязычных журналов) 131
- КОВАЛЕВСКАЯ Е.А., РЕВИНА Е.В. Влияние интернет-коммуникации на развитие языка..... 137
- КОВАЛЕВСКАЯ Е.А., РЕВИНА Е.В. Интерференция при изучении немецкого языка как иностранного..... 142
- КОЧЕТКОВА Н.С. О качестве учебных материалов в контексте компетентностного подхода к обучению иностранному языку 145

КРУТСКАЯ С.В. Об истории экфрасиса: от отдельного жанра до стилистического приёма	150
КЮГЕРЯН А.Л. Развитие парадигмы сложного предложения с временной предикативной единицей при настоящем времени в главной части на протяжении новоанглийского языка.....	156
МЕЛЬНИКОВА И.М. Поэтический мир Оскара Лёрке.....	165
НУТРИДИНОВА Л.Р. Особая роль дискурсивной компетенции при обучении монологическому высказыванию.....	171
РОЖНОВА Е.А. К вопросу о художественном стиле (на материале художественных произведений конца 19-20 веков).....	178
СУРАЕВА А.В. Частотность употребления числовых компонентов в английских фразеологических единицах.....	184
ТЮРИНА О.А. Особенности коммуникативного воздействия в англоязычных печатных СМИ.....	188
ХОХЛОВА А.А. Влияние когнитивной лингвистики на терминоведение..	192
Аннотации на английском языке.....	196
Авторы статей.....	203

CONTENTS

History and archeology

- BOGACHEV A.V. The history of the study of monuments V – IX centuries.
forest – steppe Volga and Ural region: materials and research 6
- MATVEEVA G.I., NIKITINA A.V. Specialty of monuments of the Romanov era
of the great migration of peoples northwest of Bashkortostan on the exam-
ple of a study Villages Romanivka -II of 1989 52

Philosophy

- TRUFANOV S.N. The key concepts of aesthetics: aesthetic, beautiful,
ideal 78
- NEFEDOVA D.N. The image of the other in art: to the question about the for-
mation of national and cultural identity 111

Philology

- DOBROVA V.V. Reconstruction of semantic meaning with the use
of modeling 117
- ANDREEVA A.A. Language world picture in modern English
bestsellers titles 127
- BONDAREVA J.V. Syntaxis functional and pragmatic features of the editor's
letter (based on English-language magazines) 131
- KOVALEVSKAYA E.A., REVINA E. V. Influence of the internet communication
on language development 137
- KOVALEVSKAYA E.A., REVINA E. V. Interference in study German
as foreign language 142
- KOCHETKOVA N.S. About the quality of instructional materials in terms
of competency-based approach to teaching foreign languages 145
- KRUTSKAYA S.V. The history of ekphrasis 150
- KUREGYAN A.L. Paradigm development of a complex sentence with time
predicative units in modern English 156
- MELNIKOVA I.M. Oskar Loerces poetic world 165
- NURTDINOVA L.R. The special role of discursive competence in teaching
monologic utterance 171

ROZHNOVA E.A. To the question of art style (on the material of works of art of the late 19th - 20th centuries)	178
SURAEVA A.V. Frequency of use of numerical components in English phraseological units	184
TYURINA O.A. The peculiarities of communication in English press.....	188
KHOKHLOVA A.A. Influence of cognitive linguistics on terminology study.....	192
Summaries	196
The authors of the articles	202

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ V – IX ВВ.
ЛЕСОСТЕПНОГО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРЕДУРАЛЬЯ:
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ**

В статье представлена история изучения раннесредневековых памятников лесостепного Поволжья и Предуралья. Особое внимание уделено проблемам исследования именьковской культуры и культуры ранних болгар.

Ключевые слова: *раннее средневековье, именьковская культура, ранние болгары, историография.*

Специфика археологической науки, помимо всего прочего, состоит и в особенностях формирования нового знания, которое, с одной стороны предопределяется открытиями «в поле» (материалы), с другой – открытиями «за письменным столом» (исследования). Причем, при, казалось бы, явном приоритете материалов, без собственно исследований, добытые в поле артефакты не становятся источниками нового знания автоматически. Этот тезис красноречиво подтверждается ситуацией, сформированной в последние годы в России так называемыми черными копателями.

В этой связи представляется чрезвычайно важным проследить как, с одной стороны, полевые исследования отечественных археологов формировали научную базу данных раннесредневековых памятников лесостепного Среднего Поволжья и Предуралья. С другой – понять, как эти данные исследователями структурировались и меняли наши представления о развитии этнокультурной ситуации в регионе.

Территория лесостепного Среднего Поволжья и Предуралья включает отдельные районы Самарской, Ульяновской, Пензенской областей, Татарстана, а также сопредельные территории Мордовии, Чувашии, Марий-Эл, Башкортостана и Нижегородской области. Если говорить об археологической изученности региона, то она, в силу разных причин, явно неравномерна. В одних районах (Татарстан, Башкортостан, Самарская, Ульяновская области) раннесредневековые памятники изучены достаточно хорошо, в других (Чувашия, Нижегородская область) – только начинают выявляться и исследоваться.

История изучения раннесредневековых древностей региона требует специального исследования. Здесь же будут рассмотрены наиболее значимые вехи и поворотные этапы в изучении памятников и культур V – IX вв.

Первые научные публикации раннесредневековых древностей Волго-Камья были сделаны А.А. Спицыным (Спицын, 1901, 1902). Им был собран и проанализирован значительный и, на первый взгляд, разрозненный материал памятников I тысячелетия из районов Оки, Волги и Камы. Качество изданных книг, вышедших в серии «Материалы по археологии России», с научной и полиграфической точки зрения таково, что опубликованные материалы Кошибеевского, Борковского и др. могильников и сегодня, с некоторыми оговорками, являются достаточно информативным источником.

Среди приокских могильников, с точки зрения оригинальности материалов, уже в то время выделился Кошибеевский могильник, хронология и культурная принадлежность которого и сегодня остается дискуссионными. В 1895 г. А.А. Спицыным на могильнике на площади более 700 кв. м было исследовано 109 погребений (Спицын, 1901) (еще 97 погребений на памятнике было вскрыто в 1902 г. В.Н. Глазовым, однако систематизированы и в полном виде введены в научный оборот они были стараниями В.Н. Шитова лишь через восемьдесят лет (Шитов, 1988)). Автор раскопок заметил сходство отдельных найденных вещей с предметами из Пьянборского могильника и датировал кошибеевские древности VI – VII вв. (Спицын, 1901).

В 1898 г. А.А. Спицын при обследовании Кокрятьского городища (ныне Старомайнский район Ульяновской области) «на песчаных возвышенностях» выявил 10 погребений с северной ориентировкой костяков и датировал их VIII – X вв. (Спицын, 1916. С. 79). Е.П. Казаков сообщает, что ряд украшений (в том числе IX в.) из этого могильника (ныне хранящиеся в Эрмитаже) были собраны Ф. Ставропольским и переданы А.А. Спицыну (Казаков, 1982. С. 29).

В 1914 г. В.Н. Поливанов примерно в 5 км от пос. Старая Майна (в 1 км от Старо-Майнского городища) у края высокой надпойменной террасы обнаружил «истлевшие человеческие кости», «остатки гробов», «глиняный кувшин» и другие вещи, ныне хранящиеся в Ульяновском областном краеведческом музее. Опубликовавший эти находки Г.М. Буров датирует их в пределах VIII – X вв. и считает, что «Старо-Майнский могильник, очевидно, был близок к могильникам типа Танкеевского» (Буров, 1981. С. 53).

Из специалистов начала XX века, специально занимавшихся средневожскими памятниками I тысячелетия, следует назвать А.М. Тальгрена (Тальгрэн, 1928).

После октября 1917 г. археологические исследования в регионе приобрели определенную систематичность. Это во многом связано с тем, что в

1917 году в Казани был открыт Северо-Восточный археологический и этнографический институт, а в Самаре в 1919 г. – университет. Кроме того в Самаре при университете было организовано общество археологии, истории, этнографии и естествознания, а созданное еще ранее при Казанском университете Общество археологии, истории и этнографии активизировало свою деятельность.

В Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина хранятся оставшиеся неопубликованными материалы из раскопок 1920-х годов. Г.И. Матвеева (по материалам дневника А.А. Марущенко) констатировала, что 14 мая 1922 г. группа слушателей высших этнолого-археологических курсов при Самарском университете обследовала курганный могильник близ села Рождествено на Самарской Луке (впоследствии III Рождественский), открытый в 1920 г. профессором Самарского университета П.А. Преображенским (Матвеева, 1997). Ими же, вдоль дороги с. Рождествено – с. Новинки, было найдено и исследовано еще два могильника: раскопано два кургана II Новинковского и три кургана I Новинковского могильника. Было вскрыто 5 захоронений, скудный материал из которых (поясная накладка и трехлопастной наконечник стрелы) позволил датировать их VIII – IX вв. (Матвеева, 1997. С. 6).

с 1920 по 1929 г. археологическими исследованиями в Самарской губернии руководила профессор В.В. Гольмстен. На базе материалов, полученных, главным образом, в результате собственных раскопок, она разработала периодизацию памятников Самарского Поволжья, где нашлось место и культурам раннего железного века – средневековья. Культуры этих эпох она разделила на две группы: культуры степных районов и культуры оседлого населения лесных и горных частей края.

1923 г. в кургане близ с. Александровка на р. Вязовка ею было исследовано частично разрушенное позднекочевническое захоронение. Год спустя, в 1924 г. исследовательницей были собраны материалы из разрушенного подкурганного погребения кочевника у с. Воскресенка (Васильева, 1979, 2000).

Весной 1928 г. близ с. Федоровка Бузулукского уезда был найден комплекс могильного инвентаря, отнесенного В.В. Гольмстен к периоду великого переселения народов и датированного ей V в. (Гольмстен, 1928. С. 134-135).

К культурам оседлого населения края В.В. Гольмстен отнесла ряд памятников с керамикой, выделенного ею V типа (спустя полвека грубые толстостенные неорнаментированные сосуды с примесью шамота в тесте,

будут определяться специалистами как одна из разновидностей посуды именьковской культуры середины I тыс.). Это городища Торновское, Ош-Пандо-Нерь, Манчиха, Кармалинское; селища у городища Лысяя Гора близ Морквашей, у горы Печоры близ с. Подгоры, у сел Выползово, Новинки, Торновое и др. (Гольмстен, 1925).

Работы В.В. Гольмстен в настоящее время интересны далеко не только с историографической точки зрения – многие их положения актуальны и сегодня. В частности, по мнению Т.А. Хлебниковой, ее классификация керамики «не утратила своего значения и сейчас» (Хлебникова, 1984. С. 13). После отъезда В.В. Гольмстен в 1930 г. в Ленинград исследования археологических памятников в Самарском Поволжье были приостановлены вплоть до 1950-х годов.

В 1926 – 1927-х годах П.С. Рыков исследовал 128 погребений Армиевского могильника, открытого им же в Шемышейском районе Пензенской области. Автор отнес памятник к древнемордовской культуре и датировал его IV – VI вв. (Рыков, 1930. С. 38). Позднее эту датировку поддержал А.П. Смирнов (Смирнов, 1952. С. 116). М.Р. Полесских, доисследовавший памятник в 1960-е годы определили хронологию могильника VI – VII вв. (Полесских, 1979. С. 50).

В Волго-Камье в те годы раскопки памятников I тыс. , носили скорее рекогносцировочный характер. В 1920 – 1930-х гг. на территории современной Марийской республики и Татарстана изучаются могильники «позднепьяноборского типа», которые впоследствии вместе с другими подобными памятниками будут выделены в особую азелинскую культуру.

Один из таких могильников исследовал Н.Ф. Калинин близ с. Мордовские Каратаи и датировал его временем IV – V вв. (Калинин, 1928. С. 116). М.Г. Худяковым были подвергнуты раскопкам Воробьевский и Вичмарский могильники. Первый из которых был отнесен автором к «эпохе переходной от собственно Пьяноборской к Атамановской» и датирован II в. н.э. (Худяков, 1929. С. 78). Второй – «примыкает к поздней стадии Пьяноборской культуры» и датируется V в. – «эпохой наиболее темной в доистории Волжско-Камского края» (Худяков, 1929. С. 81). Он же произвел разведочные раскопки на Азелинском могильнике (Худяков, 1937). Е.И. Горюновой было начато изучение Мари-Луговского могильника, который она поставила в один ряд с перечисленными выше памятниками «позднепьяноборского типа» и отнесла ко времени второй половины I тыс. (Горюнова, 1934. С. 179), тем самым (практически без какой-либо на то аргументации) значительно омолодив

датировку этой группы могильников. Ей же были продолжены раскопки Вичмарского могильника (Горюнова, 1934).

В это же время исследовались памятники и более поздних эпох. В частности Л.М. Тамбовцев в Волжском правобережье обследовал Степановское I, Большефроловское, Чирки-Бибкеевское I и Елховское городища (Тамбовцев, 1928), материалы которых впоследствии будут отнесены к именьковской культуре.

Великая Отечественная война прервала и без того достаточно выборочные археологические исследования памятников VI – VIII вв. в Среднем Поволжье. Во второй половине 1940-х годов полевые исследования в регионе возобновились. В 1947 – 1948 гг. экспедицией Института истории материальной культуры и Государственного музея ТАССР были раскопаны доболгарские слои на Бабьем бугре Болгарского городища (Акчурина, Ефимова, Смирнова, Хованская, 1949). В VII слое раскопа А.М. Ефимовой была найдена лепная керамика серого и бурого цвета с примесями крупного шамота и песка, которую позднее стали связывать с именьковской культурой (Старостин, 1987. С. 91). К сожалению, в этом слое не было найдено узко датирующих вещей, что и сейчас затрудняет хронологическую идентификацию поселения.

Памятники с керамикой аналогичной посуде VII слоя селища Бабий Бугор одним из первых в работе 1948 года, объединил в единую группу Н.Ф. Калинин, рассматривая их как материалы локального варианта позднегородецкой культуры V – VI вв. (Калинин, 1948. С. 94). В более поздних работах Н.Ф. Калинин связывал именьковскую культуру с восточными буртасами, «которые нам известны в Среднем Поволжье по археологическим и историческим источникам VIII – XII вв.» (Калинин, 1954. С. 63).

Книгу А.П. Смирнова «Очерки древней средневековой истории народов Поволжья и Прикамья», в которой была предложена концепция этнокультурного развития региона с эпохи бронзы до эпохи средневековья, можно рассматривать как своеобразный итог более чем полувекового научного исследования археологических памятников Поволжья (Смирнов, 1952).

Однако, масштабные полевые археологические исследования, начавшиеся в 1950-е годы в зоне новостроек (Куйбышевская ГЭС и т.д.), и полученные в результате этих работ материалы позволили в дальнейшем несколько по-иному смотреть на процессы культурного взаимодействия народов Среднего Поволжья в V – IX вв.

В Чувашском Поволжье Н.В. Трубникова производила исследования двух городищ I тыс. н.э. В слое I – IV вв. Городища Пичке-Сорче она отме-

чала «черты, характерные для культур прикамских, с одной стороны, и культур более западных (кошибеевской) – с другой» (Трубникова, 1964. С. 193). Городище Ножа-Вар, датированное ей II – III–V вв., автор связывала с позднегородецкими-восточнофинскими племенами и отмечала, что «его вещественные комплексы вполне аналогичным могильным комплексам Иваньковского и Кошибеевского могильников» (Трубникова, 1964. С. 154).

В Посурско-Примокшанском Поволжье с 1952 по 1968 год М.Р. Полесских исследовал Селиксенский, Ражкинский, Тезиковский, Шемышейский, Селикса-Трофимовский могильники (Полесских, 1959, 1962, 1965, 1966, 1974) и продолжил раскопки Армиевского могильника (Полесских, 1979), начатые П.С. Рыковым. М.Р. Полесских провел большую работу по систематизации и этнокультурной интерпретации этих памятников. По мере расширения источниковой базы его взгляды на происхождение и культурную эволюцию этих памятников претерпевали изменения. В своих ранних работах М.Р. Полесских связывал происхождение пензенских могильников, главным образом с местными городецкими племенами (Полесских, 1959. С. 202-203); в более поздних – с пришлыми прикамскими (Полесских, 1965. С. 146). Окончательное решение этого вопроса автором было достаточно компромиссным: «субстратным ядром были ананьинские компоненты, вобравшие в себя компоненты местные, городецкого происхождения (1-й этап развития), затем – местного селиксенского и пришлого кошибеевского (2-й этап – IV – начало VI вв.). Новым, третьим этапом (VI – начало VIII вв.) развития южной группы мордвы – уже мордвы-мокши – явилась жизнь ее в армиевское время» (Полесских, 1976. С. 141-145).

Впоследствии В.И. Вихляев, создавая на базе статистико-комбинаторных методик хронологическую периодизацию древнемордовских могильников (Вихляев, 1977), опирался, главным образом на материалы раскопок М.Р. Полесских.

Новые источники дали исследователям возможность теоретических обобщений. В частности, именно в 1950 – 1960-е годы в Волго-Камье были выделены новые культуры: азелинская, именьковская и раннеболгарская.

Выделение В.Ф. Генингом азелинской культуры было predetermined, прежде всего, материалами раскопанных им же Азелинского и Суворовского могильников на Вятке (Генинг, 1963). Однако, наличие подобных памятников на Средней Волге – Казанский, Сюкеевский, Мари-Луговской могильники (последний был доисследован в 1956 году (Халиков, 1962)) – позволило автору рассматривать районы марийского и татарского Повол-

жья как племенные территории «азелинцев». Ввиду того, что культурная преемственность этих памятников с материалами пьяноборской культуры была достаточно очевидна и признавалась практически всеми исследователями, В.Ф. Генингу, пришлось обосновывать качественное отличие азелинских материалов от пьяноборских. В качестве одного из аргументов в пользу выделения новой культуры фигурировала отличная от пьяноборской датировка (III – V вв.) азелинских древностей: «эти памятники, датируемые временем не ранее III в. н.э., относится уже к другому этапу развития – к началу раннего средневековья» (Генинг, 1958. С. 84).

Выделение новой культуры вызвало дискуссию (Смирнов, 1964, 1968; Генинг, 1966), в которой главным оппонентом В.Ф. Генинга выступил А.П. Смирнов, поставивший под сомнение целесообразность разделения пьяноборских материалов. А.П. Смирнов считал, что «азелинскую культуру следует считать последней стадией пьяноборской» и датировал эту стадию V-VII вв. (Смирнов, 1964. С. 244).

Однако, в 1960 – 1970-е годы во время работ в зоне затопления водохранилища Куйбышевской ГЭС были открыты такие азелинские могильники как Нармонский, Рождественский V, Усть-Брыскинский, Гремячинский, Именьковский, Тетюшский, а также ряд селищ (Кузькинское, «Идель», «Борки») (Старостин, 1984. С. 91-92), что окончательно решило вопрос в пользу выделения культуры.

Не менее острую дискуссию вызвали проблемы, связанные с выделением в Среднем Поволжье именьковской культуры.

Свое название она получила по наименованию одного из наиболее полно раскопанных в середине 1950-х годов памятников – Именьковского городища. Определив время существования городища IV–V – IX–X вв., авторы публикации Н.Ф. Калинин и А.Х. Халиков определили этнос обитателей городища как восточно-буртасский (Калинин, 1960. С. 247).

В эти же годы Б.Б. Жиромским на Балымерском Шоломе исследуются слои, давшие материалы аналогичные материалам Именьковского городища. По мнению автора «языческое святилище на Шоломе существовало с VI по X в. включительно» (Жиромский, 1958. С. 446).

В 1955 г. А.М. Ефимовой на Бельмерском V селище так же были выявлены слои с именьковскими материалами, которые она датировала VII – VIII вв., и традиционно интерпретировала как городищские (Ефимова, 1962. С. 33).

Поворотным этапом в исследовании именьковской культуры стали раскопки комплекса памятников у с. Рождествено в 1956-1957 гг. (Генинг,

1960). Своеобразный обряд трупосожжения, изученный В.Ф. Генингом на Рождественском II могильнике, явился решающим аргументом в пользу выделения именьковской культуры.

Вероятно, именно эти материалы повлияли на эволюцию взглядов А.П. Смирнова: от полного неприятия культуры в обобщающей работе «Железный век чувашского Поволжья» (где памятники типа Именьковского городища рассматриваются не иначе как городецкие (Смирнов, 1961. С. 127) – к компромиссному решению этой проблемы в другой крупной работе «Городецкая культура» – «название именьковская культура, введенное Н.Ф. Калининым, может быть сохранено для памятников второй половины I тыс. н.э.» (Смирнов, 1965. С. 27).

Самые западные именьковские памятники были изучены П.Д. Степановым в Среднем Посурье. Одним из наиболее ярких памятников посурской группы является городище Ош-Пандо, датированное автором раскопок VI–VII – VIII–IX вв. (Степанов, 1967. С. 104). Столь поздняя (относительно других именьковских памятников) датировка городища П.Д. Степановым соотносилась с его гипотезой о продвижении именьковцев с востока (Степанов, 1967. С. 112).

Самарская Лука, как было определено исследованиями Г.И. Матвеевой, являлась южной границей именьковской культуры в IV – VII вв. (Матвеева, 1975).

В западных лесостепных районах Башкортостана – на восточной периферии именьковского мира – были выявлены памятники (Кушнаренковский (Генинг, 1977), Ново-Турбаслинский (Мажитов, 1959), Салиховский (Васюткин, 1986), Уфимский (Пшеничнюк, 1968), могильники, а также Романовское (Матвеева, 1969) и Кушнаренковское (Генинг, 1977) селища, материалы которых отражают процесс смешения именьковских племен с другими этнокультурными группами середины I тыс. н.э. Именьковские (романовские) материалы на территории Башкортостана С. М. Васюткиным датировались концом IV – VIII вв. (Васюткин, 1968. С. 137; Васюткин, 1971. С. 63-64), а Г.И. Матвеевой – V – VIII вв. (Матвеева, 1971. С. 129-132). Следует отметить, что С. М. Васюткин в одной из своих последних публикаций (Васюткин, 1988) отказался от высказанного им ранее тезиса о присутствии романовского (именьковского) компонента в материалах Салиховского могильника (Васюткин, Горбунов, 1972).

Несколько особняком стоит Тураевский курганный могильник, исследованный В.Ф. Генингом близ д. Тураево в Менделеевском районе Татарстана в 1950-1960-х гг. (Генинг, 1976). Касаясь вопросов происхождения и этни-

ческой принадлежности средневожских культурных групп с плоскодонной керамикой, В.Ф.Генинг считал, что «часть этого населения, несомненно, принадлежала к древнетюркским племенам» (Генинг, 1972. С. 288), а «носители именьковского, романовского, тураевского, ош-пандинского и ножа-варского археолого-этнических типов и были теми, кого на востоке называли бурта-сами» (Генинг, 1972. С. 292). В недавно изданной фундаментальной монографии, посвященной полной публикации материалов бескурганной части Тураевского I могильника, Р.Д.Голдина и В.А. Бернц пишут, что памятник «отражает одну из волн проникновения в лесное Прикамье на рубеже 4-5 вв. н.э., скорее всего гото-славян, которое осуществилось одновременно с заселением Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья носителями именьковской культуры» (Голдина, Бернц, 2010. С. 160).

П.Н. Старостин, исследовавший ряд именьковских памятников на Нижней Каме (Старостин, 1964, 1968), обобщил весь накопленный к середине 1960-х годов материал в специальной сводной работе (Старостин, 1967), которая подвела определенную черту в дискуссии о целесообразности выделения именьковской культуры. Само издание монографии в серии «Свод археологических источников» подразумевало всесторонний источниковедческий анализ автором материалов именьковской культуры, который привел автора к убеждению, что «памятники именьковского типа не следует включать в область распространения так называемой позднегородецкой культуры» (Старостин, 1967. С. 30). Дату именьковской культуры П.Н. Старостин определил III–IV – VII вв. (Старостин, 1967; Полесских, 1965). Формирование культуры, по мнению автора свода, происходило «на базе двух компонентов – местного финно-угорского и пришлого тюркского» (Старостин, 1967. С. 31).

Точка зрения о тюркском (сибирском) происхождении именьковской культуры поддерживалась В.Ф. Генингом (Генинг, 1964, 1971) и А.Х. Халиковым (Халиков, 1971). Высказав гипотезу об угро-мадьярских корнях, П.Д. Степанов также признал пришлый характер этой этнокультурной группы (Степанов, 1964). А.П. Смирнов, первоначально отстаивающий положение о местном городецком субстрате именьковской культуры, в более поздней работе писал о славянском компоненте, участвовавшем в ее формировании (Смирнов, 1971).

Значительное расширение источниковой базы в 1980-е годы (П.Н. Старостиным, в частности, были найдены и исследованы новые могильники (Старостин, 1975, 1983а, 1986) середины I тыс. н.э.) позволило Г.И.

Матвеевой весьма аргументировано говорить о миграции значительной части населения из среды зарубинецкой, пшеворской и черняховской культур Поднепровья и Полесья, результатом которой и явилось формирование в Среднем Поволжье крупного этнокультурного образования – именьковской культуры (Матвеева, 1981, 1986).

В 1980-е годы в Самарском Поволжье были исследованы новые памятники: типа Лбище (Матвеева, 1986; Богачев, Матвеева, Набоков, 1989) и типа Славкино (Агапов, Пестрикова, Салугина, 1981), не без основания, рассматриваемые исследователями в контексте именьковской культуры.

Лбищенский тип памятников выделен Г.И. Матвеевой (Матвеева, 1986) и назван по исследованному ею в 1981–1984 гг. на Самарской Луке городищу Лбище. Еще одно городище этого типа в 1988 г. было исследовано Г.И. Матвеевой, А.В. Богачёвым и А.В. Набоковым на Самарской Луке у села Переволоки (Богачев, Матвеева, Набоков, 1989; Матвеева, Богачев, Набоков, 2010). Славкинский тип памятников выделен С. А. Агаповым, В.И. Пестриковой, Н.П. Салугиной и назван, по исследованному ими в 1977–1978 гг. в Сергиевском районе Самарской области, поселению Славкино II (Агапов, Пестрикова, Салугина, 1981).

В последние десятилетия изучением памятников оседлого населения Самарского Поволжья первой половины I тыс. н.э. активно занимаются археологи Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Монография и диссертация Д.А. Сташенкова подвели определенный итог этих исследований (Сташенков, 2005, 2007). В частности, автор предложил выделить в Самарском Поволжье новые типы памятников: Царевокурганский культурный тип – группа материалов I – III вв. н.э., (Царев Курган, Березовское, Шигоны III, Подгоры I, Новинки V) и культурный тип Сиделькино-Тимяшево – памятники III – V вв. н.э. в бассейне рек Большой Черемшан и Кондурча. «Новые памятники дали неоднородный материал, свидетельствующий о приходе в регион во II – V вв. н.э. населения, истоки которого, вероятно, следует искать на территории распространения киевской и граничащей с ней культур» (Сташенков, 2005. С. 45). Исследователь подчеркнул, что население, оставившее сиделькино-тимяшевский культурный тип, «не могло послужить в качестве основного компонента сложения классической именьковской культуры в Среднем Поволжье и Прикамье. Вместе с тем, нельзя отрицать, что потомки этого населения могли принять участие в этом процессе как один из многих компонентов» (Сташенков, 2005. С. 46).

Н.П. Салугина, специально изучавшая керамические комплексы, как собственно именьковской культуры, так и названных типов памятников, в одной из своих недавних работ отмечает, что «видимо во II–III вв. появляется население, оставившее памятники типа Царев Курган, а затем в III–IV вв. был приток населения из разных районов: киевской культуры, круга сарматских культур, что проявляется в керамике населения Славкино, Лбище и Сиделькино. Возможно, были контакты между этими группами населения, и, возможно, действительно приток каких-то новых групп. Это в конечном итоге и дало нам такое образование как именьковская культура» (Салугина, 2014. С. 240).

В плане понимания многокомпонентности именьковской культуры очень большое значение имеют материалы, уже названного Кушнаренокского (Генинг, 1977), а также Ташкирменского (Старостин, 1994) и II Коминтерновского (Казаков 1996, 1998) биритуальных могильников, а также городища Старая Майна, на котором были выявлены специфические (германские) домостроительные традиции (Богачев, 1991; Матвеева, 1993). Е.П. Казаков подчеркивал, что материалы II Коминтерновского могильника «свидетельствуют, что он оставлен представителями турбаслинско-именьковской общности. Судя по детально представленному костюму, данное население, скорее всего, связано с поздними сарматами» (Казаков, 2004. С. 283-284).

Однако большинство исследователей в настоящее время склоняются к точке зрения Г.И. Матвеевой, поддержанной академиком В.В. Седовым (Седов, 1994, 2002), суть которой сводится к тому, что истоки именьковской культуры следует искать в районах Поднепровья и Полесья в среде населения зарубинецкой, черняховской, пшеворской и постзарубинецких культур (Матвеева 1981, 1986, 2004), т.е. культур «полей погребений». Г.И. Матвеева полагала, что «именьковцы» являются этническими славянами (Матвеева, 2004).

Развивая гипотезу Г.И. Матвеевой, В.В. Седов писал, что «именьковское население – крупная культурно-племенная группировка славян-антов, переместившаяся в условиях гуннского нашествия из Черняховского ареала на Среднюю Волгу» (Седов, 2002).

В ряде своих работ А.В. Богачев биритуализм погребального обряда именьковской культуры (кремации + ингумации) объясняет смешанным характером населения (венеды/анты + сарматы), мигрировавшего на Среднюю Волгу из районов Поднепровья в IV в. н.э. (Богачев 2007, 2011, 2013).

Славянство «именьковцев» обосновали в своих работах лингвист В.В. Напольских (Напольских, 1996) и историк С. Г. Кляшторный (Кляшторный, Старостин, 2002; Кляшторный, 2013).

В последние годы специалистами из археологических центров Казани, Самары и Ульяновска был исследован ряд новых поселений и могильников середины I тыс. н.э., в большей или меньшей степени связанных с материалами именьковской культуры. Многие материалы частично или в полном объеме введены в научный оборот. В частности, опубликованы результаты многолетних раскопок именьковских памятников, расположенных на Самарской Луке: поселение и могильник у С. Подгоры (Матвеева, Мышкин, 2012; Мышкин, 2013), Кармалинское городище (Матвеева, Морозов, 1991; Богачев и др. 2013), городище Лбище (Матвеева и др., 2012), Междуреченское городище (Зубов, Матвеева, Приказчиков, 1995; Салугина, 1995), селище Ош-Пандо-Нерь (Ключникова, Матвеева, 1985; Лифанов, 2004; Багаутдинов, Никитина, 2013), Выползовское I селище (Юнусова, 1976), Муромское I и Карлинское I селища (Кочкина, Сташенков, 2008; Сташенков, 2013).

Д.А. Сташенковым опубликованы ингумационные погребения Сиделькинского археологического комплекса (Сташенков, 2012), а также погребения-кремации Жигулевского могильника (Сташенков, 2013б), культурная идентификация и хронологическая позиция которого пока еще не вполне ясны.

Интересные результаты дали материалы раскопок в Ульяновской области: городище Старая Майна (Матвеева, 1993; Богачев, 1991) городище и селище Новая Беденьга I (Вязов, Багаутдинов, Нерушин, Семькин, 2012; Вязов, Салугина, Семькин, 2013), городище Новая Слобода I (Семькин, Матвеева, 2010; Багаутдинов, Семькин, 2012), городище Чертов городок (Семькин, 1996); Комаровский могильник (Вязов, Петрова, 2013). Продолжается исследование поселений середины I тыс. н.э. в Татарстане: Русско-чебоксарское поселение (Руденко, 2013), I Полянкинское селище (Рафиков, 2012), Малополянское V селище и II Тетюшское городище (Руденко, 1998, 2008, 2010).

Материалы многих перечисленных памятников именьковской культуры были обобщены в диссертационном исследовании Л.А. Вязова (Вязов, 2011).

Раскопки новых именьковских могильников, а также находки на именьковских поселениях монет (Старостин, 1977; Матвеева, Морозов, 1991), позволили уточнить хронологические рамки культуры.

Найденные в хозяйственных ямах именьковского слоя сасанидские драхмы Пероза (457-483 гг.) и первого правления Кавада (488-497 гг.) позволили П.Н. Старостину датировать Троицко-Урайское I городище VI в. (Старостин, 1977. С. 41). На Самарской Луке на Кармалинском городище именьковской культуры в одной из хозяйственных ям был обнаружен клад ювелирных изделий, в состав которого входили семь поздне-сасанидских драхм, отчеканенных в периоды правления Кавада и Хосрова I. Самая ранняя монета из клада была отчеканена в 519 г., поздняя – в 545 г., что и позволило авторам публикации Г.И. Матвеевой и В.Ю. Морозову говорить, что «есть основания предполагать, что клад зарыт не позднее середины VI вв. (Матвеева, 1991. С. 176). Авторы полной публикации всех материалов Кармалинского городища солидаризировались с этим выводом (Богачев и др. 2013. С. 128).

Наличие на некоторых памятниках невостребованных кладов, а также зафиксированные на поселениях и городищах слои больших пожаров, позволяют предполагать, что активная жизнь на именьковских поселениях прервалась внезапно и в результате военных погромов (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998; Богачев, 2011).

Внезапное исчезновение именьковской культуры на рубеже VI–VII вв. исследователи связывают с появлением на Средней Волге ранних болгар (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998; Богачев, 2011).

Целенаправленные исследования в области раннеболгарской археологии начинают проводить лишь с 1950-х гг.

В 1949-1950-х гг. Татарским отрядом Куйбышевской археологической экспедиции были выявлены Тетюшский и I Больше-Тарханский могильники, на которых были проведены небольшие раскопки (Калинин, Халиков, 1954). Отряд этой же экспедиции под руководством Н.Я. Мерперта в кургане бронзового века близ с. Хрящевка Ставропольского района Куйбышевской области исследовал погребение VIII – IX вв. с инвентарем, характерным для памятников салтовского круга (Мерперт, 1954. С. 126-129). В 1953 г. им же были исследованы кочевнические раннеболгарские захоронения (20 могил) близ села Кайбелы в Ульяновской области (Мерперт, 1957). Датированный VIII – IX веками «памятник окончательно доказывает приход болгар из Приазовья на Среднюю Волгу в виде большой и компактной группы племен» (Смирнов, Мерперт, 1954). Полная публикация материалов раскопок была сделана Д.А. Сташенковым (с разрешения Н.Я. Мерперта) лишь в 2007 году (Сташенков, 2007). Автор публикации, в

целом согласившись с выводами автора раскопок, предложил сузить дату Кайбельского могильника и ограничить ее пределами VIII в. Появление этого памятника в Ульяновском Поволжье Д.А. Сташенков связывает с уходом на эти территории болгар-«новинковцев»: «прекращение функционирования погребальных памятников на Самарской Луке и появление Кайбельского могильника – звенья одной цепи. Вероятной причиной ухода основной массы новинковского населения с территории Самарской Луки мог послужить поход полководца Мервана 737 г., который, возможно, закончился в районе Среднего Поволжья. Уцелевшие от арабского погрома и ушедшие дальше на север новинковцы, могли войти в состав новой группы, оставившей погребения в Кайбельском могильнике» (Сташенков, 2007. С. 432).

Е.П. Казаков отмечает, что «после проведения широких раскопок на основе материалов Танкеевского, Тетюшского, Большетиганского и других некрополей IX – X вв. Е.П. Казаковым, Е.А. Халиковой, А.Х. Халиковым опубликован ряд работ, в том числе монографий, в которых представлена характеристика культуры не только болгарских, но и пришлых урало-прикамских групп населения, активно участвующих в формировании волжских болгар как нового народа» (Казаков, 1994. С. 6).

В 1957 и 1960 гг. А.Х. Халиков и В.Ф. Генинг проводили широкомасштабные исследования I Больше-Тарханского могильника: изучено 358 раннеболгарских погребений. На II Больше-Тарханском могильнике ими же в 1960 г. вскрыто три захоронения. Все материалы были обобщены в монографии «Ранние болгары на Волге» (Генинг, Халиков, 1964). Авторы пришли к выводу, что второй половиной VIII – первой половиной IX в. следует датировать «основную массу погребений Больше-Тарханского могильника», который был «оставлен группой болгарского населения, откочевавшего из Подонья или Приазовья где-то в конце VII – начале VIII в.» (Генинг, Халиков, 1964. С. 65, 66). Раннеболгарские могильники Среднего Поволжья были разделены исследователями на две группы: «одна из них включает памятники (II Больше-Тарханский, Кайбельский), близкие к I Больше-Тарханскому могильнику и хронологически, и в культурном отношении; другая состоит из памятников так называемого танкеевского типа (Танкеевский, Хрящевский, Кокрятьский и Тетюшский могильники), хронологически близких Больше-Тарханскому, но отличающихся по культуре» (Генинг, Халиков, 1964. С. 99). Представляется интересным еще один вывод, сделанный авторами монографии: «погребальная керамика бол-

гарских могильников VIII – IX вв. в Среднем Поволжье дает возможность выделить в составе болгар по происхождению две крупные этнические группы: наиболее многочисленную болгарско-тюркскую и менее значительную угорскую» (Генинг, Халиков, 1964. С. 142).

В 1961 г. под руководством А.Х. Халикова и Е.П. Казакова начались раскопки Танкеевского могильника. С перерывами этот памятник исследовался А.Х. Халиковым, Е.А. Халиковой, Е.П. Казаковым вплоть до 1979 г. Общее число выявленных там захоронений достигло 1114. По мнению Е.П. Казакова, именно Танкеевский могильник дает наиболее яркие материалы, отражающие процесс «прихода на Среднюю Волгу более восточного прикамско-чепецкого (ломоватовско-поломского) населения и активного его контакта с собственно раннеболгарскими племенами» во второй половине IX – начале X в. (Казаков, 1982. С. 37).

В 1967, 1969, 1970, 1980 гг. казанскими археологами были открыты и исследованы отдельные захоронения раннеболгарского времени (Лебяжское, Турчаново), а также продолжалось исследование Тетюшского могильника (Казаков, 1982. С. 31). Однако наибольший интерес представляют материалы исследованного в 1974-1975 гг. Е.А. Халиковой и А.Х. Халиковым I Больше-Тиганского могильника конца VIII – первой половины IX в., расположенного в Алексеевском районе Татарстана (Халикова, 1976). Уже первые раскопки дали возможность сопоставить памятник с кушнаренковскими материалами Приуралья и отнести его к культуре протовенгров, которая «имеет глубокие истоки в культурах лесостепного Прииртышья и Южного Зауралья эпохи раннего железа и, видимо, более раннего времени» (Халикова, 1976. С. 155). Работы на памятнике в 1978-1981 гг. были продолжены А.Х.Халиковым и по их итогам опубликована монография (Chalikowa, Chalikow, 1981).

Тема протовенгерской идентификации Поволжско-Приуральских материалов, помимо всего прочего, была актуализирована раскопками в Предуралье целого ряда памятников середины I тыс. н.э., исследование которых началось в 1960-1970-х годах. Авторы недавно изданного второго тома «Истории башкирского народа» отмечают, что этот период был «временем “исторического взрыва” по средневековой археологии лесного и лесостепного Приуралья. Правда “взрыв” этот касался преимущественно памятников и культур I тыс. н.э. Так, Галина Ивановна Матвеева – руководитель археологической экспедиции Башкирского университета – в 1966 – 1969 гг. активно исследует памятники турбаслинской, бахмутинской и ка-

раякуповской культур (Шареевский могильник, Тибельское селище, Юмакаевское, Кара-Якуповское, Старо-Калмашское городища). 1970-е годы были временем начала систематических поисков и изучения средневековых памятников в степном Приуралье и на северо-востоке современного Башкортостана. И наиболее масштабные изыскания в этом направлении были проведены Н.А. Мажитовым, открывшим и исследовавшим серию памятников VII – IX и XII – XIV вв. в бассейне р. Уфы (Лагеревские, Караневские, Мрясимовские курганы), в среднем течении р. Урал (Алабайтал, Жанаталап, Карагач, Рассыпино и др.), в низовьях Белой (Манякский, Житимакский могильники» (Гарустович, 2012. С. 30-31). Представляется чрезвычайно важным, что материалы многих упомянутых памятников были достаточно быстро введены в научный оборот (Матвеева, 1968; Мажитов, 1959, 1977, 1981). Они легли в основу целого ряда диссертаций (Матвеева, 1969; Мажитов, 1988; Иванов, 1990; Сунгатов, 1995; Овсянников, 1997; Гарустович, 1998) и стали отправной точкой для выделения турбаслинской, кушнаренковской и караякуповской культур (Матвеева, 1969; Мажитов, 1977; Сунгатов, 1998).

В 1970 – 1980-е годы продолжались исследования раннесредневековых финно-угорских памятников Среднего Поволжья. Работа велась по нескольким направлениям. С одной стороны, открывались и исследовались памятники IV – VIII вв., в районах, где материалы этого периода ранее были неизвестны (к примеру, в 1970-е гг. в Горьковском Поволжье проводятся раскопки Безводнинского (Краснов, 1980) и Абрамовского (Жиганов, Архив) могильников). С другой – продолжилось доисследование могильников, работы на которых были начаты еще в 1930 – 1940-е гг. (Польно-Ялтуновский, Старокадомский (Ефименко, 1975)), Гавердовский (Ефименко, 1975), Ахмыловский (Архипов, 1976) могильники и др. Сравнительно недавно открыты и начали исследоваться новые грунтовые могильники (Подвязьевский), однако их материалы только начинают вводиться в научный оборот (Грибов, 2013).

С 1969 г. кочевнические памятники лесостепного Поволжья исследуются Средневожской археологической экспедицией Куйбышевского (ныне Самарского) государственного университета.

История изучения раннесредневековых кочевнических древностей Самаро-Симбирского Поволжья достаточно детально рассмотрена в ряде работ Г.И. Матвеевой, И.Н. Васильевой и А.В. Богачева (Матвеева 1997; Васильева, 1979; Богачев 2000, 2010, 2011). В этой связи мы отметим лишь некоторые принципиально важные вехи этой истории.

Прежде всего, в накоплении и структуризации новых раннесредневековых материалов необходимо отметить вклад Г.И. Матвеевой. Будучи признанным знатоком средневековых древностей она давала четкую хронологическую и этнокультурную оценку вновь открываемых и случайно найденных (зачастую разрушаемых при строительстве) памятников. Подавляющее большинство ее заключений не потеряли своей актуальности и сегодня.

Кроме того, в исследовании раннесредневековых кочевнических памятников региона необходимо отметить вклад И.Б. Васильева, И.Н. Васильевой, Р.С. Багаутдинова, А.В. Богачева, С. Э. Зубова, В.Н. Мышкина, В.А. Скарбовенко, Д.А. Сташенкова и др. самарских исследователей – учеников Г.И. Матвеевой.

В 1969 г. на 116 км г. Куйбышева было обследовано разрушенное в результате строительных работ захоронение с вещами (сабля, наконечники стрел, предметы конской упряжи, поясные накладки), позволившими Г.И. Матвеевой датировать комплекс второй половиной VIII – IX в. и отметить «близость его к кругу раннеболгарских памятников типа Больше-Тарханского могильника» (Матвеева, 1976. С. 38).

В 1970 г. отрядом Куйбышевского госуниверситета под руководством Г.И. Матвеевой были раскопаны три кургана с каменными набросками III Рождественского могильника на Самарской Луке. Опубликовавшая материалы раскопок Н.Г. Рутто, датировала памятник XIII – XIV вв. (как выяснилось впоследствии, ошибочно) и связала его с «периодом обитания печенежско-торчешского и черно-клобуцкого населения в Поволжье» (Рутто, 1975. С. 127). В этом же году был раскопан один курган Новинковского I могильника (Матвеева, 1975). Эти раскопки положили начало исследованию памятников, которые десятилетие спустя будут выделены Г.И. Матвеевой в особый новинковский тип раннеболгарских могильников (Матвеева, 1985).

В 1970 г. отряд экспедиции ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР под руководством М.Г. Косменко у д. Малая Рязань (Самарская Лука) под наброской из камней исследовал ориентированный в восточном направлении костяк, лежащий вытянуто на спине. Сопровождающий инвентарь (серьга, стилетообразная булавка) и характер погребального обряда позволил Г.И. Матвеевой поставить комплекс в один ряд с исследованными позднее грунтовыми захоронениями Шелехметского II могильника (раскопки Г.И. Матвеевой 1980-1981 гг.) и захоронениями с городища Лбище

(раскопки Г.И.Матвеевой 1994 г.) и интерпретировать все эти комплексы как болгарские новинковского типа (Матвеева, 1995).

В 1971 г. отрядом САЭ под руководством И.Б. Васильева в кургане бронзового века близ с. Васильевка Кошкинского района был исследован разрушенный кочевнический комплекс. Опубликовавшая его И.Н. Васильева при идентификации материалов погребения опиралась лишь на находку ножа с волютообразным навершием и отнесла его к эпохе VIII – X вв. (Васильева, 1979. С. 213–214). В этой же работе И.Н. Васильева идентифицировала материалы из ряда комплексов, исследованных САЭ на территории Самарского Поволжья до 1979 г.: погребения 1 и 2 из одиночного кургана Золотая Нива, курган 1 Абашевского могильника, погребение 2 кургана 6 Преполовенковского курганного могильника, курган 4 Кировского I курганного могильника. Все они, на основании анализа погребального обряда и вещественного материала, были включены И.Н. Васильевой в первую и вторую группу кочевнических древностей Самарского Поволжья. В первую (Кировский, Преполовенка) «вошли памятники раннесредневековых кочевников IV – VII вв. Вторую (Золотая Нива, Абашево, Васильевка) составляют памятники второй половины VIII-X вв., отразившие процесс продвижения раннеболгарских и других этнических групп на территорию Волго-Камья» (Васильева, 1979. С. 204-216).

В степях южнее р. Самары в 1972-1974 гг. И.Б. Васильевым у сел Утевка и Покровка было исследовано несколько погребений поздних кочевников X–XI веков. Особенности погребального обряда и специфика инвентаря позволили И.Н. Васильевой отнести их к печенежско-торческому кругу памятников средневековых кочевников Евразии (Васильева, 1979. С. 216–222). Типологически и хронологически близкие комплексы на территории Самарского Поволжья впоследствии были найдены в курганах у поселка Кировский (раскопки 1977 г. Р.С. Багаутдинова), сел Волчанка (раскопки 1979 г. Л.В. Кузнецовой), Гвардейцы (раскопки 1994 г. В.Н. Мышкина), Красный Октябрь (раскопки 1995 г. Р.С. Багаутдинова, А.В. Богачева, А.И. Крамарева) (Багаутдинов, Богачев, Крамарев, 2004. С. 224–225; Богачев, 2001. С. 49–52; Богачев, 2006. С. 397–400; Васильева, 1985. С. 173–177; Васильева, 2000. С. 268–273; Крамарев, Багаутдинов, Богачев, 1996).

В 1974 г. отрядом САЭ под руководством И.Б. Васильева на правом берегу р. Чагра в Хворостянском районе Куйбышевской области проводились раскопки Владимирского могильника эпохи бронзы, в одном из курганов

которого было исследовано впускное захоронение, сопоставленное автором публикации с комплексами гуннского круга (Скарбовенко, 1979).

В 1975 г. на песчаной дюне близ разъезда Немчанка Борского района Самарской области местными жителями были собраны вещи, происходившие из двух разрушенных погребений. Опубликовавшая материалы Г.И. Матвеева датировала комплекс находок VIII – IX вв., отметив, что возможно «эти погребения были оставлены одной из групп населения, впоследствии вошедших в состав Волжской Болгарии» (Матвеева, 1977. С. 56).

В конце 1970-х – начале 1980-х годов археологическими экспедициями Самарского государственного университета под руководством Г.И. Матвеевой на Самарской Луке были исследованы III Рождественский (Матвеева, 1995) и II Новинковский курганные могильники, характерной особенностью которых являются каменно-земляные насыпи. Уже первоначальный анализ материалов позволил Г.И. Матвеевой выделить их в особый новинковский тип памятников и связать их с ранними болгарами, подчеркнув общие черты погребального обряда и инвентаря этих могильников с болгарскими могильниками Подонья, Подунавья и Среднего Поволжья (Матвеева, 1985; Васильев, Матвеева, 1986). При этом автор опиралась и на антропологический анализ черепов из Новинковского II могильника, произведенный Н.М. Рудь и отметившей, что население, оставившее памятник, «входило в круг распространения кочевых болгарских племен Поволжья и Подонья и было смешанным по своему антропологическому типу» (Рудь, 1987).

В 1988 г. на Самарской Луке в Ставропольском районе Самарской области А.В. Богачевым и С. Э. Зубовым были начаты раскопки могильников новинковского типа в окрестностях с. Брусяны. В 1988, 1989, 1991, 1994, 1996 гг. по открытым листам А.В. Богачева, С. Э. Зубова, С. Ф. Ермакова исследовался II Брусянский курганный могильник. В 1991 г. было исследовано два кургана III Брусянского могильника. В 1996 г. раскопаны два кургана IV Брусянского могильника и II Брусянский одиночный курган.

В 1990 г. в Ставропольском районе Самарской области А.В. Богачевым были произведены раскопки пяти курганов Мало-Рязанского могильника материалы которого позволили идентифицировать его с памятниками новинковского типа и датировать его в пределах конца VII – первой половины VIII в. (Богачев, Зубов, 1990, 1991). В 1996 г. С. Э. Зубов продолжил раскопки памятника. В этом же 1996 г. С. Э. Зубов исследовал один курган (одно погребение) на соседнем II Мало-Рязанском могильнике. В 1997 г.

раскопки Мало-Рязанского могильника были продолжены, А.В. Богачевым, Р.С. Багаутдиновым и С. Э. Зубовым. В 2009 году С. Э. Зубовым и Н.А. Лифановым было продолжено исследование могильника Малая Рязань I (Лифанов, Зубов, 2010).

В 1992 – 1994 гг. экспедицией Самарского историко-краеведческого музея под руководством Д.А. Сташенкова проводились исследования I Новинковского курганно-грунтового могильника. Было раскопано пять курганов (16 погребений) и два грунтовых захоронения, которые автор датировал концом VII – VIII вв. (Сташенков, 1995а, 1995б).

В 1993 г. отрядом Самарского госуниверситета под руководством М.С. Седовой было исследовано 8 захоронений на Шелехметском II грунтовом могильнике, идентифицированных как раннеболгарские второй половины VIII века (Седова, 1995).

В том же 1993 г. экспедиция Самарского пединститута (руководитель В.Н. Мышкин) исследовала один курган на Осиновском III курганном могильнике на Самарской Луке. Особенностью комплекса явилось наличие половины туши лошади на ступени могильной ямы. Захоронение было датировано второй половиной VII – третьей четвертью VIII в., в обряде отмечен алтайско-тюркский компонент (Богачев, Мышкин, 1995).

В 1994 г. Р.С. Багаутдиновым был раскопан курган с земляной насыпью (II Новинковский одиночный курган), где было исследовано два захоронения, связываемые автором с болгарами (Багаутдинов, 1995. С. 88–89).

С 1985 г. самарскими археологами исследовались курганные могильники на территории Татарстана и Ульяновской области.

В 1985 г. отрядом САЭ Куйбышевского госуниверситета под руководством В.А. Скарбовенко около д. Новоселки Буинского района Татарской АССР при раскопках могильника эпохи бронзы в одном из курганов (№5) было исследовано впускное захоронение VI века (Богачев, 1990).

В 1986 г. В.А. Скарбовенко проводились раскопки II Уреньского могильника, в одном из курганов которого было выявлено раннеболгарское захоронение с салтовской керамикой.

В 1988, 1991, 1992 годах работы на этом памятнике велись Р.С. Багаутдиновым: в четырех курганах исследовано 10 захоронений раннеболгарского времени.

В 1988 г. Р.С. Багаутдиновым был раскопан Старо-Майнский одиночный курган и выявлено два раннеболгарских захоронения.

Материалы исследований II Уреньского и Старо-Майнского курганных могильников частично опубликованы и датированы VII – началом IX в. (Багаутдинов, Набоков, 1993).

В 1992 г. Р.С. Багаутдиновым были раскопаны два кургана (3 болгарских погребения) Шиловского курганного могильника. В одном из погребений были найдены костяные пластины, украшенные искусной высокохудожественной сюжетной резьбой (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998).

В 1997 – 2001 гг. в Ульяновском Поволжье были обнаружены, исследованы материалы ряда раннеболгарских погребений у С. Плодовый, у пристани «Тургенево» и Автозаводской могильник (Семыкин, Казаков, 2003; Казаков, Семыкин, Вискалин, 2004).

Итогом исследования раннеболгарских могильников в лесостепном Поволжье стали монографии Е.П. Казакова (Казаков, 1992), Г.И. Матвеевой (Матвеева, 1997б) и Р.С. Багаутдинова, А.В. Богачева, С. Э. Зубова (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998).

В 1999 году В.А. Скарбовенко в Шигонском районе Самарской области был исследован курган № 2 Березовского I могильника, сооруженного «в период, последовавший за распадом Великой Болгарии. Его появление на правобережье Волги, по-видимому, связано с перемещением сюда сравнительно немногочисленной группы кочевников из причерноморско-приазовских степей, с середины VII в. занятых хазарами» (Скарбовенко, Сташенков, 2000. С. 179).

В том же 1999 году О.И. Бражник, Р.С. Кирсановым, Н.А. Лифановым были продолжены раскопки Шелехметского II курганно-грунтового могильника. В кургане №11 было исследовано четыре погребения новинковского типа, которые были датированы авторами второй половиной VII – первой половиной VIII в. (Бражник, Кирсанов, Лифанов, 2000. С. 193).

В 2000 году на правобережье р. Самары в курганном могильнике Бобровка I (Кинельский район Самарской области) В.А. Скарбовенко было исследовано кочевническое погребение салтовского времени, впущенное в курган (№ 2) эпохи бронзы (Скарбовенко, 2001).

Долгое время считалось, что переселение болгар (ранних болгар, праболгар) в районы Среднего Поволжья началось в салтовское время в конце VIII века. Эта дата была получена в результате открытия и исследования в 1950-х годах, прежде всего, Больше-Тарханского могильника (Геннинг, Халиков, 1964). Однако, в результате работ самарских археологов на Средней Волге был выявлен и изучен совершенно новый пласт праболгарских могильников новинковского типа конца VII – VIII вв., которые их исследователи связывают в праболгарами (Матвеева, 1997; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998).

Не углубляясь в тонкости этнической идентификации «новинковцев», следует отметить, что помимо авторов раскопок этих памятников, их праболгарскую принадлежность не отрицала С. А. Плетнева, отметившая, что «следует упомянуть и активно исследованные в последние 20 лет на Средней Волге в степных долинах Самарской Луки и немного выше Жигулей по течению Волги несколько могильников. Археологи, открывшие и опубликовавшие их, считают их праболгарскими и датируют концом VII – VIII вв. В целом можно согласиться с этой датой. Что касается этнического определения, то оно также в основном вполне вероятно» (Плетнева, 2000. С. 201).

В одной из своих недавно вышедших монографий Р.Д. Голдина по этому вопросу высказалась в том плане, что «гипотеза самарских коллег о принадлежности самарских объектов праболгарам заслуживает пристального внимания» (Голдина, 2012. С. 64).

В научной литературе по данной проблеме имеются и иные точки зрения. В частности, наиболее последовательным противником гипотезы о праболгарском этническом субстрате новинковских племен является Е.П. Казаков, однако и в его некоторых работах можно найти высказывания о том, что погребения II Бруснянского могильника «возможно, относятся к болгарам» (Казаков, 1994. С. 11).

В 2005 г. Н.В. Лебедевой в кургане 1 Лузановского IV могильника (Кошкинский район Самарской области) было исследовано впускное погребение (№2), которое автор публикации рассматривает в контексте кочевнических древностей середины I тысячелетия (Лебедева, 2008. С. 191-192). А.В. Богачев ставит этот комплекс в ряд постгуннских кочевнических древностей VI в., наряду с такими, исследованными ранее погребениями как Новоселки, Кирово I (к. 4), Преполовенка (к.6, п. 2), Новинки II (к. 4, п. 2), Владимировка (к.4 п. 2) (Богачев, 2011).

Следует также отметить публикации отдельных погребений VIII – IX вв. – Палимовское (Перепелкин, Сташенков, 1996), Лебяжинка (Сташенков, Турецкий, 1999), Просвет (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 2006) – этнокультурная идентификация которых представляется достаточно спорной (ранние болгары, протовенгры?). В частности, говоря об уралоповолжской части мадьярского пути на запад «по южной границе волгоуральской лесостепи, вдоль левого берега Волги» (Иванов, 1996. С. 196), В.А. Иванов опирается на ряд типологически близких погребений (Ромашинское, 116 км г. Куйбышева, Немчанское, Луговское). Причем, первые «три из перечисленных погребений исследователями трактуются как караякуповские (Г.И.Матвеевой – кушнаренковские)» (Иванов, 1996. С. 195).

По мнению Д.А. Сташенкова в этом же контексте следует рассматривать находки (оружие, предметы конской упряжи) сделанные во время строительных работ на 23-24 км г. Самары, поступившие в 2007 – 2011 гг. в Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. «Большая часть предметов из уже известных и публикуемых комплексов Самарского Поволжья находят аналогии как в материалах Больше-Тиганского и Танкеевского могильников на территории Татарстана, так и в комплексах эпохи "обретения родины" на территории Венгрии. В свете новых данных представляется весьма вероятным, что территория Самарского Поволжья входила в зону традиционных кочевых маршрутов мадьярских племен. Можно предположить, что после ухода основной части венгерского населения на Запад в первой половине IX в. в регионе остались небольшие кочевые коллективы, которые занимали пастбищные угодья в низовьях и в среднем течении Самары. Затем территории мадьярских кочевий постепенно отодвигаются к северу от Самарского региона» (Сташенков, 2012. С. 96).

О том, что и Самарское Поволжье в VIII веке было зоной взаимодействия праболгар и протовенгров, говорит находка в одном из комплексов (к. 37, п.1) Брусаянского II могильника на Самарской Луке классической караякуповской посуды (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. Табл. LVI, 5,7).

В конце VIII – первой половине IX в. мир ранних болгар Среднего Поволжья и мир венгров Прикамья территориально практически сомкнулись. А позднее ранние болгары и часть оставшихся в регионе венгров приняли «участие в сложении населения и культуры Волжской Булгарии, о чем достаточно красноречиво свидетельствуют материалы Танкеевского и Тетюшского могильников второй половины IX – X в.» (Халикова, 1976б. С. 155).

Помимо раскопок могильников VIII – IX вв. на Средней Волге исследовались поселения ранних болгар.

В середине 1980-х гг. на Абрамовском поселении, расположенном в Майнском районе Ульяновской области были обнаружены материалы (керамика, изделия из железа) типологически и технологически сопоставимые с вещами из Больше-Тарханского могильника и синхронные ему (Семыкин, 1996. С. 67).

В 1993-1994 гг. экспедицией Ульяновского государственного педагогического университета под руководством Ю.А. Семыкина в Старомайнском районе Ульяновской области у с. Кременки проводились раскопки городища «Чертов городок», в слоях которого были найдены раннеболгар-

ские материалы VIII – IX вв., а также керамика именьковской культуры. Это обстоятельство позволило Ю.А. Семькину говорить о том, что «не все именьковское население покинуло места своего обитания и какая-то его часть осталась и вступила в контакт с пришедшими раннеболгарскими племенами» (Семькин, 1996. С. 73).

В 2006 г. совместная археологическая экспедиция Ульяновского государственного педагогического университета и Самарского государственного университета проводила охранные археологические исследования городища Новая Слобода в Сингилеевском районе Ульяновской области (Семькин, Матвеева, 2010), материалы которого авторы раскопок относят «к раннему этапу истории Волжской Болгарии – к заключительному этапу ранней Волжской Болгарии» (Багаутдинов, Семькин, 2012. С. 222).

На селище Новая Беденьга I, расположенном в Ульяновском районе Ульяновской области, помимо именьковского слоя (см. выше), были найдены материалы, связываемые авторами публикации с ранними болгарами VIII – IX вв. (Вязов, Багаутдинов, Нерушин, Семькин, 2012. С. 78).

В 1998, 1999 и 2000 годах Средневожская археологическая экспедиция Самарского государственного университета под руководством Г.И. Матвеевой вела раскопки Севрюкаевского II селища, расположенного на Самарской Луке в Ставропольском районе Самарской области. «В эпоху раннего средневековья на нем жило население, оставившее могильники новинковского типа, скорее всего, ранние болгары» (Матвеева, 2003. С. 107).

В 2007 – 2009 гг. археологами Самарского государственного университета велось исследование Малорязанского VII селища, расположенного на Самарской Луке в Ставропольском районе Самарской области. По мнению авторов публикации, памятник датируется концом VIII – X вв. и относится «к кругу памятников лесостепной периферии салтово-маяцкой культуры» (Вязов, Нерушин, 2010. С. 134).

Ряд монографий и диссертаций, подготовленных на рубеже XX – XXI вв., подвели определенный итог исследованиям раннесредневековых памятников лесостепного Среднего Поволжья и Предуралья (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998; Белорыбкин, 2003; Богачев, 1998, 2000а, 2000б, 2010, 2011; Вязов, 2011; Зубов 2006; Иванов, 1990; Казаков, 1992, 1994; Матвеева, 1997, 2000а, 2000б; Матвеева, Богачев, 2000; Овсянников, 1997; Салугина, 2000; Сташенков, 2005, 2007; Сунгатов, 1995, 1998; Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004; Французов 2014). Нельзя не отметить значимость и результативность конференций, посвященных проблемам изучения культур Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. регулярно проводимых в Самаре с 1996 г. (Культуры, 1996; Культуры, 1998, Культуры, 2001, Культуры, 2010).

Таким образом, за минувшее столетие археологи Волго-Уралья продвинулись далеко вперед и с позиции количества новых материалов, и с позиции методики их обработки, и с позиции высказанных ими идей.

При этом нельзя не отметить особую результативность исследований второй половины столетия, когда на смену отдельным профессионалам-энтузиастам, пришли большие научные коллективы. Начиная с 1950-х годов в результате работ новостроечных экспедиций археологическая деятельность стала приобретать системный характер. В 1960-1970-х годах в целом ряде региональных центров были созданы археологические лаборатории и кафедры археологии, т.е. специалистов начали подготавливать непосредственно «на местах». Все это вывело археологические изыскания на качественно новый уровень.

Новые материалы предопределили выделение в Волго-Камье новых типов памятников: именьковского, романовского, тураевского, ошпандинского, ножа-варского, большетарханского, новинковского, турбаслинского, кушнаренковского, караякуповского и др. В 1960-1970-е гг. в результате расширения источниковой базы некоторые из вышеназванных типов были переформатированы в археологические культуры: азелинскую, именьковскую, турбаслинскую, раннеболгарскую, кушнаренковскую, караякуповскую.

Представляется важным, что в результате научных дискуссий 1970-1990-х гг. было достигнуто определенное, принятое большинством исследователей, видение относительной хронологии этих культур, хотя споры по поводу абсолютных дат продолжают.

Что касается вопросов генезиса и этнической идентификации той или иной культуры, то они активно обсуждаются. Это касается прежде всего именьковской культуры, а также кочевнических памятников ранне-салтовского и салтовского времени (новинковский, уреньский, большетарханский типы, кушнаренковская и караякуповская культуры).

Литература

1. Агапов, С.А. Памятники славянского типа в Куйбышевской области / С.А. Агапов, В.И. Пестрикова, Н.П. Салугина // Древние и средневековые культуры Поволжья. – Куйбышев: изд-во КуГУ, 1981. – С. 108-119.
2. Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнова А.П., Хованская О.С. Исследование города Болгара // КСИИМК. 1949. Вып. 27. – С. 149-157.
3. Артамонов М.И. История хазар. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2002. – 688 С.

4. Архипов Г.А. Захоронения с конем I тысячелетия н.э. в Марийском Поволжье // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука. 1978. – С. 122-180.
5. Архипов Г.А. Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1976. 165 С.
6. Атавин А.Г. Информационно-поисковая система «НОМАД» (печенег, торки, половцы в междуречье Волги и Дона // Базы данных в археологии. М.: ИА РАН, 1995. С. 34-52.
7. Атавин А.Г. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1996. – С. 208–264.
8. Атавин А.Г. Погребения и святилища средневековых кочевников междуречья Волги и Дона // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина. М.: ИА РАН: ТАУС, 2008. – С. 106-171.
9. Багаутдинов Р.С. Новые раннеболгарские курганы Самарской Луки // Средневековые памятники Поволжья. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1995. – С. 85–94.
10. Багаутдинов Р.С. , Богачев А.В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: «Полдень. XXII век», 1998. – 286 С.
11. Багаутдинов Р.С. , Богачев А.В., Зубов С. Э. Средневековые комплексы могильника Просвет I // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. – Самара, 2006. – С. 400–410.
12. Багаутдинов Р.С. , Богачев А.В., Крамарев А.И. Краснооктябрьский I одиночный курган // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. –Самара, 2004. – С. 223–238.
13. Багаутдинов Р.С. , Зубов С. Э. Воинский комплекс Шиловских костяных пластин // Военная археология: оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. – СПб.: ГоС. Эрмитаж, 1998. – С. 253–256.
14. Багаутдинов Р.С. , Набоков А.В. Новые материалы о погребальном обряде ранних болгар на Волге // Новое в средневековой археологии Евразии. – Самара: «Артефакт», 1993. – С. 13–18.
15. Балинт Ч. Введение в археологию авар // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. – Ижевск. Изд-во УдГУ, 1995. – С. 38–87.
16. Белорыбкин Г.Н. Динамика хозяйственного и этнокультурного развития Западного Поволжья в средние века (по археологическим данным): автореф. дис... докт. ист. наук. – Ижевск, 2003. – 51 С.
17. Белорыбкин, Г.Н. Западное Поволжье в средние века / Г.Н. Белорыбкин. – Пенза, 2003. – 200 С.

18. Богачев А. В., Ермаков С. Ф. Работы на II Бруснянском могильнике // АО 1994 года. – М., 1995. – С. 186–187.
19. Богачев А. В., Ермаков С. Ф., Хохлов А.А. Выползовский I курганный могильник ранних болгар на Самарской Луке // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1996. – С. 83–98.
20. Богачев А. В., Зубов С. Э. Бруснянский II курганный могильник ранних болгар (раскопки 1988—1989 гг.) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара: «Артефакт», 1993. – С. 19–41.
21. Богачев А. В., Зубов С. Э. Новый могильник эпохи переселения народов на Средней Волге // *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Sessiones sectionum dissertations historica, archaeologica et antropologica.* – Debrecen, 1990. – С. 149–153.
22. Богачев А. В., Мышкин В. Н. Раннеболгарский курган у С. Осиновка // Средневековые памятники Поволжья. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1995. – С. 65–74.
23. Богачев А.В. В поисках стиля: состав и хронология комплексов с пряжками предгеральдических форм // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия нашей эры (проблемы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). – Самара: СОИКМ, 2010. – С. 155–268.
24. Богачев А.В. Древности кочевников гуннского и постгуннского времени (V – VI вв.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен. В 6 т. Т. 3. Ранний железный век и средневековье. – М.: Наука, 2000а. – С. 135–154.
25. Богачев А.В. К истокам биритуализма погребальной обрядности племен именьковской культуры // Вестник СМиУ. № 4 (27), 2013. – С. 33–39.
26. Богачев А.В. Кочевники лесостепного Поволжья V – VIII вв. // История Самарского Поволжья с древнейших времен. В 6 т. Т. 3. Ранний железный век и средневековье. – М.: Наука, 2000б. – С. 189–215.
27. Богачев А.В. Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв. – Самара: Изд-во СГПУ, 1998. – 108 С.
28. Богачев А.В. О времени прихода болгар на Среднюю Волгу (в свете новых находок и публикаций) // Проблемы на прабългарската история и култура. Вып. 4-1. – София: «ОНГЪЛ», 2007. – С. 15–22.
29. Богачев А.В. О некоторых аспектах ведения научного поиска и научной дискуссии в раннесредневековой археологии // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2. – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2001. – С. 252–258.
30. Богачев А.В. Печенеги «отрезанные» Самарского Заволжья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. – Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2006. – С. 397–400.

31. Богачев А.В. Погребение VI века на юго-западе Татарии // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань: КНЦ АН СССР, 1990. С. 15-19.
32. Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов Среднего Поволжья V–VIII вв.). – Самара: «Артефакт», 1992. – 207 С.
33. Богачев А.В. Результаты и перспективы изучения истории средневековых кочевников лесостепного Поволжья // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. XV. – Самара: ООО «Офорт», 2010. – С. 126-134.
34. Богачев А.В. Результаты и перспективы изучения истории средневековых кочевников лесостепного Поволжья // Краеведческие записки. Вып. XV. 40 лет Средневожской археологической экспедиции. – Самара, 2010. – С. 126-134.
35. Богачев А.В. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в середине I тыс. н.э. – Саарбрюккен: LAPLAMBERT Academic Publishing, 2011. – 340 С.
36. Богачев А.В. Украшения в системе хронологии праболгарских древностей новинковского типа // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тез. док. – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2000в. – С. 11-14.
37. Богачев А.В. Французов Д.А. Костюм праболгар Среднего Поволжья конец VII – начало X в. – Самара: Самар. гоС. техн. ун-т, 2012. – 350 С.
38. Богачев А.В. Хронология поясных украшений IV–VIII вв. Среднего Поволжья (к процедуре археологического датирования): автореф. дис... канд. ист. наук. – М.: ИА РАН, 1994. – 22 С.
39. Богачев А.В., Зубов С. Э. К вопросу об этнокультурной компоненте праболгар Среднего Поволжья VII–VIII вв. // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара: СОИКМ. 2008. – С. 348-362.
40. Богачев А.В., Зубов С. Э. Конь в погребальной практике праболгар Среднего Поволжья // Краеведческие записки. Вып. XI. – Самара: СОИКМ, 2003. – С. 33–45.
41. Богачев А.В., Зубов С. Э. Племена Среднего Поволжья во второй половине I тысячелетия нашей эры // История Башкирского народа в семи томах. Том II. Уфа: «Гилем», 2012. С. 84-98.
42. Богачев А.В., Матвеева Г.И. Памятники раннеболгарского времени // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней (Ранний железный век и средневековье). – М.: Наука, 2000. – С. 155-188.
43. Богачев, А.В. Большой дом Старо-Майнского городища / А.В. Богачев // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1991. – С. 159-171.
44. Богачев, А.В. О верхней хронологической границе именьковской культуры / А.В. Богачев // Средневековые памятники Поволжья. – Самара: Изд-во Кугу, 1995. – С. 16-22.
45. Боталов, С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция) / С. Г. Боталов. – Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2009. – 671 С.

46. Бражник О.И., Кирсанов Р.С., Лифанов Н.А. Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника в 1999 г. // Краеведческие записки. Вып. IX. – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2000. – С. 188–198.
47. Буров Г.М. Раннебулгарские памятники Ульяновского Поволжья // Из истории ранних булгар. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. – С. 40–55.
48. Буров, Г.М. Именьковская культура в Ульяновском Поволжье / Г.М. Буров // Древности Среднего Поволжья. – Куйбышев: Изд-во КуГУ, 1985. – С. 111-130.
49. Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. – Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во, 1986. – 232 С.
50. Васильева И.Н. Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области // Древности Среднего Поволжья. – Куйбышев: Изд-во КуГУ, 1985. – С. 173–178.
51. Васильева И.Н. Памятники тюркских кочевников домонгольского периода в Самарском Заволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен. В 6 т. Т. 3. Ранний железный век и средневековье. – М.: Наука, 2000. – С. 267-273.
52. Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Научные труды. Т. 230. – Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1979. – С. 202–240.
53. Васюткин С. М. К вопросу о происхождении и ранней дате именьковской культуры // КСИА. 1988. Вып. 194. С. 75-80.
54. Васюткин С. М. Салиховский курганный могильник конца IV – V в. в Башкирии // СА. 1986. № 2. С. 180-197.
55. Васюткин С. М., Горбунов В.С. Отчет об археологических исследованиях в БАССР в 1972 г. Архив кабинета археологии БГУ. Уфа, 1972.
56. Вихляев В.И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья (учебное пособие). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1977. 98 С.
57. Вязов А.А., Багаутдинов Р.С., Нерушин И.А., Семькин Ю.А. Исследование селища Новая Беденьга I в 2010 г. (новые материалы I тыс. н.э. с территории Ульяновского Поволжья // Исследования по раннесредневековой археологии Евразии. – Казань: РИЦ, 2012. – С. 54-101.
58. Вязов Л.А. Социально-экономическое развитие населения Среднего Поволжья в середине I тысячелетия н.э. (по материалам именьковской культуры): автореф. дис... канд. ист. наук. – Казань, 2011. – 21 С.
59. Вязов Л.А., Нерушин И.А. Исследование поселения хазарского времени у с. Малая Рязань на Самарской Луке в 2007-2009 гг. // Культуры Евразийских степей второй половины 1 тысячелетия нашей эры (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2010. – С. 128-146.
60. Вязов Л.А., Нерушин И.А. Стилетовидные предметы с волютообразным навершием на территории Среднего Поволжья // Археология восточноевропейской степи. Вып. 8. – Саратов: ИЦ «Наука», 2010. – С. 255-273.

61. Вязов Л.А., Петрова Д.А. Комаровский могильник (предварительная публикация) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Материалы к V Международной археологической конференции. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина. 2013. – С. 15-20.
62. Вязов Л.А., Салугина Н.П., Семькин Ю.А. Городище и селище Новая Беденьга I // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. М.: ИА РАН, 2014. – С. 325-400.
63. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.-Л.: Наука, 1965. – 113 С.
64. Газимзянов И.Р. Новые данные по антропологии населения Самарского Поволжья в эпоху раннего средневековья // Средневековые памятники Поволжья. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1995. – С. 95–109.
65. Гарустович Г.Н. История изучения археологических памятников тюркоязычных кочевников // История Башкирского народа в семи томах. Том II. Уфа: «Гилем», 2012. С. 17-31.
66. Генинг В.Ф. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тыс. н.э. // АЭБ. 1964. Т. III. С. 111-129.
67. Генинг В.Ф. По поводу рецензии А.П. Смирнова // СА. 1966. № 3. С. 282-288.
68. Генинг В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н.э.) // АЭБ. 1971. Т. IV. С. 44-54.
69. Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. – М.: Наука, 1964. – 196 С.
70. Генинг, В.Ф. Азелинская культура III-V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов / В.Ф. Генинг // Труды КАЭ. – Ижевск-Свердловск, 1963. – Т. 2. – 160 С. – (ВАУ. Вып. 5).
71. Генинг, В.Ф. Археологические памятники у села Рождествено / В.Ф. Генинг, В.Е. Стоянов, Т.А. Хлебникова, И.С. Вайнер, Е.П. Казаков, Р.К. Валеев. – Казань: Изд-во КФАН СССР, 1962. – 128 С.
72. Генинг, В.Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа / В.Ф. Генинг // Труды КФАН. – Казань, 1959. – Вып. 2. – С. 157-219.
73. Генинг, В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI-VII вв. н.э.) / В.Ф. Генинг // Исследования по археологии Южного Урала. – Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1977. – С. 90-136.
74. Генинг, В.Ф. Селище и могильник с обрядом трупосожжения доболгарского времени у села Рождествено в Татарии / В.Ф. Генинг // МИА. № 80. – М., 1960. – С. 131-144.
75. Генинг, В.Ф. Тураевский могильник V в н.э. (захоронения военачальников) / В.Ф. Генинг // Из археологии Волго-Камья. – Казань: Изд-во КФАН СССР, 1976. – С. 55-108.
76. Голдина Р.Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. 1979. № 158. С. 79-91.
77. Голдина, Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа / Р.Д. Голдина. – Ижевск, 2004а. – 422 С.

78. Голдина, Р.Д. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье / Р.Д. Голдина, В.А. Бернц – Ижевск, 2010. – 499 С. – (МИ КВАЭ. Т. 17).
79. Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии // ТСА РАНИОН. 1928. Вып. IV. С. 125-144.
80. Гольмстен, В.В. Керамика древних мест поселений Самарской Луки / В.В. Гольмстен // Бюллетень ОАИЭ при Самарском Государственном Университете. – Самара, 1925. – № 3. – С. 5-15.
81. Горюнова Е.И. Вичмарский могильник // ПИДО. 1934. № 9-10.
82. Горюнова Е.И. Мари-Луговской могильник и селище // ПИДО. 1934. № 9-10. С.107-179.
83. Грибов В.В. Раннесредневековый могильник вблизи устья р. Оки // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Материалы к V Международной археологической конференции. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина. 2013. С. 21-23.
84. Гришаков В.В. Керамика Абрамовского могильника /// Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н.э. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1988. С 44-62.
85. Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V – IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. – М.: Наука, 2003. – С. 200-2006.
86. Ефименко П.П. Иваньковский и Гавердовский могильники древней мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1975. Вып. 48. С. 7-36.
87. Ефименко П.П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. III. Вып. 1. С. 52-74.
88. Ефимова, А.М. Городецкое селище и болгарское городище у С. Балымеры Татарской АССР / А.М. Ефимова // МИА. № 111. – М., 1962. – С. 25-48.
89. Ефимова, А.М. Догородские поселения на территории Болгарского городища / А.М. Ефимова // Города Поволжья в средние века. – М., 1974. – С. 14-17.
90. Жиганов М.Ф. Отчет за 1971, 1973-75 гг. // Архив ИА РАН. Р-1, №№ 4675, 5127, 5356, 5864.
91. Жиромский, Б.Б. Древнеродовое святилище «Шолом» / Б.Б. Жиромский // МИА. № 61. – М., 1958. – С. 424-450.
92. Засецкая, И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.) / И.П. Засецкая. – СПб., 1994. – 224 С.
93. Зубов С. Э. Заселение кочевниками-болгарами Среднего Поволжья в VII–VIII вв. (к вопросу об этно-культурной компоненте). Автореф. дис... канд. ист. наук. – Казань, 2006. – 24 С.

94. Зубов С. Э., Матвеева Г.И., Приказчиков С. И. Междуреченское городище // Краеведческие записки. Вып. VII. – Самара: СамВен, 1995, С. 208 – 225.
95. Иванов В.А. Урало-поволжская часть мадьярского пути на Запад // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Материалы Международной археологической конференции. Самара, 14-17 ноября 1995 г. – Самара: СОИКМ, 1996. – С. 192-198.
96. Иванов В.А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII – XIVвв. н.э.: автореф. дисс... докт. ист. наук. – М.: ИА АН СССР, 1990. 45 С.
97. Ильина Н.С. , Симонова Н.И. Динамика растительного покрова лесостепи Заволжья под влиянием антропогенных факторов // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. – Самара: ПО СамВен, 1996. – С. 68-71.
98. История татар с древнейших времен в семи томах. Том I. Народы степной Евразии в древности / науч. ред. С. Г. Кляшторный. – Казань: Изд-во «РухИЛ», 2002. – 551 С.
99. История татар с древнейших времен в семи томах. Том II. Волжская Булгария и Великая степь / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. – 960 С.
100. Казаков Е. П. О кушнаренковских памятниках на территории Татарии // Вопросы археологии Урала. — Свердловск, 1981. Вып. 15. С. 136—140.
101. Казаков Е.П. К проблеме выявления памятников поздних сармат в Закамье // Контактные зоны на рубеже эпох. – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2003. – С. 88-90.
102. Казаков Е.П. К типологии и хронологии тюркских древностей Волжской Болгарии IX-X вв. //Археология Евразийских степей. Вып. 12. Казань: ООО «Фолиант», 2011. С. 119-128.
103. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М.: МГУ, 1994. – 42 С.
104. Казаков Е.П. Новые материалы к проблеме интерпретации именьковских древностей // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Вып. 2. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. – С. 280-284.
105. Казаков Е.П. О типологии и хронологии погребальных комплексов ранней Волжской Болгарии // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Материалы к V Международной археологической конференции. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина. 2013. С. 24-26.
106. Казаков Е.П. Об археологическом изучении раннебулгарского периода // Новое в археологии и этнографии Татарии. – Казань, 1982. – С. 29–37.
107. Казаков Е.П. Раннебулгарские погребальные комплексы правобережья р. Волги в системе средневековых древностей Восточной Европы // Исследования по раннесредневековой археологии Евразии. – Казань: РИЦ, 2012. – С. 117-132.

108. Казаков Е.П., Иванова Р.Г. Исследование селища «Девичий городок» // Из археологии Поволжья и Приуралья. – Казань: Институт истории АН РТ, 2003. – С. 98-102.
109. Казаков Е.П., Семькин Ю.А., Вискалин А.В. Автозаводской раннеболгарский могильник на территории Ульяновска // Материалы первой научной конференции, посвященной ученому и краеведу С. Л. Сытину. Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2004. С. 107-119.
110. Казаков, Е.П. Исследование селища «Девичий городок» / Е.П. Казаков, Р.Г. Иванова // Из археологии Поволжья и Приуралья. – Казань, 2003. – С. 97-102.
111. Казаков, Е.П. К вопросу о турбаслино-именьковских памятниках / Е.П. Казаков // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Материалы Международной археологической конференции. Самара, 14-17 ноября 1995 г. – Самара, 1996а. – С. 40-57.
112. Казаков, Е.П. К проблеме выявления памятников поздних сармат в Закамье / Е.П. Казаков // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы археологической экспедиции СОИКМ им. П.В. Алабина и Международной конференции. Самара, 2-6 июня 2003 г. – Самара: СОИКМ, 2003. – С. 88-90.
113. Казаков, Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов / Е.П. Казаков // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II международной археологической конференции. Самара, 17-20 ноября 1997 г. – Самара: СОИКМ, 1998. – С. 97-150.
114. Казаков, Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии / Е.П. Казаков. – М.: Наука, 1992. – 335 С.
115. Казаков, Е.П. Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья / Е.П. Казаков // ТА. – 1999. – № 1-2 (4-5) – С. 23-38.
116. Казаков, Е.П. Новые исследования именьковских памятников на Девичьем городке / Е.П. Казаков // Новое в средневековой археологии Евразии. – Самара: «Артефакт», 1993. – С. 102-106.
117. Казаков, Е.П. Новые материалы II-III четверти I тысячелетия новой эры в Закамье / Е.П. Казаков // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н.э. – Куйбышев: Изд-во КугУ, 1986. – С. 118-130.
118. Калинин Н.Ф. Древнейшее население на территории Татарии // Материалы по истории Татарии. Казань: Татгосиздат, 1948. Вып. 1. С. 94-102.
119. Калинин Н.Ф. Памятник пьяноборской культуры близ села Мордовские Каратаи // ИОАИЭКУ. Т. XXXIV. Вып. 1-2. 1928. С. 116.
120. Калинин, Н.Ф. Именьковское городище / Н.Ф. Калинин, А.Х. Халиков // МИА. № 80. – М., 1960. – С. 226-250.
121. Калинин, Н.Ф. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. / Н.Ф. Калинин, А.Х. Халиков. – Казань, 1954. – 126 С.

122. Калинин, Н.Ф. Экспедиция по западным районам Татарской АССР (Из материалов Куйбышевской экспедиции) / Н.Ф. Калинин // КСИИМК. – М.-Л., 1952. – Вып. 44. – С. 52-66.
123. Каменецкий И.С. Код для описания погребального обряда // Древности Дона. М.: Наука, 1983. – С. 221-259.
124. Ключникова, Р.М. Селище Ош-Пандо-Нерь / Р.М. Ключникова, Г.И. Матвеева // Древности Среднего Поволжья. – Куйбышев: Изд-во КГУ, 1985. – С. 131-150.
125. Кляшторный С. Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 346 С.
126. Кляшторный, С. Г. Праславяне в Поволжье / С. Г. Кляшторный // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. – Ижевск, 2006. – С. 227-229.
127. Кляшторный, С. Г. Праславянские племена в Поволжье / С. Г. Кляшторный, П.Н. Старостин // История татар с древнейших времен. В 7 т. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. – Казань, 2002. – С. 210-217.
128. Ковалевская В.Б. Конь и всадник (пути и судьбы). М.: Наука, 1977. – 152 С.
129. Комар А.В. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности Шиловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 2. Хазарское время. – Донецк, 2001. – С. 11-44.
130. Костюков В.П. Раннесредневековые комплексы могильника Каменный Амбар-5 // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа: «Гилем», 1995. С. 151-160.
131. Кочкина, А.Ф. Исследования на Муромском I селище в 1999 г. / А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 2008. – С. 305-319.
132. Крамарев А.И., Багаутдинов Р.С. , Богачев А.В. Охранные раскопки одиночного кургана Красный Октябрь I // АО 1995 года. – М. 1996. – С. 270-271.
133. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. М.: Наука, 1980.– 224 С.
134. Краснов, Ю.А., Смирнов, А.П. Рец. на кн.: Старостин, П.Н. Памятники именниковской культуры / П.Н. Старостин. – М., 1967. – 48 С. – (Археология СССР. САИ, Д1-32) // СА. – 1969. – № 2. – С. 291-296.
135. Лифанов Н.А. Исследование селища Ош-Пандо-Нерь в 1999 г. // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Вып. 2. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. – С. 288-292.
136. Лифанов Н.А., Зубов С. Э. Раскопки могильника Малая Рязань I в 2009 г. и некоторые вопросы изучения памятников новинковского типа на Самарской Луке // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. XV. – Самара: ООО «Офорт», 2010. – С. 255-262.
137. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала в VIII – XII вв. М.: Наука, 1981. – 164 С.
138. Мажитов Н.А. Ново-Турбаслинский курганный могильник // Башкирский археологический сборник. Уфа: Изд-во БФАН, 1959. С. 114-144.
139. Мажитов Н.А. Южный Урал в VII – XIV вв. М.: Наука, 1977. – 240 С.

140. Мажитов, Н.А. Бахмутинская культура / Н.А. Мажитов. – М.: Наука, 1968. – 162 С.
141. Матвеева Г. И. О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и караякуповского типов // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Том 2. Казань, 2007.
142. Матвеева Г.И. Население лесной и лесостепной Башкирии в III – VIII вв. н.э. Автореф. канд. дисс. М., 1969. – 16 С.
143. Матвеева Г.И. Грунтовые погребения новинковского типа на Самарской Луке // Краеведческие записки. Вып. VII. – Самара: СамВен, 1995б. – С. 191–198.
144. Матвеева Г.И. Изучение болгарских памятников домонгольского периода на Самарской Луке // Самарская Лука в древности. Краеведческие записки. Вып. III. – Куйбышев: Куйб. кн. изд-во, 1975. – С. 128–141.
145. Матвеева Г.И. Итоги исследования могильников новинковского типа в Среднем Поволжье // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тез. док. Всесоюз. археол. конф. – Баку, 1985. – 236–237.
146. Матвеева Г.И. Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тыс. н.э. // АЭБ. 1971. Т. IV. С. 129-132.
147. Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. – 225 С.
148. Матвеева Г.И. Памятники раннеболгарского времени / Г.И. Матвеева, А.В. Богачев // История Самарского Поволжья с древнейших времен. В 6 т. Т. 3. Ранний железный век и средневековье. – М., 2000. – С. 189-215.
149. Матвеева Г.И. Погребения VIII–IX вв. в окрестностях г. Куйбышева // Очерки истории и культуры Поволжья. – Куйбышев: КГУ, 1976. – С. 33–39.
150. Матвеева Г.И. Погребения VIII–IX вв. у разъезда Немчанка // Древности Волго-Камья. – Казань: КНЦ АН СССР, 1977. – С. 52–56.
151. Матвеева Г.И. Поселения VIII – IX вв. в Среднем Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья. – Казань: Институт истории АН РТ, 2003. – С. 104-113.
152. Матвеева Г.И. Результаты новых исследований Рождественского III курганного могильника // Средневековые памятники Поволжья. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1995а. – С. 23–33.
153. Матвеева Г.И., Богачев А.В., Набоков А.В. Переволокское городище // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. XV. – Самара: ООО «Офорт», 2010. – С. 231-242.
154. Матвеева, Г.И. Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища / Г.И. Матвеева // Археологические исследования в Поволжье. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1993. – С. 156-183.
155. Матвеева, Г.И. К вопросу о происхождении погребений с трупоположениями на территории именковской культуры / Г.И. Матвеева // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Материалы Междуна-

- родной археологической конференции. Самара, 14-17 ноября 1995 г. – Самара: СОИКМ, 1996. – С. 58-65.
156. Матвеева, Г.И. Кармалинское городище / Г.И. Матвеева, В.Ю. Морозов // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1991. – С. 172-184.
157. Матвеева, Г.И. О происхождении именьковской культуры / Г.И. Матвеева // Древние и средневековые культуры Поволжья. – Куйбышев: КГУ, 1981. – С. 52-73.
158. Матвеева, Г.И. О хозяйстве и общественном строе племен именьковской культуры / Г.И. Матвеева // Самарский край в истории России. Вып. 3. Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 120-летию со дня основания СОИКМ им. П.В. Алабина. Самара, 15-16 декабря 2006 г. – Самара: СОИКМ, 2007. – С. 46-54.
159. Матвеева, Г.И. Очерк тридцатилетних работ Средневолжской археологической экспедиции Самарского университета / Г.И. Матвеева, В.А. Скарбовенко // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. – С. 3-49.
160. Матвеева, Г.И. Памятники именьковской культуры (V-VII вв. н.э.) / Г.И. Матвеева // История Самарского Поволжья с древнейших времен. В 6 т. Т. 3. Ранний железный век и средневековье. – М.: Наука, 2000а. – С. 113-134.
161. Матвеева, Г.И. Памятники именьковской культуры на Самарской Луке / Г.И. Матвеева // Краеведческие записки КОМК. Самарская Лука в древности. – Куйбышев: Куйб. кн. изд-во, 1975. – Вып. 3. – С. 105-118.
162. Матвеева, Г.И. Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры / Г.И. Матвеева // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции. Самара, 17-20 ноября 1997 г. – Самара: СОИКМ, 1998. – С. 87-96.
163. Матвеева, Г.И. Памятники начала эпохи Великого переселения народов (II-IV века н.э.) / Г.И. Матвеева // История Самарского Поволжья с древнейших времен. В 6 т. Т. 3. Ранний железный век и средневековье. – М.: Наука, 2000б. – С. 94-112.
164. Матвеева, Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв. н.э.: именьковская культура / Г.И. Матвеева. Самара, 2003. – 168 С.
165. Матвеева, Г.И. Хронология именьковской культуры / Г.И. Матвеева // Самарский край в истории России. Вып. 1. Материалы юбилейной конференции. – Самара, 2001. – С. 186-189.
166. Матвеева, Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. / Г.И. Матвеева // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев: Изд-во КГУ, 1986. – С. 158-171.

167. Мерперт Н.Я. Кайбельский средневековый могильник. Отчет Куйбышевской археологической экспедиции // Архив ИА РАН, р-1, № 815.
168. Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Поволжья // МИА. – 1954. – № 42. – С. 39–156.
169. Мильков, Ф.Н. Среднее Поволжье. Физико-географическое описание / Ф.Н. Мильков. – М., 1952. – 263 С.
170. Напольских В.В. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э.: данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар. 1996.
171. Овсянников В.В. Вооружение и военное дело лесостепного Урала в эпоху средневековья (V – XIV вв.): автореф. канд. дисс. – Уфа: УНЦ РАН, 1997. – 19 С.
172. Овчинникова Б.Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // СА. – 1982. – № 3. – С. 210–218.
173. Перепелкин С. Б., Сташенков Д.А. Палимовское погребение // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Материалы Международной археологической конференции. Самара, 14-17 ноября 1995 г. – Самара: СОИКМ, 1996. – С. 199-207.
174. Петренко А.Г., Асылгараева Г.Ш. Погребальные комплексы с конем в грунтовых могильниках населения Среднего Поволжья и Предуралья // Археология Евразийских степей. Вып. 11. Казань: ООО «Фолиант». – С. 171-183.
175. Плетнева С. А. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. – 1997. – № 1. – С. 31–60.
176. Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М.: Наука, 1982. – 188 С.
177. Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII вв.). – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. – 248 С.
178. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. – М.: Наука, 1989. – 285 С.
179. Плетнева С. А. Отношения восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники // СА. – 1991. – № 3. – С. 98–107.
180. Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – М.; Иерусалим: «Мосты культуры/Гершаим», 2000. – 240 С. , 124 л. ил.
181. Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 62–75.
182. Плетнева С. А. Хазарские проблемы в археологии // СА. – 1990. – № 2. – С. 77–91.
183. Плетнева С. А. Хазары. – М.: Наука, 1986. – 93 С.
184. Плетнева, С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / С. А. Плетнева // МИА. № 142. – М.: Наука, 1967. – 200 С.

185. Полесских М.Р. Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Саранск: Морд.кн. изд-во. 1979. С. 5-56.
186. Полесских М.Р. К вопросу о субстрате селиксенской культуры // Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Морд.кн. изд-во. 1976. С. 141-146.
187. Полесских М.Р. Новые памятники древнейшей мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1974. Вып. 45. С. 12-32.
188. Полесских М.Р. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области // СА. 1959. № 4. С. 202-211.
189. Полесских М.Р. Ранние памятники материальной культуры мордвы мокши // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 110-118.
190. Полесских М.Р. Тезиковский могильник IV-V вв. // Исследования по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. Вып. 30. С. 268-296.
191. Полесских, М.Р. Пензенские могильники мордвы IV-V вв. / М.Р. Полесских // СА. – 1962. – № 4. – С. 179-188.
192. Пшеничнюк А.Х. Уфимский курганный могильник // АЭБ. 1968. Т. III. С. 105-112.
193. Расторопов, А.В. Исследование городища Лбище на Самарской Луке в 1981 г. / А.В. Расторопов // Древности Среднего Поволжья. – Куйбышев: КуГУ, 1985. – С. 100-110.
194. Рафикова З.С. К вопросу о культурно-генетических истоках носителей именьковской культуры (по материалам I Полянкинского селища) // Исследования по раннесредневековой археологии Евразии. – Казань: РИЦ, 2012. – С. 248-265.
195. Рикман, Э.А. Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры / Э.А. Рикман. – М.Наука, 1975. – 336 С.
196. Руденко К.А. Новое поселение типа Сителькино-Тимяшево в Татарстане // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. М.: ИА РАН, 2014. С. 307-324.
197. Руденко К.А. Русскочепоксарское поселение // Исследования по раннесредневековой археологии Евразии. – Казань: РИЦ, 2012. – С. 282-290.
198. Руденко К.А. Укрепления II Тетюшского городища в Татарстане (по материалам раскопок 2008 г.) // Культуры Евразийских степей второй половины 1 тысячелетия нашей эры (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2010. – С. 106-117.
199. Руденко, К.А. Малополянское V селище / К.А. Руденко // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции. Самара, 17-20 ноября 1997 г. – Самара: СОИКМ, 1998. – С. 185-197.

200. Руденко, К.А. Тетюшское II городище в Республике Татарстан / К.А. Руденко. – Казань, 2010. – 152 С.
201. Руденко, К.А. Тетюшское II городище в Татарстане: датировка и хронология / К.А. Руденко // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара: СОИКМ, 2008б. – С. 277-304.
202. Рудь Н. М. Антропологические исследования средневекового населения из Новинковского курганного могильника // Археологические исследования в Среднем Поволжье. – Самара: КуГУ, 1987. – С. 136–155.
203. Рутто Н. Г. Рождественский III курганный могильник // Самарская Лука в древности. Краеведческие записки. Вып. III. – Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1975. – С. 120–127.
204. Рыков П.С. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930. С. 3-82.
205. Салугина Н.П. Особенности культурного состава населения Самарского Поволжья в первой половине I тыс. н.э. по данным технологического анализа керамики // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. М.: ИА РАН, 2014. – С. 230-244.
206. Салугина Н.П. Технология изготовления керамики именьковской культуры с Междуреченского городища // Краеведческие записки. Вып. VII. – Самара: СамВен, 1995, С. 256 – 267.
207. Салугина, Н.П. Некоторые вопросы истории именьковских племен в свете данных технико-технологического анализа керамики / Н.П. Салугина // Проблемы изучения археологической керамики. – Куйбышев: КуГУ, 1988. – С. 119-144.
208. Салугина, Н.П. О некоторых чертах гончарной технологии племен именьковской культуры / Н.П. Салугина // Древности Среднего Поволжья. – Куйбышев: КуГУ, 1985. – С. 151-175.
209. Салугина, Н.П. Результаты технологического анализа керамики оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем средневековье / Н.П. Салугина // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. В 6 т. Т. 3. Ранний железный век и средневековье. – М.: Наука, 2000. – С. 216-246.
210. Седов, В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В.В. Седов. – М.: Наука, 1982. – 328 С. – (Археология СССР).
211. Седов, В.В. Славяне в древности / В.В. Седов. – М.: Наука, 1994б. – 344 С.
212. Седов, В.В. Славяне в раннем средневековье / В.В. Седов. – М.: Наука, 1995. – 416 С.
213. Седова М. С. Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника // Средневековые памятники Поволжья. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1995. – С. 53–64.

214. Семыкин Ю.А., Казаков Е.П. Исследование новых памятников раннеболгарского времени в Ульяновском Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья. – Казань: Институт истории АН РТ, 2003. – С. 114-138.
215. Семыкин Ю.А., Матвеева Г.И. Освоение природных ресурсов, становление и развитие хозяйства у раннесредневекового населения новослободской группы памятников в Сенгилеевском районе Ульяновской области // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. XV. – Самара: ООО «Офорт», 2010. – С. 243-254.
216. Семыкин, Ю.А. К вопросу о поселениях ранних болгар в Среднем Поволжье / Ю.А. Семыкин // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Материалы Международной археологической конференции. Самара, 14-17 ноября 1995 г. – Самара: СОИКМ, 1996. – С. 66-82.
217. Скарбовенко В.А. Погребение кочевника салтовского времени в долине р. Самары // «Самарский край в истории России». Материалы юбилейной научной конференции. Самара: Изд-во ЗАО «Файн Дизайн», 2001. – С. 197-199.
218. Скарбовенко В.А. Погребение раннесредневекового времени в Куйбышевском Заволжье // Древности Среднего Поволжья. – Куйбышев: Изд-во КуГУ, 1985. – С.
219. Скарбовенко В.А., Сташенков Д.А. Березовский курган и его место в системе раннесредневековых древностей Самарского Поволжья // Краеведческие записки. Вып. IX. – Самара: СОИКМ, 2000. – С. 166-187.
220. Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья // МИА. 1961. № 95.
221. Смирнов А.П. Из этнической истории западного Приуралья в I тыс. н.э. // АЭБ. 1971. Т. IV. С. 79-84.
222. Смирнов А.П. Об археологических культурах Поволжья // СА. 1968. № 2. С. 63-71.
223. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории Поволжья и Прикамья // МИА. 1952. № 28. – 274 С.
224. Смирнов А.П. Рецензия на кн.: Генинг В.Ф. Азелинская культура III – V вв. // СА. 1964. № 4. С. 240-246.
225. Смирнов А.П., Мерперт Н.Я. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. – М.: Изд-во культурно-просветительной лит-ры, 1954. – С. 9-64.
226. Смирнов, А.П. Волжские болгары / А.П. Смирнов // Труды ГИМ. – М.: ГИМ, 1951. – Вып. 19. – 298 С.
227. Смирнов, А.П. Городецкая культура / А.П. Смирнов, Н.В. Трубникова // САИ. – М.: Наука, 1965. – Вып. Д1-14. – 40 С.
228. Смолин, В.Ф. Раскопки "Шолома" в селе Балымерах Спасского кантона Татарской Республики в 1924-1925 гг. (краткий обзор) / В.Ф. Смолин // ИОАИЭ. – Казань, 1926. – Т. 33. – Вып. 2-3. – С. 113-130.

229. Спицин А.А. Заметки из поездки на р. Утку в 1898 г. // ИАК. – 1916. – Вып. 60. – С. 73–93.
230. Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. 1901. № 25. – 114 С.
231. Спицын А.А. Древности каской чуди по коллекционированию Теплоуховых // МАР. 1902. № 26.
232. Старостин П.Н. Именьковская культура и ее окружения // Контактные зоны на рубеже эпох. – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2003. – С. 94-95.
233. Старостин П.Н., Петренко А.Г. О погребениях с остатками коня Рождественского V могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола: Мар. НИИ, 1984. С. 91-112.
234. Старостин, П.Н. Балымерский Шелом – городище / П.Н. Старостин // Вопросы истории и литературы народов Среднего Поволжья. – Казань: КНЦ АН СССР, 1965б. – С. 59-68.
235. Старостин, П.Н. Богородицкий могильник / П.Н. Старостин // СА. – 1983а. – № 1. – С. 193-203.
236. Старостин, П.Н. Жилища поселения Курган / П.Н. Старостин // УЗ ПГУ им. А.М. Горького. – Пермь: ПГУ, 1967в. – Вып. 148. – С. 110-115.
237. Старостин, П.Н. Именьковские могильники / П.Н. Старостин // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н.э. – Куйбышев: Изд-во КуГУ, 1986. – С. 90-104.
238. Старостин, П.Н. Маклашеевский V могильник / П.Н. Старостин, А.А. Чижевский // Древние памятники приустьевого Закамья. – Казань, 1993. – С. 20-42.
239. Старостин, П.Н. Маклашеевское II городище именьковской культуры / П.Н. Старостин // Ученые записки ПГУ им. А.М. Горького. – Пермь: ПГУ, 1968а. – Вып. 191. – С. 221-229. – (Труды КАЭ. Вып. 4).
240. Старостин, П.Н. Нармонский могильник / П.Н. Старостин. – Казань, 2002. – 64 С.
241. Старостин, П.Н. Новый памятник предболгарского времени на Нижней Каме / П.Н. Старостин // СА. – 1968б. – № 1. – С. 251-255.
242. Старостин, П.Н. О романовских и именьковских памятниках / П.Н. Старостин // АЭБ. – Уфа, 1971а. – Т. 4. – С. 148-150.
243. Старостин, П.Н. Памятники именьковской культуры / П.Н. Старостин // САИ. – М., 1967б. – Вып. Д1-32. – 100 С.
244. Старостин, П.Н. Погребение с остатками кремации в низовьях р. Камы / П.Н. Старостин // СА. – 1975. – № 2. – С. 266-268.
245. Старостин, П.Н. Предболгарские памятники на территории Болгарского городища / П.Н. Старостин // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М.: Наука, 1987. – С. 89-98.
246. Старостин, П.Н. Работы на Троицко-Урайском I городище в 1973 году / П.Н. Старостин // Древности Волго-Камья. – Казань: КНЦ АН СССР, 1977. – С. 31-41.

247. Старостин, П.Н. Раннесредневековое поселение «Курган» / П.Н. Старостин // Средневековые археологические памятники Татарии. – Казань: КНЦ АН СССР, 1983б. – С. 6-19.
248. Старостин, П.Н. Раскопки Маклашеевского V могильника и Маклашеевского селища в 1990 году / П.Н. Старостин, А.А. Чижевский // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. – Казань, 2006. – С. 162-193.
249. Старостин, П.Н. Рождественский V могильник / П.Н. Старостин. – Казань, 2009. – 144 С. – (Археология евразийских степей. Вып. 9).
250. Старостин, П.Н. Ташкирменский могильник / П.Н. Старостин // Памятники древней истории Волго-Камья. – Казань: ИЯЛИ АНТ, 1994. – С. 123-133.
251. Старостин, П.Н. Этнокультурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье / П.Н. Старостин // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань: КНЦ АН СССР, 1971б. – С. 37-54.
252. Сташенков Д.А. Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (к постановке проблемы) // КЕС. – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1998. – С. 213–231.
253. Сташенков Д.А. Карлинское I селище (предварительная публикация) // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. М.: ИА РАН, 2014. С. 436-466.
254. Сташенков Д.А. Население Самарского лесостепного Поволжья I – V вв. н.э.: автореф. дис... канд. ист. наук. – Казань, 2007. – 25 С.
255. Сташенков Д.А. Новые археологические исследования на территории города Самары. Самара: ООО «Издательство Ас Гард», 2012. – 136 С.
256. Сташенков Д.А. Новые детали погребального обряда памятников раннеболгарского времени в Самарском Поволжье. // Средневековые памятники Поволжья. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1995. – С. 34–52.
257. Сташенков Д.А. Новые комплексы мадьярского круга в Среднем Поволжье // Актуальные вопросы археологии Поволжья. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2012. – С. 54-62.
258. Сташенков Д.А. О группах поселений хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье // Культуры Евразийских степей второй половины 1 тысячелетия нашей эры (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2010. – С. 118-127.
259. Сташенков Д.А. О хронологическом соотношении двух памятников раннеболгарского времени в Среднем Поволжье // Проблеми на прабългарската история и култура. Вып. 4-1. – София: «ОНГЪЛ», 2007. – С. 417–444.
260. Сташенков Д.А. Об одной группе раннесредневековых украшений Самаро-Симбирского Поволжья (серьги салтовского типа) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Тез. док. II Междунар. археол. конф. – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1997. – С. 60–64.
261. Сташенков Д.А. Об особенностях погребального обряда населения Самаро-Симбирского Поволжья Хазарской эпохи // Культуры степей Евразии вто-

- рой половины I тысячелетия н.э. Материалы к V Международной археологической конференции. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина. 2013. С. 78-91.
262. Сташенков Д.А. Половозрастная стратификация новинковского населения (по материалам украшений костюма) // КЕС. – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2001. Т. 2. – С. 141–165.
263. Сташенков Д.А. Раскопки Кайбельского средневекового могильника в 1953–1954 годах // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2003. – С. 24–345.
264. Сташенков Д.А., Турецкий М.А. Погребение эпохи раннего средневековья у хутора Лебяжинка (к вопросу об этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 289-301.
265. Сташенков, Д.А. Археологические исследования у С. Новинки в 1992 г. / Д.А. Сташенков // Краеведческие записки. Вып. VII. – Самара: СамВен, 1995. – Вып. 7. – С. 268-284.
266. Сташенков, Д.А. О ранней дате именьковской культуры / Д.А. Сташенков // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. – Самара: СОИКМ, 2010а. – Вып. 15. – С. 111-125.
267. Сташенков, Д.А. О хронологическом соотношении памятников лбищенского типа и ранних памятников именьковской культуры / Д.А. Сташенков // Известия СНЦ РАН. – Самара, 2010б. – Т. 12. – № 6. – С. 272-275.
268. Сташенков, Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I-V веках н.э. / Д.А. Сташенков. – М., 2005. – 150 С. (Раннеславянский мир. Вып. 7).
269. Сташенков, Д.А. Памятники эпохи раннего средневековья у С. Сиделькино / Д.А. Сташенков // Краеведческие записки СОИКМ им. П.В. Алабина. – Самара: СОИКМ, 1996б. – Вып. 8. – С. 223-236.
270. Степанов, П.Д. Итоги раскопок древнемордовских памятников / П.Д. Степанов // КСИИМК. – М.-Л., 1951. – Вып. 38. – С. 136-139.
271. Степанов, П.Д. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья / П.Д. Степанов // МИА. № 111. – М., 1961. – С. 220-272.
272. Степанов, П.Д. Ош-Пандо / П.Д. Степанов. – Саранск: Мордовск. кн. изд-во, 1967. – 211 С.
273. Степанов, П.Д. Памятники I тысячелетия н.э. в восточной части Мордовской АССР / П.Д. Степанов // КСИИМК. – М.-Л., 1948. – Вып. 19. – С. 38-42.
274. Степанов, П.Д. Памятники угро-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье / П.Д. Степанов // АЭБ. – Уфа, 1964. – Т. 2. – С. 136-147.
275. Сунгатов Ф.А. Население среднего течения реки Белой в V – VIII вв. (турбаслинская культура): автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа: «Принт». 1995. – 22 С.
276. Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура. Уфа: Изд-во «Гилем», 1998. – 168 С.

277. Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху великого переселения народов Старо-Муштинский курганно-грунтовой могильник). Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2004, 172 С.
278. Тальгрэн А.М. Два могильника железного века в Казанском уезде // ИОАИЭКУ. 1928. Т. XXX. Вып. 3.
279. Тамбовцев Л.М. На поиски болгарских городищ // Записки Тетюшского музея. Казань, 1928. Т. III.
280. Трубникова Н.В. Раскопки городища Пичке-Сорче в Чувашии // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958-1961 годах. Ученые записки. Вып. XXV. Чебоксары, 1964. – С. 163-194.
281. Трубникова, Н.В. Раскопки на городище Ножа-Вар близ д. Сареево в 1958-1959 годах / Н.В. Трубникова // Ученые записки НИИЯЛИЭ. Археологические работы в Чувашской АССР в 1958-1961 годах. – Саранск: Мордовск. кн. изд-во, 1964. – Вып. 25. – С. 115-156.
282. Федоров-Давыдов, Г.А. Статистические методы в археологии / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: МГУ, 1987. – 216 С.
283. Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов. Казань: КНЦ АН РАН, 1971. С. 7-36.
284. Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИ, 1962. Т. III. С. 7-187.
285. Халиков, А.Х. К вопросу об этносе именьковских племен / А.Х. Халиков // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. – Казань: КНЦ АН РАН, 1988. – С. 119-126.
286. Халиков, А.Х. Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тысячелетии н.э. / А.Х. Халиков // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев: КуГУ, 1986. – С. 73-89.
287. Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. – 1976 а. – № 2. – С. 158–178.
288. Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. – 1976б. – № 3. – С. 141–156.
289. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. М.: Наука, 1984. – 240 С.
290. Худяков М.Г. Азелинский могильник // ПИДО. 1937. № 7-8.
291. Худяков М.Г. Воробьевский и Вичмарский могильники // ИОАИЭКУ. Т. XXXIV. Вып. 3-4. С. 75-82.
292. Хузин Ф.Ш. Ранние болгары и Волжская Болгария (VIII – начало XIII в.). – Казань: Изд-во «Фолиантъ», 2006. – 583 С.
293. Шер Я.А. Типологический метод в археологии и статистика // Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков. – М.: Наука, 1966. – С. 253–266.

294. Шитов В.Н. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г. // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н.э. Саранск: Морд.кн. изд-во, 1988. С. 4-43.
295. Шитов В.Н. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Морд.кн. изд-во, 1988. Вып. 85. С. 23-71.
296. Шпилевский, С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии / С. М. Шпилевский. – Казань, 1877. – 620 С.
297. Юнусова Р.М. Исследование памятников эпохи железа на Самарской Луке // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2. Куйбышев: КГУ, 1976. С. 179-186.
298. Chalikowa E.A., Chalikow A.H. Altungarnan der Kama und im Ural (Regeszetifuzetek ser. 11. № 21). – Budapest, 1981. – 132 S.

**ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКОВ РОМАНОВСКОГО ТИПА ЭПОХИ
ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ БАШКИРИИ
НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ИССЛЕДОВАНИЯ
СЕЛИЩА РОМАНОВКА-II 1989 ГОДА**

В статье опубликованы результаты исследования селища Романовка II именьковской культуры. Представлен анализ особенностей памятников романовского типа.

Ключевые слова: *именьковская культура, керамика, раннее средневековье, романовское селище.*

Благодаря масштабным исследованиям раннесредневековых памятников Башкирии, проводившимся во второй половине XX и начале XXI вв., археологическая наука получила огромный материал по истории древнего населения Волго-Уралья, который свидетельствует о наличии в регионе, помимо "классических" культурных групп, большого числа достаточно аутентичного населения, изготовлявшего грубую плоскодонную бедно орнаментированную посуду, получившего название «романовский тип». В связи с этим важными становятся вопросы истории данного населения, выяснение его генетических истоков и культурных контактов. Однако, разработка данной проблемы осложнена практически полным отсутствием в научной литературе опубликованных материалов раскопок памятников романовского типа. Вследствие этого, целью данной статьи стало введение в научный оборот материалов раскопок селища Романовка-II 1989 года. Все результаты полевого исследования приведены в соответствии с материалами, составленными автором раскопок – Г. И. Матвеевой, при ведении полевой документации и написании научного отчёта о раскопках памятника. Описание коллекции материала проводилось на базе коллекции, хранящейся в археологических фондах Самарского государственного университета¹.

Территориальные группы именьковской культуры

Одним из наименее разработанных вопросов в изучении именьковской культуры остаётся вопрос её пространственной структуры. На мо-

¹ Автор выражает благодарность за предоставленную возможность работы с материалами сотрудникам археологических фондов СамГУ В. А. Скарбовенко и П. В. Ломейко.

мент написания П. Н. Старостиным первой обобщающей работы по именьковской культуре в 1967 году, представления о её распространении ограничивались территорией Нижней Камы и прилегающих районов Волги (Старостин, 1967. С. 9). Однако, начавшиеся в 60-х годах активные полевые исследования стали быстро менять научные представления границах культуры. В том же году выходит крупная работа П. Д. Степанова, посвящённая исследованию городища Ош-Пандо в Мордовии, в которой он относит ряд памятников I тыс. н.э. Посурья к именьковской культуре (Степанов, 1967. С. 76). В начале 1970-х целым рядом исследователей родственным именьковским древностям признаётся выделенный в Башкирии "романовский тип" памятников. В 1975 году Г. И. Матвеева причисляет к именьковской культуре многие поселения Самарской Луки (Матвеева, 1975. С. 119). В конце 1980-2000-х выделилась небольшая группа памятников в Удмуртии, на которых наряду с другими обнаружены и материалы именьковской культуры (Останина и др., 2011. С. 107).

Таким образом, к сегодняшнему дню, согласно разным исследователям, в ареал именьковской культуры включается, как минимум, 6 территориальных групп: нижнекамская (Татарстан), сурская (Мордовия и Чувашия), ульяновская, южная (Самарская Лука), северо-восточная (Удмуртия) и романовская (северо-западная Башкирия). При этом, на сегодняшний день только нижнекамская группа памятников представлена полным обобщающим исследованием (Старостин, 1967). По остальным же группам, в научный оборот введены лишь краткие данные и материалы по отдельным памятникам.

Краткая историография романовского типа

В 1964 году впервые К. В. Сальников предложил выделение особого "романовского типа керамики", получившего название по наиболее широко исследованному селищу – Романовка-II в окрестностях г. Уфы. По его определению, керамика данного типа представляет собой неорнаментированные плоскодонные горшки и чашки с грубой, бугристой, шероховатой поверхностью, с примесью шамота и песка в составе глины. На части сосудов по краю нанесены насечки или глубокие нарезки, изредка их заменяют защипы (Сальников, 1964. С. 73). Автор сразу же указал на различия выделенного типа с турбаслинской керамикой, для которой характерны высокое горло и сильно раздутое тулово. Он предположил, что романовские племена являются пришлыми и указал аналогии в "Тарновском поселении на севере Куйбышевской области", которое автор раскопок Н. Я.

Мерперт относил к городецкой культуре и датировал серединой I тысячелетия н. э., а также в "Именьковском городище второй половины I тысячелетия н. э.", исследованном в Лаишевском районе республики Татарстан (Сальников, 1964. С. 74). Г. И. Матвеева отнесла памятники, выявленные в среднем течении р. Белой у с. Кушнаренково и г. Уфы к именьковской культуре (Матвеева, 1969. С. 10).

В 1971 году Н. П. Старостин говорит уже о "романовских памятниках" и о наличии широкого круга признаков для их обособленной характеристики: особенности хозяйственных и жилых построек, вещевого материала, погребального обряда. Он также указывает на серьезное сходство с памятниками именьковской культуры, но обращает внимание и на большое количество орнаментированной керамики как специфику романовского типа. С родством романовских и именьковских памятников согласились также А. П. Смирнов (Старостин, 1971. С. 149-150) и С. М. Васюткин (Васюткин, 1968. С. 64). Наиболее подробную характеристику романовского типа дал В. Ф. Генинг. Помимо поселенческого материала, В. Ф. Генинг связывает с населением, оставившим памятники романовского типа и некоторые кремационные погребения на ряде памятников: Кушнаренковском, Ново-Турбаслинском, Уфимском и Салеховском могильниках. На основании сходства керамики, жилищ, топографии памятников, появления кремаций в погребальном обряде он, также, как и остальные исследователи, указывает родство этого типа памятников с именьковской культурой Среднего Поволжья (Генинг, 1972. С. 288).

Не поддержал данную позицию Н. А. Мажитов. Он соотносит материалы романовского круга с памятниками турбаслинской культуры, ссылаясь на взаимовстречаемость керамики обеих групп в погребениях. Исследователь связал появление плоскодонной керамики в Южном Приуралье к внутренним изменениям в среде турбаслинских племён. Он признал лишь возможность некоторого рода влияния именьковской культуры, но не существование её как самостоятельного компонента на территории Башкирии (Мажитов, 1977. С. 57-58).

В обобщающем исследовании по турбаслинской культуре Сунгатов Ф. А. указывает, что сложность состоит в том, что "романовский тип" выделен по поселенческому материалу, а турбаслинская культура – по могильникам, что не позволяет делать их сравнение корректным. Поэтому, решить проблему романовского типа без новых тщательных исследований невозможно, а обилие исследовательских интерпретаций ещё больше осложняет решение вопроса (Сунгатов, 1998. С. 5-6).

После проведения в 1989 году раскопок на селище Романовка-II Г. И. Матвеева уточнила, что данную группу памятников следует считать локальным вариантом именьевской культуры (Матвеева, 1989. С. 11).

Общая характеристика селища Романовка-II

В настоящее время на территории Башкортостана известно около двух десятков поселений, на которых представлена грубая лепная плоскодонная керамика, относимая к романовскому типу. Поселения располагаются в среднем течении реки Белой образуя "гнезда" из одного-двух городищ и нескольких селищ. На сегодняшний день выявлено две группы поселений – в окрестностях села Кушнареново и вокруг города Уфы. Романовские селища входят в число "уфимской" группы памятников.

Селище Романовка-II расположено в 1,5 км к северу от посёлка Романовка Уфимского района республики Башкортостан, на второй надпойменной террасе старицы р. Белой. Оно занимает небольшой мыс прямоугольной формы и значительную площадь к западу от него и отделено от поселения Романовка I большим оврагом, а от поселения Романовка III небольшим ложком.

Поселение Романовка II, вместе с поселениями Романовка I, III-VIII, было открыто в 1959 году Г. Н. Матюшиным, а в 1960 г. им же проводились первые раскопки. В 1961 году поселение исследовалось экспедицией Башкирского государственного университета под руководством К. В. Сальникова. Площадь раскопок 1960-61 гг. составила 376 м². В 1965 и 1968 гг. около 120 м² исследовано Г. И. Матвеевой (Матвеева, 1989. С. 3), а в 1968-69 гг. 258 м² памятника вскрыто Г. Н. Матюшиным (Матвеева, 2004. С. 115). В 1989 году экспедицией Куйбышевского университета под руководством Г. И. Матвеевой был заложен раскоп площадью 280 м², состоявший из участков 2x2 м. Таким образом, общая площадь исследованной части поселения составляет порядка 1050 м².

Раскоп 1989 г., как и раскопы предыдущих лет, располагался на восточном краю селища (рис. 1). В процессе раскопок была выяснена стратиграфия.

(1) Сверху вся площадь раскопа была покрыта дерновым слоем мощностью 5-8 см.

(2) Под ним залегал гумус черного цвета мощностью 40-50 см.

(3) Ниже распространялась гумусированная супесь тёмно-коричневого цвета, отличающаяся большей плотностью от предыдущего слоя. Мощность слоя – 20-25 см.

(4) Далее шёл слой суглинка коричневого цвета мощностью 20-25 см.

(5) Слой суглинка переходил в оранжевую материковую глину.

Территория памятника заселялась неоднократно: в мезолите, дважды в бронзовом веке, и в раннем средневековье. Материалы эпохи Великого переселения народов в основном были сосредоточены в слое 2, а также в совсем небольшом количестве в слое 3.

Сооружения

В культурном слое были выявлены остатки 11 объектов нескольких типов, включающих хозяйственные ямы и постройку и наземная конструкцию с очагом. Самыми распространёнными являются ямы хозяйственного назначения (№ 2-7, 9, 10).

Сооружение 2. Яма овальной в плане формы, выявленная на глубине -69-71 см от 0. На уровне выявления представляла собой пятно золистого цвета, окаймлённое глинистым выкидом оранжевого цвета, ширина которого колебалась от 10 до 25 см. В профиле яма имела цилиндрическую форму и слегка расширялась в верхней части. Общая глубина ямы – 1,3 м. Верхняя часть заполнения ямы состояла из гумусированной супеси, обильно насыщенной золой. Ниже залегал слой гумуса, перемежающийся с глинистыми прослойками мощностью до 30 см. Ниже залегал пестроцвет – гумус, смешанный с оранжевой материковой глиной, мощностью от 20 до 50 см. На самом дне залегал чернозем с мелкими вкраплениями материковой глины. В яме обнаружены кости животных, 328 фрагментов керамики романовского типа, 3 целых и 2 фрагмента глиняных пряслиц (рис. 8:2-3, 15; 9:12), оселок со сработанной поверхностью, согнутый в дугу железный стерженек и ножевидная пластина из белого кремня. Почти все находки происходят из верхней части заполнения – золистой супеси.

Сооружение 3 выявлено на глубине -73 см от 0. Очертания ямы также были окаймлены материковым выкидом. Яма имела цилиндрическую форму, и глубину – 1 м. Верхняя часть заполнения состояла из заплывающего слоя чёрного гумуса, содержащего вкрапления золы и угли. Под ним прослеживалась тонкая (3-4 см) углистая прослойка. Нижняя часть заполнения состояла из гумуса, смешанного с материковой глиной. В верхней части заполнения встречены кости животных и фрагменты сосудов романовского типа и 3 фрагмента сосудов культуры курмантау. Из вещей найдено маленькое пряслице биконической формы, бронзовая подвеска, бусина, сформированная из желтой охристой глины (разрушившаяся ещё во время полевых исследований), а также шаровидная сердоликовая бусина

розового цвета. Найдены также скребок, изготовленный из гальки и ножевидная пластина.

Сооружение 4 представляло собой яму цилиндрической формы, окаймлённую с севера и юго-запада материковым выкидом. Заполнение состояло из гумуса, содержащего угли, вкрапления золы и рыбью чешую. В заполнении обнаружен толстостенный глиняный сосуд, 27 фрагментов керамики романовского типа и 1 фрагмент керамики кушнаренковской культуры. Помимо этого, в яме обнаружен пест из песчаника.

Сооружение 5 выявлено на глубине -106 см от 0. Оно представляло собой яму цилиндрической формы диаметром 1, 1-1, 2 м и глубиной 22 см. Заполнение состояло из гумуса чёрного цвета. В ней было обнаружено несколько мелких фрагментов керамики романовского типа.

Сооружение 6 выявлено на глубине -103 от 0. Представляло собой яму цилиндрической формы диаметром 1, 26 см и глубиной 36 см. Заполнение ямы состояло из гумуса чёрного цвета, содержащего небольшие прослойки материковой глины. В заполнении найдено 2 фрагмента керамики романовского типа.

Сооружение 7 выявлено на глубине -63 см от 0. Оно представляло собой яму цилиндрической формы диаметром 1,6 м и глубиной 72 см. Заполнение состояло из гумуса, в котором встречались прослойки материковой глины. В яме обнаружено несколько фрагментов керамики, романовского типа.

Сооружение 9 выявлено на глубине -80 см. Оно представляло собой яму цилиндрической формы диаметром 1,6 м и глубиной 0,72 м. Заполнение состояло из гумуса чёрного цвета с коричневым оттенком, содержащего древесный тлен и угли. В яме обнаружено несколько фрагментов керамики романовского типа.

Сооружение 10 выявлено на глубине -64 см от 0. Оно представляло собой яму цилиндрической формы диаметром около 1,8 м и глубиной 0,74 м. Заполнение состояло из гумуса чёрного цвета. В яме обнаружено несколько фрагментов керамики. На дне лежали кости четырёх ног парнокопытного животного.

Помимо ям, в раскопе выявлен котлован неотопливаемой постройки (№ 8). Сооружение 8 выявлено на глубине -95 от 0, на уровне материка. Оно представляло собой котлован неправильной пятиугольной формы размером 3x2,7 м и глубиной 25-28 см. Стенки котлована вертикальные, дно ровное. Характер наземной конструкции определить трудно. Однако

наличие в заполнении рыхлого гумуса коричневого цвета, содержащего древесный тлен, свидетельствует об использовании дерева в строительстве или эксплуатации сооружения. Следов очага не выявлено. Подобные объекты неоднократно выявлялись на с. Ош-Пандо-Нерь Самарской Луки (Ключникова, Матвеева, С. 145, 147.). В заполнении встречались отдельные угольки, 8 фрагментов керамики романовского типа, единично встречена рыба чешуя и бронзовая четырёхгранная в сечении проволока.

Обнаружены остатки наземной столбовой отапливаемой постройки – сооружение №11. Они были выявлены на глубине -95-105 см от 0. Наземная постройка представляла собой комплекс из 9 столбовых ям. Длина объекта по юго-западной стенке 5,6 м, ширина – 5, 2 м. представляло собой остатки столбовой постройки. Столбовые ямы располагались неровными рядами. Все ямы имели круглую форму. Их диаметры: 40, 60, 60, 59, 50, 44, 70, 54, 50 см (ямы не пронумерованы). Их глубины: 14, 26, 14, 15, 8, 16, 23, 15, 10 см, соответственно. Автор раскопок полагала, что какие-то остатки сооружения не попали в пределы раскопа или не были зафиксированы и действительные размеры сооружения были намного больше, чем удалось обнаружить.

Единственный очаг – сооружение 1, относился к вышеописанному сооружению. Он располагался в южной части постройки, ближе к юго-восточной стенке и, представлял собой участок прокалённой глины неправильной формы, размером 1х0,76 м. Мощность слоя прокала – 0, 1 м. В южной части очага обнаружено скопление керамики.

Вещевой комплекс

В число вещей, обнаруженных в раскопе, входит ряд предметов, связанных с хозяйственной и производственной деятельностью жителей поселения. К ним относятся 2 костяных шлифованных наконечника колющих орудий или оружия (кв. 35 г. 1 и кв. 38 г. 2) (рис. 10:4-5) и 3 костяные проколки (рис. 10:1-3). Подобные вещи нередко встречаются в материалах именьковской культуры Ульяновской области, Мордовии и Татарстана (Матвеева, 2004 С. 153, Степанов, 1967. С. 206, Старостин, 1967. С. 79, 83) и особенно многочисленно на городище Уфа-II (Мажитов и др., 2007. С. 82, 89, 91, 97, 114, 118-119, 133-134, Мажитов и др., 2009. 179, 188, 191, 194-195, 198-199, Мажитов и др., 2009а. С. 179—180, 246, 266, 308, Мажитов и др., 2011. С. 98, 106-107, 134, 138-139, 165.). Найдено 1 кресало из кремня, обёрнутого в оловянную пластину.

Многочисленно представлен прядильный инвентарь – 29 целых и 20 фрагментов керамических пряслиц. Все пряслица имеют усеченно-биконическую, или приближённую к ней, форму (рис. 8-10). Размеры

пряслиц варьируются достаточно сильно: высота – 1, 1 – 3,4 см, диаметр отверстия – 0,7-1,5 см, диаметр изделия по ребру – 1,9-5 см. Пряслица с аналогичными характеристиками в волго-уральском регионе наиболее широко представлены в материалах памятников именьковской культуры, а также на городище Уфа-II. Большинство пряслиц изготовлено достаточно аккуратно, поверхности заглажены орудием с мягкой рабочей частью. На многих пряслицах присутствует большое количество, в том числе достаточно крупных, следов от выгоревшей органики. На поверхностях часто встречаются статические растительные отпечатки, а на одном из пряслиц присутствует небольшой текстильный отпечаток. Одно из пряслиц орнаментировано лёгкими насечками по отверстию с одной из сторон (рис. 9:1), а ещё на одном пряслице фиксируются два неглубоких пропила на одной из сторон (рис. 8:10).

Обнаружены также 2 песта из песчаника, со следами интенсивного использования в области рабочей поверхности (рис. 5:11-12). Высота пестов – 14,6-15 см, а диаметр ударной плоскости – 7-9 см. Хотя один из пестов и обнаружен в раннесредневековой хозяйственной яме (соор. 4) а второй – в самом верхнем слое поселения, стоит оговориться что подобные находки являются более характерными для материалов эпохи бронзы, и не исключена вероятность их случайного попадания в средневековые материалы.

Из оружия встречен только 1 железный трёхлопастной черешковый наконечник стрелы (кв. 21 г. 2) (рис. 10:11). Наконечники подобного типа встречены также на городищах именьковской культуры – Ош-Пандо в Мордовии (Степанов, 1967. С. 206), и Маклашеевском-II республики Татарстан (Старостин, 1967. С. 77).

Наиболее важными предметами для определения времени существования поселения выступают украшения и детали костюма. Среди них, упомянутая уже, серебряная поясная накладка, выполненная в геральдическом стиле (кв. 13 г. 2) (рис. 10:14), которая соотносится с зиновьевским этапом эволюции поясных наборов и является хронологическим репером второй половины VI-VII вв. (Богачёв, 1995. С. 17).

На 1 горизонте 13 квадрата найдено два фрагмента железной булавы, с закрученным в спираль концом (рис. 10:12). Общая длина, ещё не повреждённого предмета составляла, как минимум, 19,6 см. Предметы подобного облика являются наиболее распространёнными в раннем железном веке в материалах скифского круга, дьяковской и зарубинецкой культурах (Обломский, 2009, Пузикова, 1997. С. 76, Кренке, 2011 С. 400). На се-

лице же Романовка-II слой, относящийся к раннему железному веку зафиксирован не был. Кроме того, в местных материалах памятников РЖВ подобные предметы не встречаются. Можно предположить, что путь попадания данной булавки в культурный слой памятника связан с присутствием в поставе населения памятника группы, имеющей западные корни. Однако, в этом случае подобную вещь нужно считать крайне архаичной, поскольку другие предметы эпохи Великого переселения народов имеют гораздо более поздние датировки.

Все обнаруженные в раскопе бусы имеют широкое территориальное распространение, однако относятся к близким хронологическим группам. Среди них:

- розовая шаровидная бусина из сердолика диаметром ок. 1 см (рис. 10:22), типа XIA1, группы VI-IX вв. (Голдина, 2010. С. 44, 146);

- бочонковидная белая пастовая бусина диаметром ок. 0,85 см типа IA15, группы конца VII-VIII вв. (Там же. С. 27, 141);

- янтарная эллипсоидная, эллиптическая бусина длиной 1,4 см, шириной 0,9 см и высотой 0,5 см (рис. 10:16). Относится к типу XA6-8, хронологической группы конца VI-VII вв. (Там же. С. 43, 141);

- одна целая и один фрагмент шаровидных глиняных бусин, диаметром ок. 1 см (рис. 10:19, 21). Подобный тип бус имеет широкое распространение в материалах памятников эпохи Великого переселения народов;

- глиняная бусина усечено-биконической формы диаметром 1,1 см и высотой 0,6 см (рис. 10:20).

Еще один глиняный предмет по виду схож с последней бусиной, однако не имеет отверстия. Имеет усечено-биконическую форму, диаметр 1,7 см, высоту 0,9 см. Предмет украшен рядом насечек, нанесённых по ребру очень тонким предметом (рис. 10:17).

К предметам декора можно отнести фрагмент костяной накладки (кв. 10 г. 3), представляющей собой пластину толщиной чуть более 1 мм (рис. 10:8). На одном из концов пластины присутствует прорезь для крепления. Изделие украшено резным "циркульным" орнаментом, соединяющимся с прорезанной прямоугольной "рамкой" проходящей вдоль краёв пластины.

Среди материалов раскопа присутствует и ряд предметов, значение которых на сегодняшний день утрачено. К ним относятся, фрагмент железного предмета восьмёркообразной формы (кв. 4 г. 1), с несомкнутыми концами с одной стороны (рис. 10:10). Кроме него, обнаружен, согну-

тый в дугу фрагмент железного стерженька (рис. 10:9), округлый в сечении (соор. 2) и фрагмент бронзовой пластины с отверстиями (рис. 10:15). Невозможно определить назначение изделия, от которого остался небольшой костяной фрагмент в форме подтреугольной в сечении призмы, с зашлифованной поверхностью, украшенный резным циркульным орнаментом (рис. 10:7).

Особое значение имеет бронзовая антропоморфная фигурка (кв. 58 г. 3), высотой 2,6 см (рис. 10:18). Она представляет собой объёмное двустороннее изображение обнажённого мужчины. Голова удлинённая, на лице обозначены только глаза и нос, на обратной стороне головы расположено ушко для подвешивания. Плечи округлые. Руки согнуты в локтях, их кисти расположены на животе – левая ниже, правая выше. В правой руке – очертания некоего предмета в форме ромба или треугольника. Ноги широко разведены и стопы направлены в разные стороны. Мужской половой орган особенно подчёркнут. Наиболее близкие по облику объёмные фигурки с ушком для подвешивания встречены на скифских памятниках Крыма позднееримского времени (Пуздровский, 2007. С. 419), и, возможно, бытование данного предмета относится к тому же хронологическому отрезку, что и вышеуказанная булавка со спиралевидным завершением.

Таким образом, материалы отчётливо свидетельствуют, что поселение эпохи Великого переселения народов существовало во второй половине VI – VII веках. Однако, помимо этого в материалах селища присутствуют немногочисленные, но яркие предметы относятся к позднееримскому времени. К сожалению, соотнести их с каким-то конкретным слоем или комплексом материалов пока не удаётся, как и определить их связь с более поздними материалами раскопа. Автор раскопок связывала их с участием черняховской культуры в сложении местного именьковского населения (Матвеева, 2008. С. 98). Возможно изучение, в дальнейшем, материалов других раскопов позволит выявить более подробную информацию.

Керамический комплекс селища Романовка-II

В результате проведения полевых работ была получена коллекция керамики, насчитывающая 7712 фрагментов сосудов. Раннесредневековая керамика поселения морфологически и в культурном плане неоднородна, и включает в себя несколько компонентов.

Первый компонент составляют 133 фрагмента керамики кушнаренковской культуры, как минимум, от 20 сосудов (рис. 7:13-31). Все фрагменты очень мелкие и относятся к верхним частям сосудов. Видимо, форма их ана-

логична кушнаренковским сосудам, обнаруживаемым на других памятниках Башкирии, имеющим цилиндрические шейки, округлые или яйцевидные тулова и уплощенные днища (Генинг, 1972. С. 252). Толщина черепков колеблется в пределах 0,4-0,5 см, диаметр устья в пределах 12-16 см.

Все сосуды орнаментированы. Орнамент состоит из чередующихся с прочерченными горизонтальными параллельными линиями, рядов коротких наклонно поставленных отпечатков зубчатого, полулунного или треугольного штампа, перекрещивающихся коротких линий, двойного зигзага. Ширина концов орнаментов, как правило, менее 0,1 см. Все черепки прочные и имеют чёрный или чёрно-бурый однородный цвет.

Вторую группу керамики составляют сосуды бахмутинской культуры. Всего было обнаружено 147 фрагментов керамики, выделяется 7-8 сосудов (рис. 6:1-4, 7, 9, 11). Примечательно, что керамика данной группы распространялась в раскопе достаточно локально – в квадратах 54-56, 64-65, причём, в основном, на уровне 4 штыка, в то время как основной ранне-средневековый материал распространялся на уровне 2-3 штыка.

Все сосуды имеют горшковидную форму с округлым или уплощенным (предполагается) дном. Высота сосудов 17-25 см, диаметр устья 24-32 см, толщина стенок 0,5-0,8 см. Край венчика обычно округлый с небольшим наплывом во внешнюю сторону.

Орнамент сосудов состоит из округлых ямочных вдавлений, беспорядочно расположенных по всему тулову. Диаметр ямок – 0,4-0,6 см. Внешний край венчика украшен наклонным продавленным орнаментом, оттисками клиновидной формы или резными насечками. Большая часть черепков имеет чёрный, тёмно-серый или серый цвет.

Наиболее многочисленную группу керамики – 7421 фрагмент автор раскопок отнесла к "романовскому типу именьковской культуры". Из коллекции, сохранившейся к сегодняшнему дню выделяется около 65 сосудов. На наш взгляд данная масса материала неоднородна и требует дополнительного ранжирования. Визуально её можно разделить, как минимум, на 2 подгруппы.

Подгруппа 1 представляет собой грубые лепные плоскодонные сосуды с бугристой поверхностью. Сосуды не орнаментированы или имеют орнамент в виде лёгких пальцевых зацепов по краю венчика. Диаметр устья сосудов колеблется от 5 до 35 см, а высота сосудов от 6,5 до (предполагается) 25 см. Толщина стенок колеблется от 0,5 до 1 см. Днища сосудов плоские, часто имеют своеобразную "закраину". Посуда подгруппы 1 пред-

ставлена несколькими категориями:

1. Так называемые, "зерновики" – крупные сосуды для хранения, от которых сохранились лишь фрагменты шей цилиндрической формы (предполагаемый объём сосудов – не менее 8 л). (рис. 3:15, 4:1)

2. Горшки средних и крупных размеров (предполагаемый объём – от 0,8 до 5 л). В некоторых случаях сосуды орнаментированы лёгкими пальцевыми защипами по венчику. Единичные сосуды украшены рядом продавленных округлых ямок на верхней части плечика, нанесённых деревянным стеклом. (рис. 5:1, 4, 7; 4:5-7)

3. Чаши, внешний облик которых также не однороден: присутствуют как чаши с полностью открытым устьем, так и с прикрытым. Встречаются чаши как низких, так и средних пропорций (объём ок. 0,25 – 0,5 л). Все сосуды не имеют орнамента. (рис. 5:2-3, 5-6, 8-10)

4. Миниатюрные сосудики, имеющие как горшковидные, так и чашевидные формы (предполагаемый объём до 0,2 л). Все миниатюрные сосуды не орнаментированы, имеют гладкую поверхность и пористую, непрочную фактуру. Найденные днища сосудов – уплощены. (рис. 7:1-12)

В целом все внешние признаки подгруппы 1 сходны с особенностями керамического комплекса именьковской культуры.

Подгруппа 2 представляет собой толстостенные лепные сосуды, имеющие грубую поверхность. Вся керамика очень плотная и прочная. Все сосуды орнаментированы по краю венчика интенсивными резными насечками и клиновидными в сечении оттисками. Размеры сосудов достаточно сильно варьируются, сосуды имеют горшковидную форму с небольшими отогнутыми шейками. Предполагаемый объём сосудов – не менее 4 л. Ни одна форма не поддаётся реконструкции. (Рис. 3:4-12, 4:13).

Наиболее близкая по внешнему облику группа керамики широко распространена в материалах городища Уфа-II. Она объединена исследователями памятника под названием "турбаслинско-бахмутинская культурная группа" (Мажитов и др., 2009 С. 115-116, 125, 351-357).

Поскольку до настоящего времени сохранилась лишь небольшая часть коллекции, судить об изначальном численном соотношении выделенных подгрупп сложно.

Всего 2-3 фрагмента от разных сосудов из полученной коллекции относятся к керамике турбаслинской культурной группы. Это фрагменты от венчиков неорнаментированных кувшиновидных сосудов с высокими

шейками (рис. 6:8, 10, 12). Поверхности сосудов залощены. У одного из сосудов в месте перехода от шейки к тулову присутствует, так называемое, сглаженное ребро. Незначительны и находки керамики каракуповского типа, которые представлены двумя небольшими фрагментами венчиков от разных сосудов (рис. 6:5-6). Оба фрагмента отличаются орнаментацией в виде нанесённого по плечу пояса, так называемых, «жемчужин» – ямок, продавленных с внутренней стороны сосуда, образующих на внешней стороне объёмные округлые выпуклины. Оба сосуда, вероятно, имели горшковидную форму.

Широта культурных компонентов, представленных в керамическом комплексе селища Романовка-II вполне характерна и для других памятников романовского типа (Матвеева, 1989а).

О судьбе селища Романовка-II сведений практически нет. Следов пожара на исследованном участке не обнаружено. При этом, сильная измельчённость остатков керамики может свидетельствовать о том, что после прекращения использования участка для повседневной жизни, он превратился в место выпаса скота.

Заключение

Итак, несмотря на то, что объём рассмотренного материала не велик, возможно обозначить некоторые особенности уже на данном этапе. В дальнейшем они могут корректироваться.

На поселении Романовка II представлен довольно пёстрый набор культурных типов керамики, но при этом 96% керамики относится к одной условной группе – романовскому типу, что позволяет говорить о том, что население памятника, в основной своей массе, было достаточно однородно и существовало в регионе как самостоятельный компонент.

Ряд характеристик материальной культуры поселения указывает на его родство с именьковской культурой Среднего Поволжья. Обращает на себя внимание и состав этих признаков: гончарное и прядильное производство, комплекс украшений, а также антропоморфные фигурки с подчеркнутыми мужскими половыми признаками – всё перечисленное может быть связано с женскими видами деятельности и бытованием в женской среде (Матвеева, 1998. С. 67, Матвеева, 2004. С. 61). Это может указывать на специфику появления на данной территории следов именьковской культуры.

По мощному и насыщенному культурному слою на поселении, можно

судить, что памятник не носил характер сезонной стоянки и оседлый образ жизни был в рассматриваемом обществе достаточно устоявшимся. Но, несмотря на это, никаких орудий и следов возделывания и переработки сельскохозяйственных культур обнаружено не было, что опять же свидетельствует о характере контактов со стороны именьковской культуры, как проходящих по женской линии.

С каким именно населением, пришедшая группа вступила в тесную связь, по рассматриваемому материалу судить сложно, возможно более отчетливо это прослеживается в погребальных комплексах (Богачёв, 2013. С. 38-39., Казаков, 1998. С. 283., Генинг, 1972. С. 278-291. и др.).

В материалах поселения представлены яркие находки, датирующиеся VI-VII веками н. э. Помимо вещевого инвентаря с разработанной хронологией, датирующей выступает и сама керамика: кушнаренковской и бахмутинской культурных групп, появляющихся в Приуралье не ранее VI в. н. э., и кара-якуповской группы – не ранее VII в. н. э. (Мажитов, 1974. С. 45, 177). Результаты проведенного Н. П. Салугиной технико-технологического анализа керамики романовского типа также показал, что в конструировании романовской посуды зафиксированы только смешанные технологические группы, которые соответствуют II и III этапу именьковского гончарства, и, вероятно, их следует относить к позднему этапу её существования. (Салугина, 1988. С. 140). Всё это безусловно указывает на то, что жизнь селища приходится на поздний этап существования именьковской культуры и, возможно, памятники романовского типа переживают население, обитавшее в Среднем Поволжье. Этот факт неразрывно связывает историю населения романовского типа с вопросами судьбы именьковской культуры.

Приходится говорить и возможности существования отдельного пласта материалов, связанных с неким ранним импульсом западного населения, который фиксируется по находке булавки со спиралевидным навершием, характерной для древностей дьяковского и зарубинецкого круга. Однако разработка данного вопроса невозможна без привлечения новых материалов.

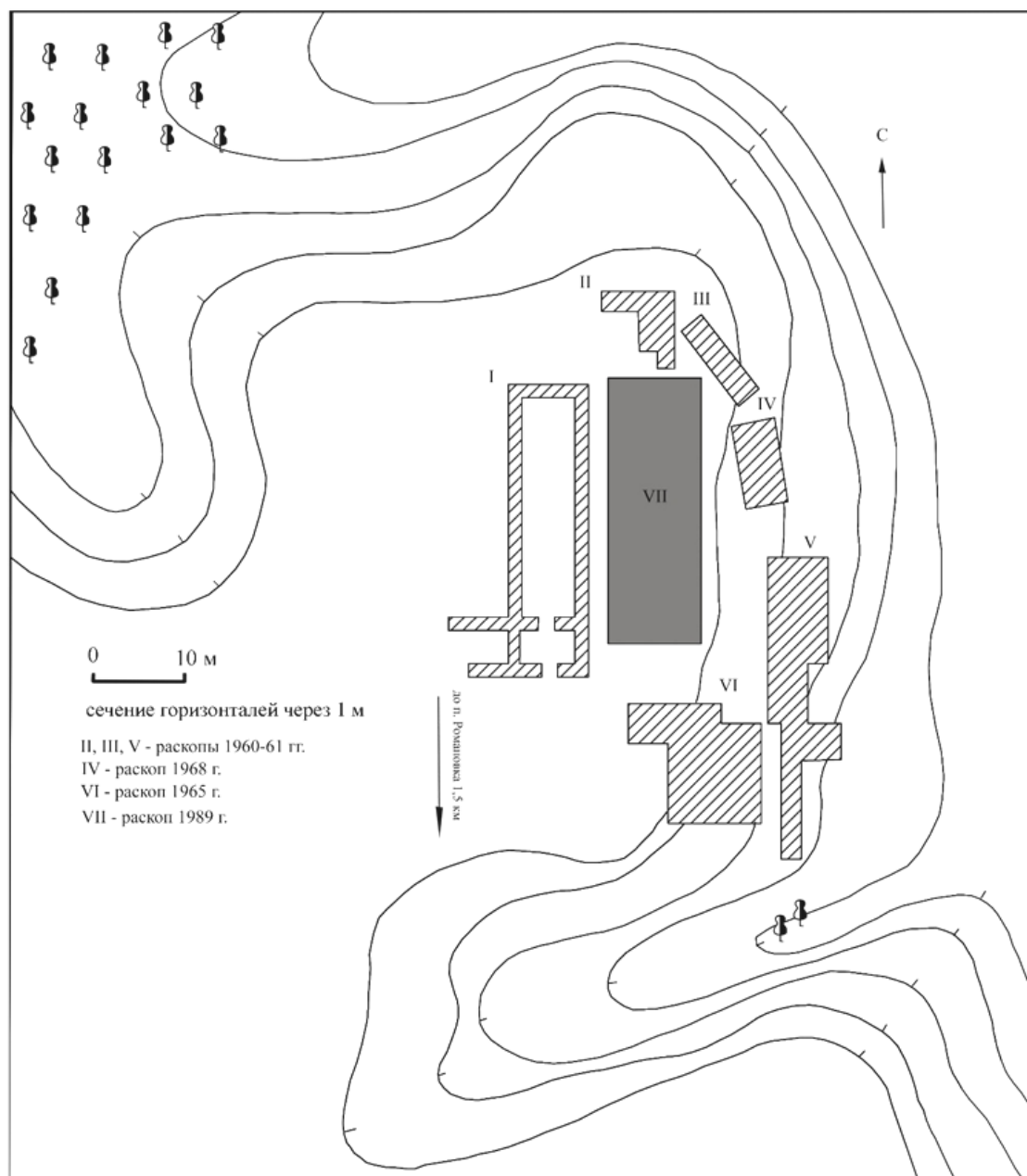

Рис. 1. Селище Романовка II. Инструментальный план селища

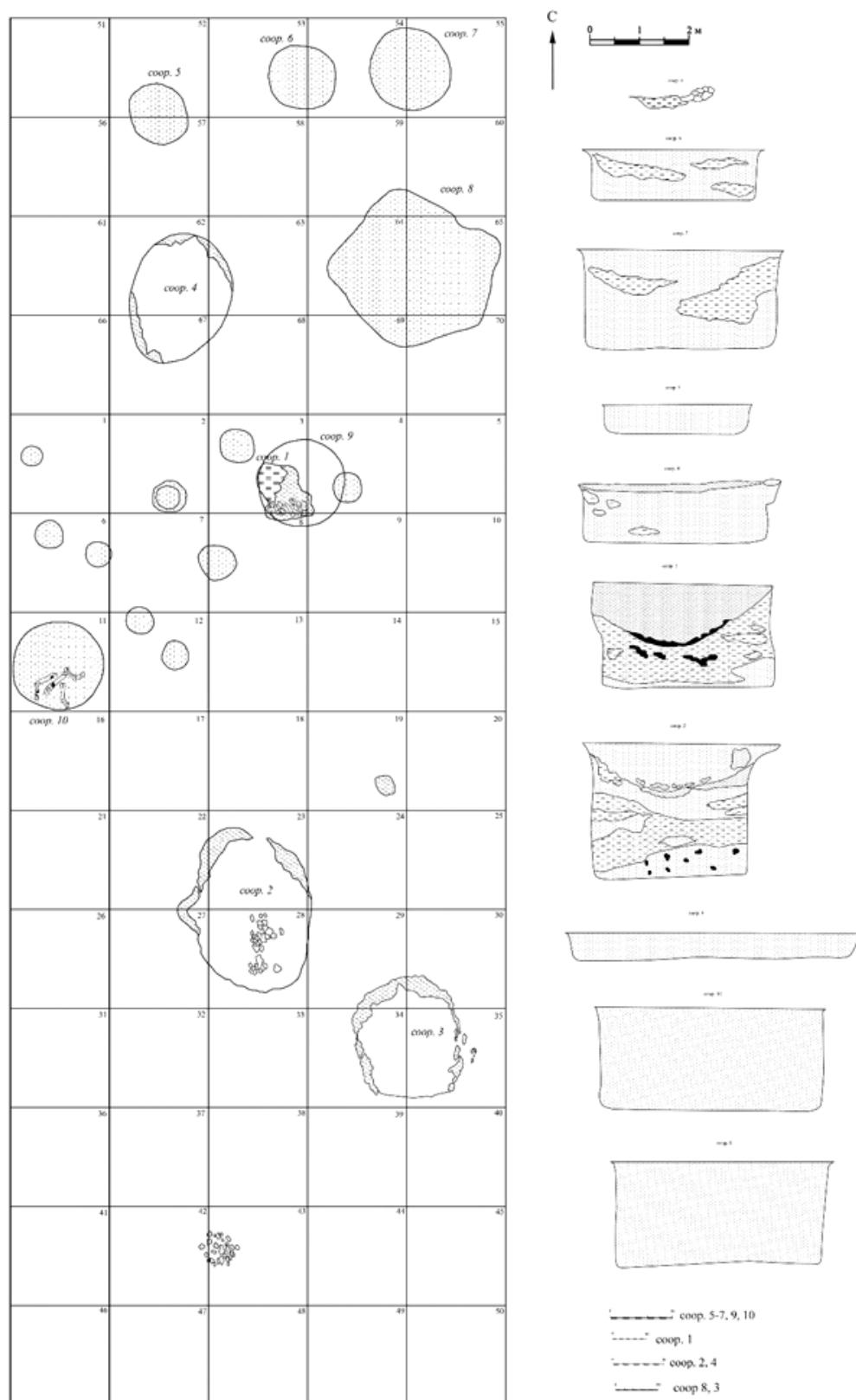

Рис. 2. Селище Романовка II. Планиграфический план раскопа и профили выявленных объектов

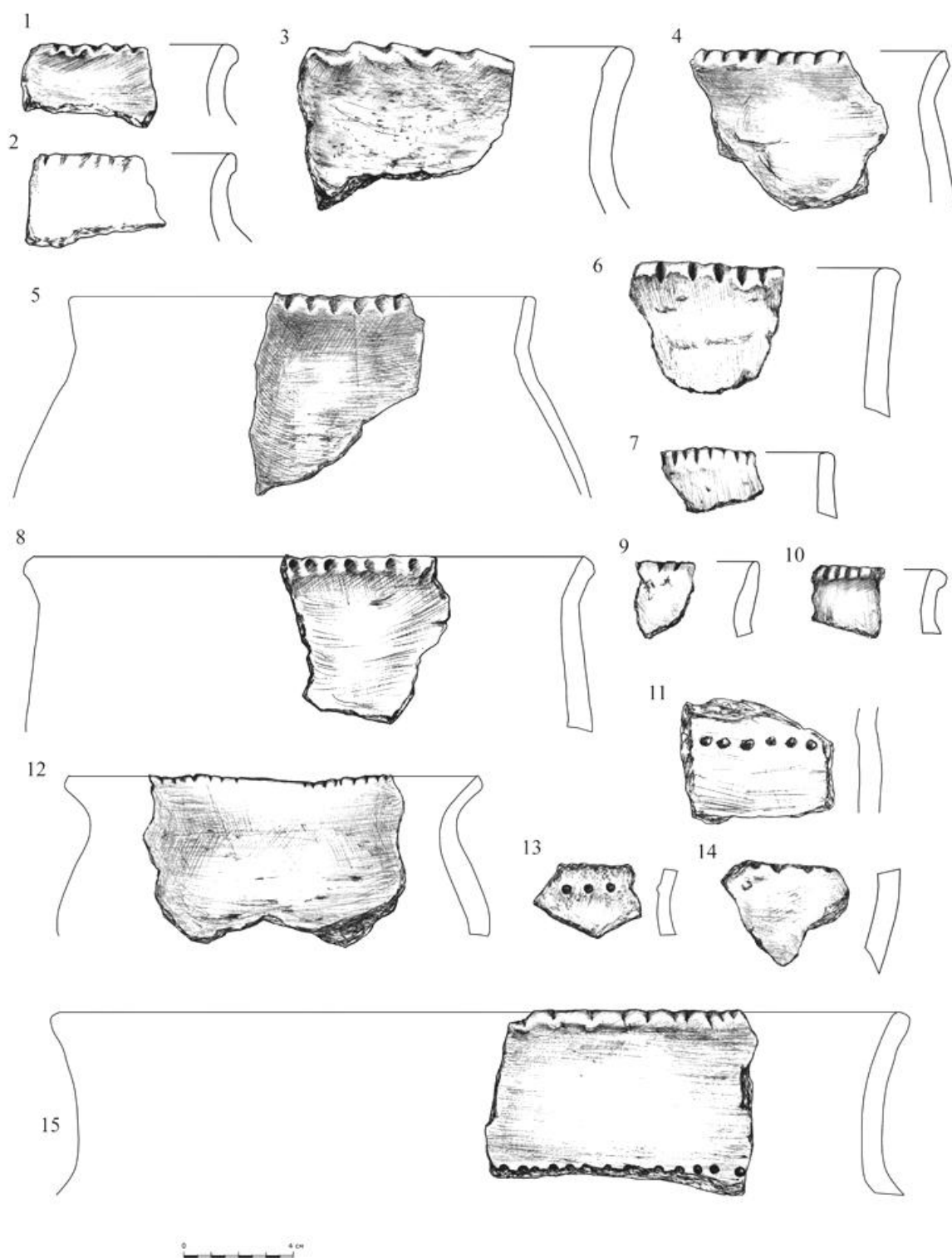

Рис. 3. Селище Романовка II. Керамика романовского типа из культурного слоя.
 1 – сосуд № 43, 2 – № 44, 3 – № 40, 4 – № 57, 5 – № 38, 6 – № 76 (соор. 2),
 7 – № 61 (кв. 51 г.1), 8 – № 13 (кв. 25 г.2), 9 – № 81, 10 – б.н., 11 – № 37 (кв. 28 г. 2),
 12 – № 47 (кв. 55 г. 4), 13 – № 85, 14 – №79 (соор. 2), 15 – № 50 (кв. 32 г. 4)

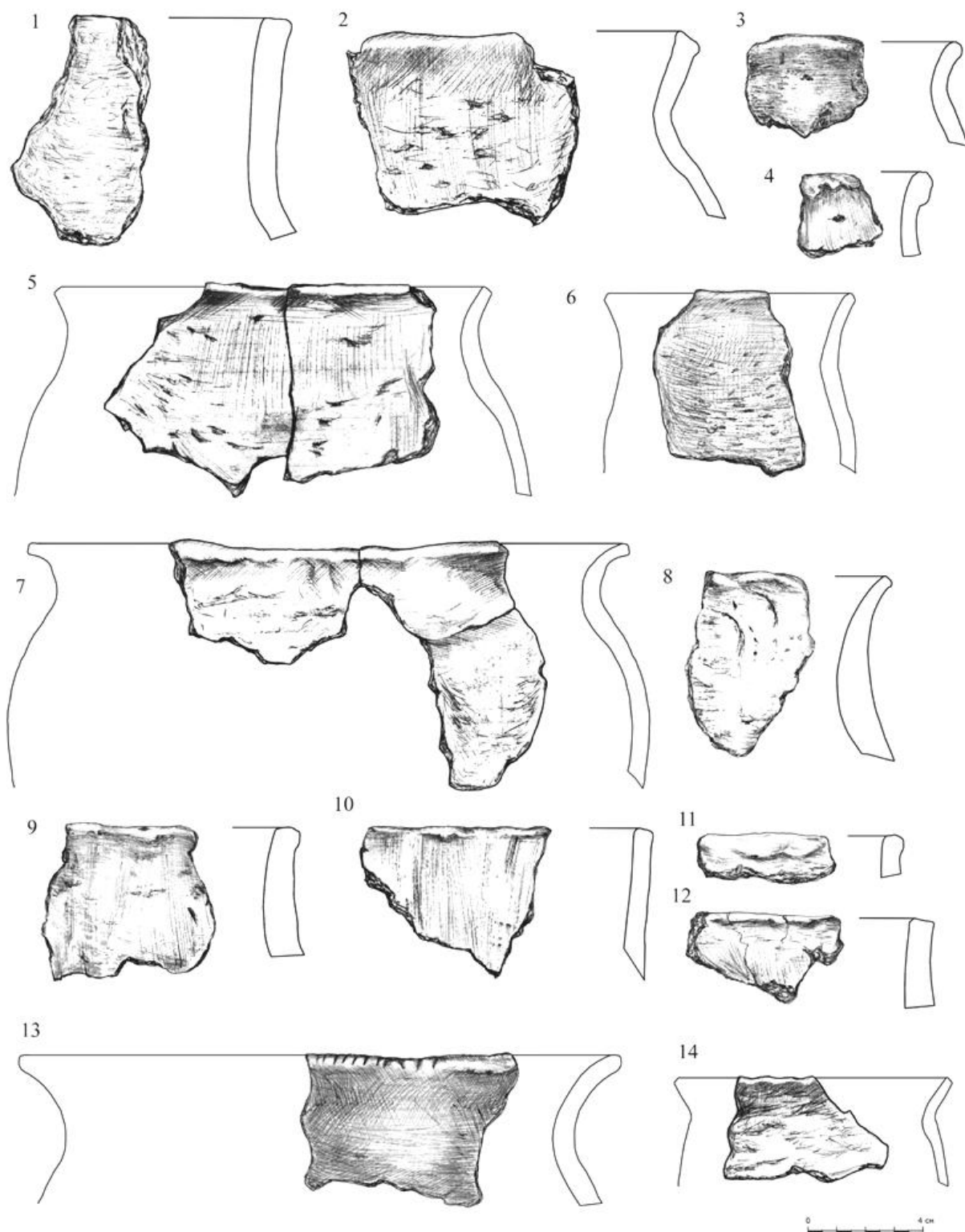

Рис. 4. Селище Романовка II. Керамика романовского типа из культурного слоя.
 1 – сосуд № 39, 2 – № 42, 3 – № 56, 4 – № 56, 5 – № 11 (кв. 21 г.2), 6 – № 29 (кв. 31 г. 3),
 7 – № 12, 8 – № 75 (соор. 2), 9 – № 77 (соор. 2), 10 – № 78 (соор. 2), 11 – № 71,
 12 – № 106, 13 – № 89 (кв.28 г. 3), 14 – № 6 (кв. 56 г. 1)

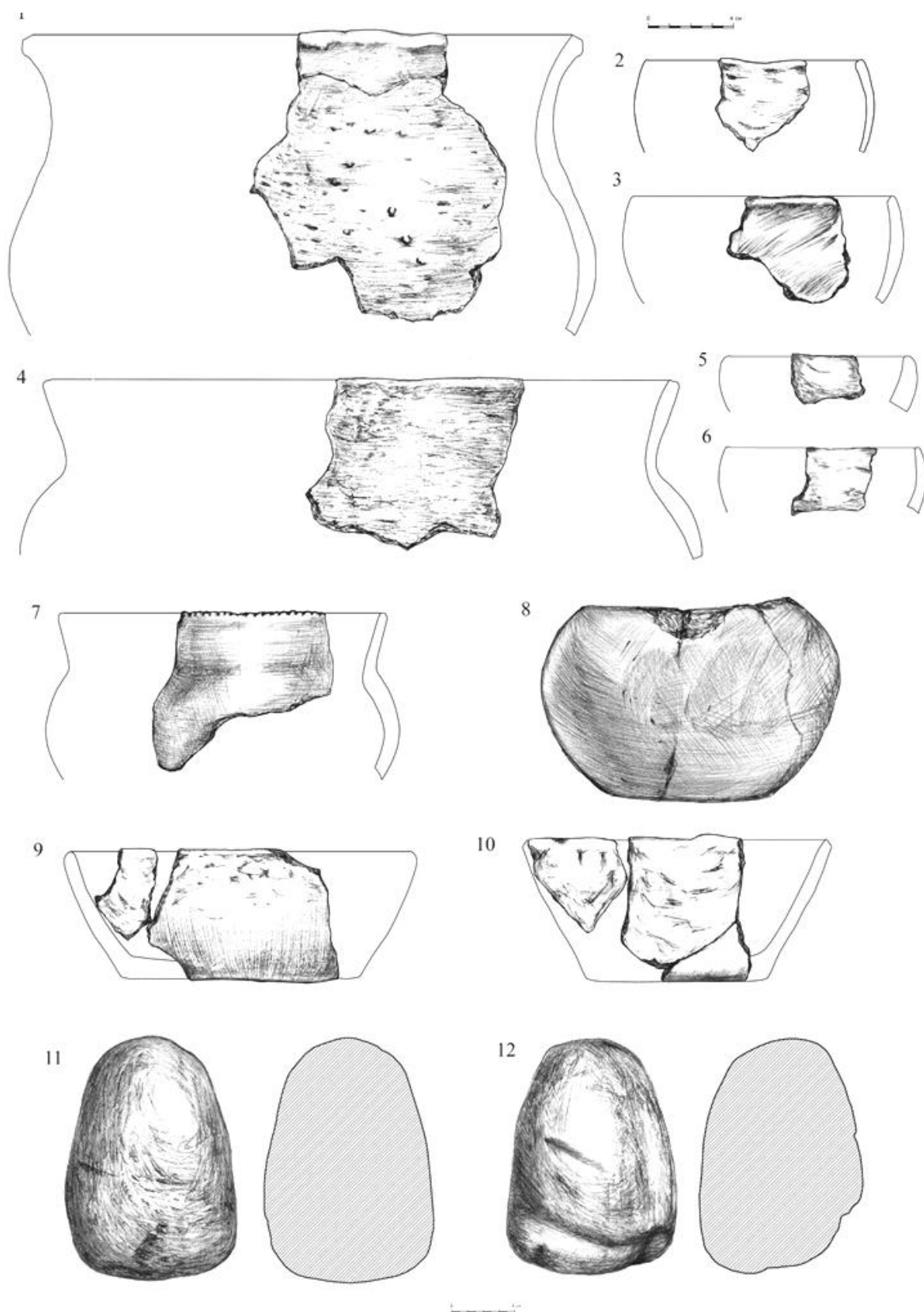

Рис. 5. Селище Романовка II. Керамика из культурного слоя. 1 – сосуд № 26, 2 – № 8 (кв. 54 г.4), 3 – б.н., 4 – № 35 (кв. 28 г. 2), 5 – № 18 (кв. 43 г. 3), 6 – № 21 (кв. 18 г. 2), 7 – № 46 (кв. 55 г.4), 8 – б.н., 9 – № 3 (кв. 38 г. 2, кв. 21 г. 3), 10 – № 19. Песты. 11 – соор. 4, 12 – кв. 38 г. 1

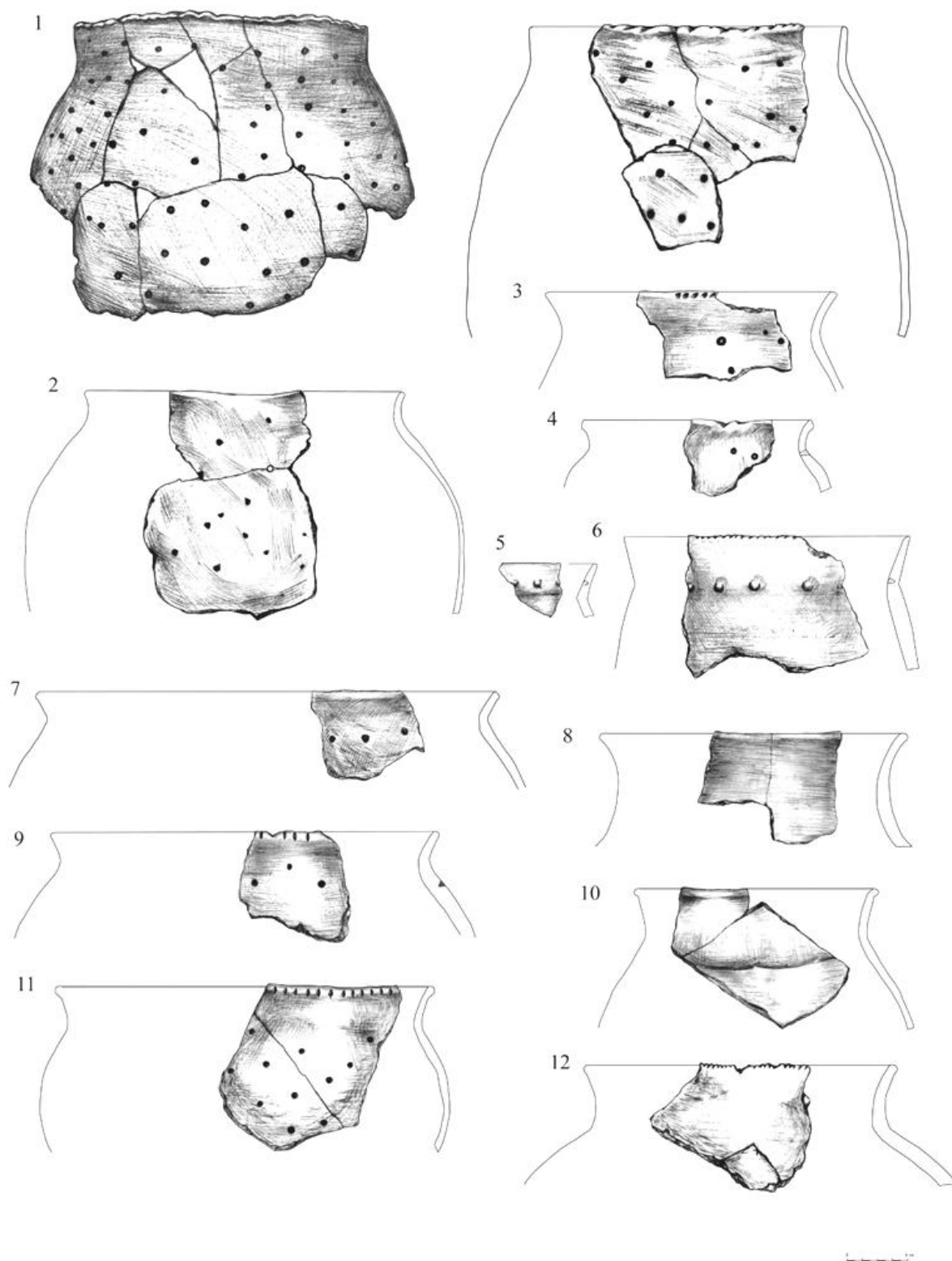

Рис. 6. Селище Романовка II. Керамика бахмутинской и турбаслинской культурных групп из культурного слоя. 1 – сосуд № 2 (кв. 64-65 г. 4), 2 – № 1 (кв. 64-65 г. 4), 3 – № 48 (кв. 25 г. 2), 4 – № 39 (кв. 52. г. 3), 5 – № 31, 6 – № 15, 7 – № 49, 8 – № 28 (кв. 55 г. 4), 9 – № 36 (кв. 54 г. 4), 10 – № 20 (кв. 13 г. 2), 11 – № 10 (кв. 10 г. 2), 12 – № 14 (кв. 50 г. 2)

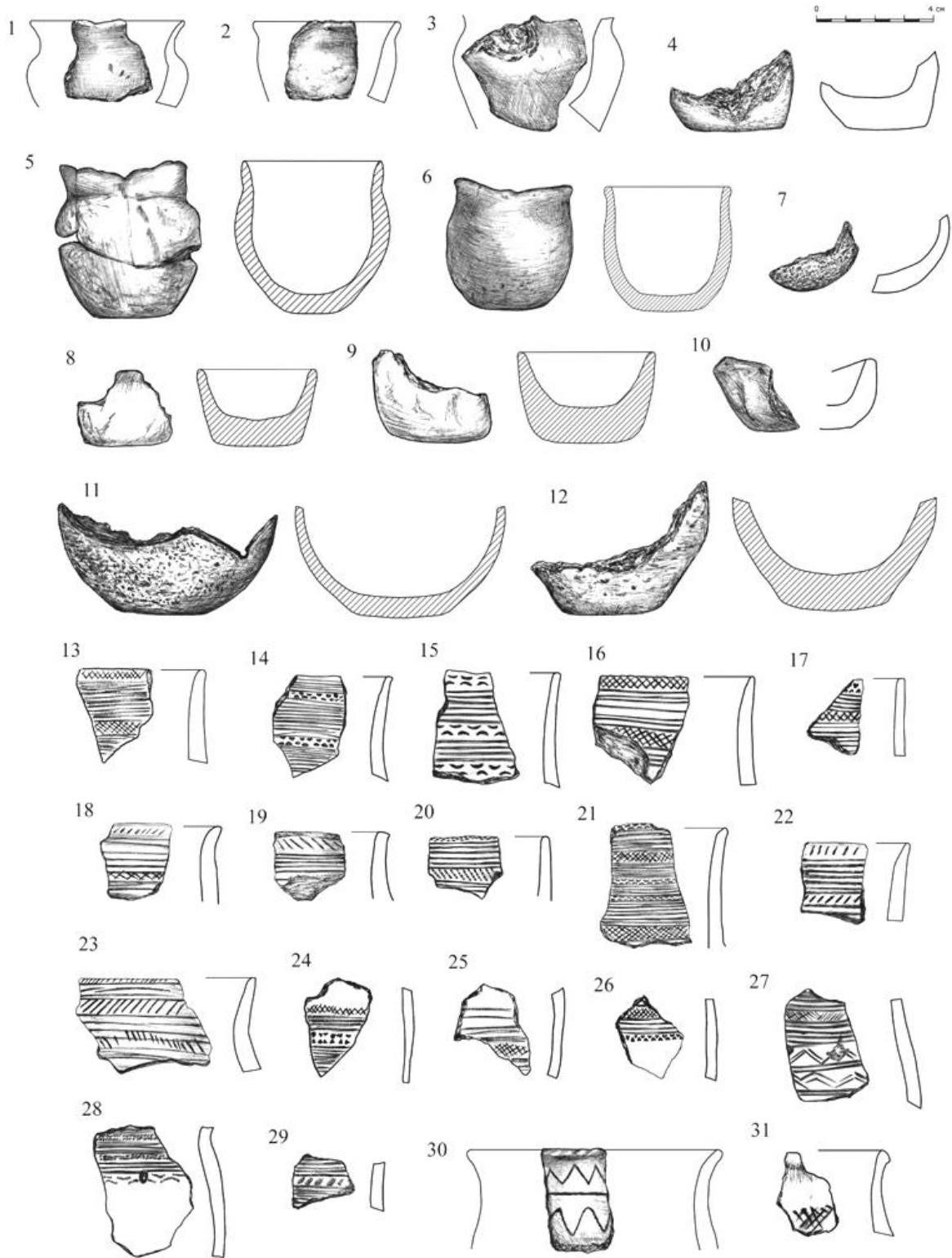

Рис. 7. Селище Романовка II. Миниатюрные сосуды. 1 – сосуд № 72, 2 – № 73, 3 – № 67 (кв. 10 г. 3), 4 – № 70 (кв. 30 г. 2), 5 – № 25 (кв. 2 г. 2), 6 – б.н., 7 – № 60, 8 – № 9 (кв. 48 г. 3), 9 – № 17 (кв. 25 г. 2), 10 – № 74 (кв. 64 г. 1), 11 – № 84 (кв. 23 г. 2), 12 – № 86 (кв. 47 г. 4). Керамика кушнаренковской культурной группы. 13 – № 45, 14 – № 12 (кв. 50 г. 2), 15 – № 16 (кв. 17 г. 2), 16 – № 22 (кв. 18 г. 2), 17 – № 66 (кв. 48 г. 1), 18 – б.н., 19 – б.н., 20 – б.н., 21 – б.н., 22 – № 65 (кв. 48 г. 1), 23 – б.н., 24 – № 7 (кв. 45 г. 2), 25 – № 14 (кв. 67 г. 1), 26 – № 27, 27 – № 24 (кв. 25 г. 2), 28 – № 17 (кв. 21 г. 2), 29 – № 83, 30 – № 58 (кв. 13 г. 1), 31 – № 41

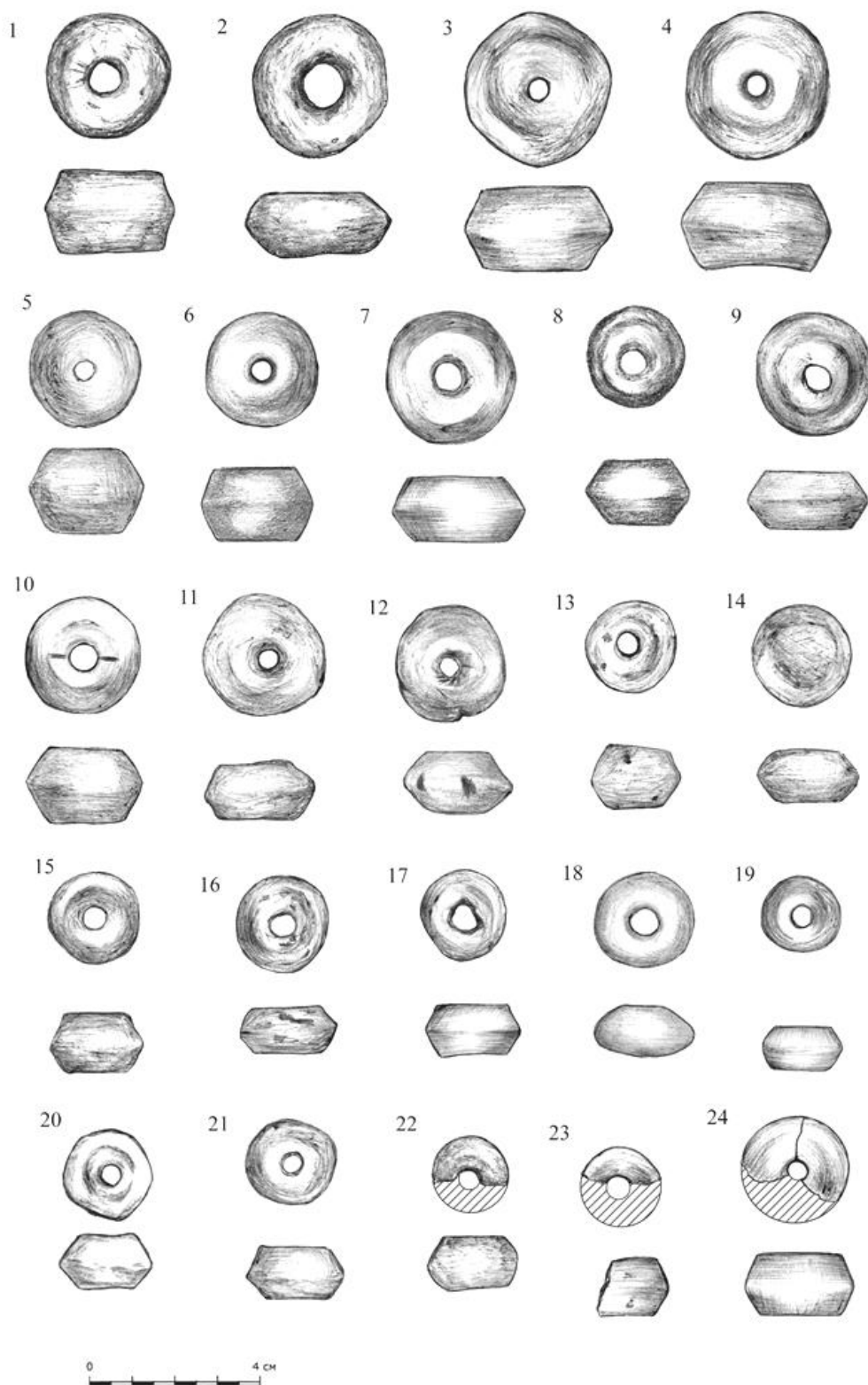

Рис. 8. Селище Романовка II. Керамические пряслица. 1 – кв. 2 г. 2, 2 – соор. 2, 3 – соор. 2, 4 – кв. 4 г. 2, 5 – кв. 19 г. 2, 6 – кв. 28 г. 2, 7 – кв. 39 г. 2, 8 – кв. 9 г. 2, 9 – соор. 8, 10 – кв. 64 г. 3, 11 – кв. 8 г. 2, 12 – кв. 22 г. 2, 13 – кв. 46 г. 1, 14 – кв. 11 г. 4, 15 – соор. 2, 16 – кв. 36 г. 2, 17 – кв. 35 г. 1, 18 – кв. 14 г. 2, 19 – кв. 62 г. 2, 20 – соор. 3, 21 – кв. 30 г. 2, 22 – кв. 8 г. 2, 23 – кв. 39 г. 3, 24 – кв. 37 г. 1

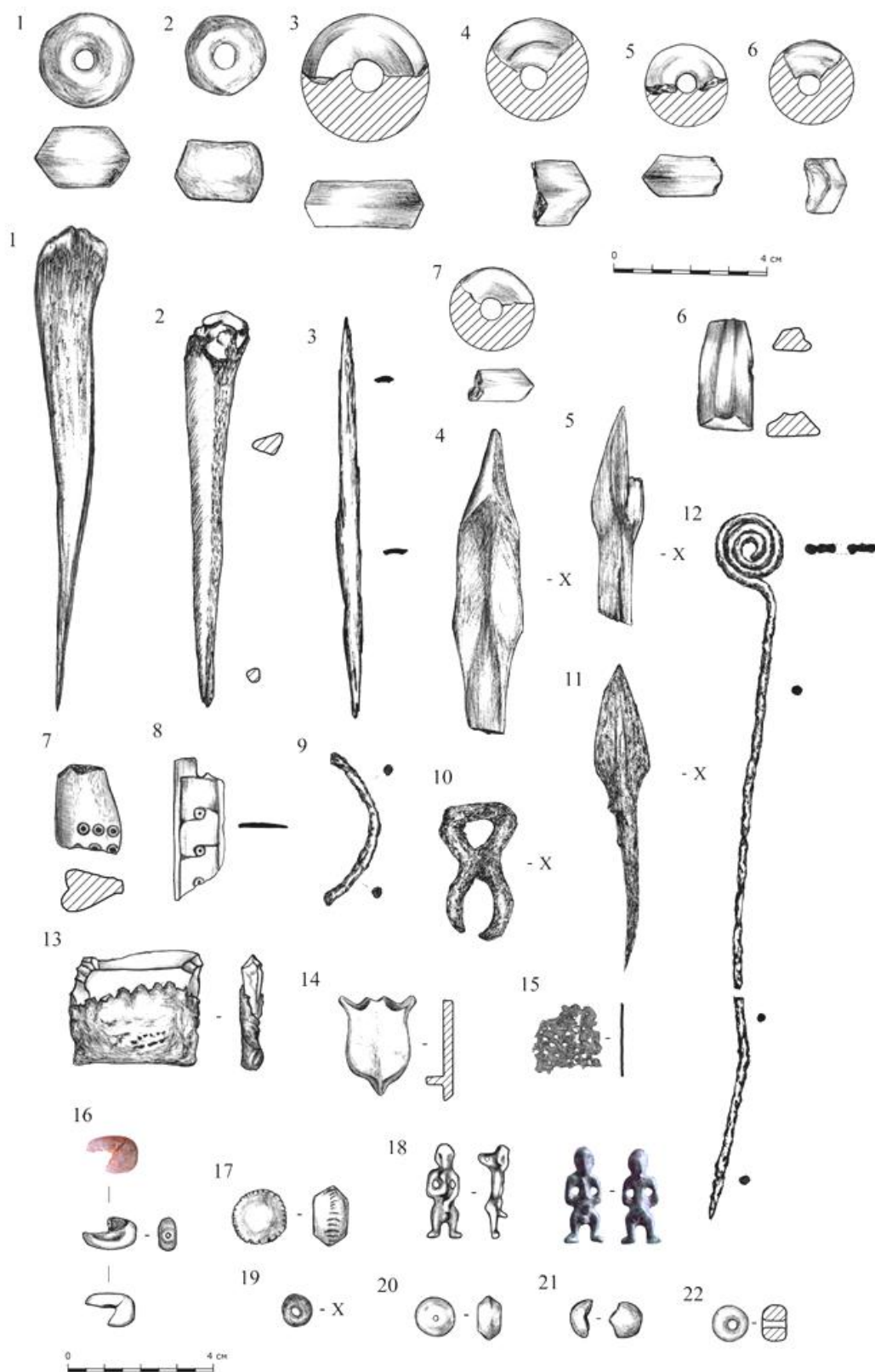

Рис. 9. Селище Романовка II. Керамические пряслица. 1 – кв. 2. г. 2, 2 – кв. 2. г. 2, 3 – кв. 68 г. 3, 4 – соор. 3, 5 – б.н., 6 – кв. 70 г. 2, 7 – кв. 38 г. 1, 8 – кв. 30 г. 2, 9 – кв. 17 г. 1, 10 – кв. 23 г. 2, 11 – кв. 16 г. 3, 12 – соор. 2, 13 – кв. 9 г. 2, 14 – кв. 11 г. 2, 15 – кв. 4 г. 2, 16 – кв. 45 г. 1, 17 – соор. 1, 18 – б.н.

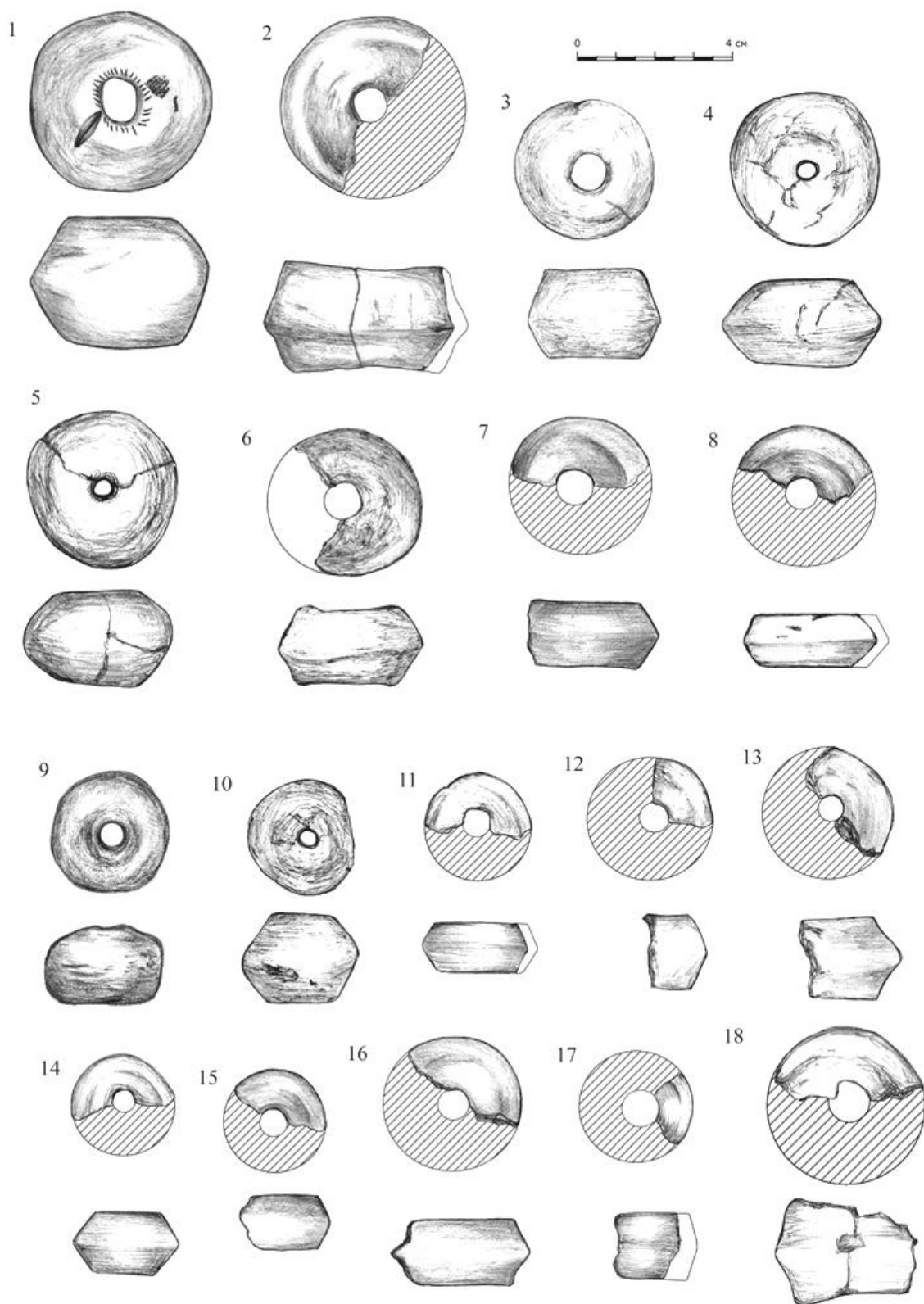

Рис 10. Селище Романовка II. Керамические пряслица. 1 – кв. 49 г. 3, 2 – кв. 2 г. 2, 3 – б.н., 4 – б.н., 5 – кв. 55 г. 2, 6 – б.н., 7 – кв. 9 г. 2. Вещевой инвентарь. 2 – кв. 68 г. 1, 3 – кв. 23 соор. 2, 8 – кв. 10 г. 3, 12 – кв. 13 г. 1, 13 – кв. 24 г. 2, 16 – кв. 61 г. 2, 17 – кв. 7 г. 2, 20 – кв. 61 г. 2, 21 – кв. 61 г. 2, остальное – б.н.; 1-8 – кость, 9-12 – железо, 13 – кремний, олово, 14 – серебро, 15, 18 – бронза, 16 – янтарь, 17-21 – глина, 22 – сердолик

Литература

1. Богачев А. В. К истокам биритуализма погребальной обрядности именьковской культуры // Вестник самарского муниципального института управления. Самара, 2013. № 4(27). С. 34-40.
2. Богачев А. В. О верхней хронологической границе именьковской культуры // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.
3. Васюткин С. М. Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тысячелетия // СА 1968, N 1.
4. Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III-VII вв. н.э. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
5. Голдина Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV-IX вв.). Ижевск, 2010.
6. Казаков Е. П. Новые материалы к проблеме интерпретации именьковских древностей // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара, 2004. С. 281-284.
7. Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 С.
8. Мажитов Н. А. Южный Урал в VII-XIV вв. М., 1977.
9. Мажитов Н. А., Сунгатов Ф. А., Иванов В.А., Саттаров Т. Р., Султанова А. Н., Иванова Е.В. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2006 года. Т. I. Уфа, 2007.
10. Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Саттаров Т.Р., Султанова А.Н. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2007 года. Т. II. Уфа, 2009.
11. Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Исмагилов Р.Б., Бахшиева И.Р. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2008 года. Т. III. Уфа, 2009а.
12. Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Мухаметдинов В.И., Сунгатов А.Ф. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2009 года. Т. IV. Уфа, 2011.
13. Матвеева Г. И. Население лесной и лесостепной Башкирии в III-VIII вв. н.э.: Автореф. дис. канд. ист. наук. М. 1969.
14. Матвеева Г. И. Отчёт о раскопках селища Романовка-II в 1989 г. Куйбышев, 1989 // Архив археологических фондов СамГУ.
15. Матвеева Г. И. Памятники именьковской культуры на Самарской Луке // Краеведческие записки Куйбышевского областного музея краеведения. Вып. 3. Куйбышев, 1975. С. 105-119.
16. Матвеева Г. И. Экспедиции в прошлое: записки археолога. Самара, 1998. 160 С.
17. Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв. н.э.: именьковская культура. Самара, 2004. 168 С.
18. Матвеева, Г.И. Именьковская культура: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Материалы всероссийской

научной конференции, посвященной 35-летию КВАЭ. Ижевск, 29-30 января 2008 г. – Ижевск, 2008. С. 94-103.

19. Матвеева, Г.И. Полевая документация раскопок селища Романовка-II республики Башкортостан в 1989 году Г. И. Матвеевой // Архив археологических фондов СамГУ. 1989а.
20. Обломский А. М. Исследование комплекса археологических памятников в Острой Луке Дона (электронный ресурс) <http://www.archaeolog.ru/?id=154>
21. Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
22. Пузикова А. И. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посемье). Москва, 1997.
23. Салугина Н.П. Некоторые вопросы истории именьковских племен в свете данных технико-технологического анализа керамики // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.
24. Сальников К. В. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии // Археология и этнография Башкирии. Т. 2. Уфа, 1964. С. 67-84.
25. Старостин П.Н. О романовских и именьковских памятниках // АЭБ. Уфа, 1971. Т. 4. С. 149-150
26. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ. вып. Д1-32. М., 1967.
27. Степанов П.Д. Ош-Пандо. Саранск, 1967. 211 С.
28. Сунгатов Ф. А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V-VIII вв. н.э.). Уфа: Гилем, 1998. 169 С.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ НАУКИ ЭСТЕТИКИ: ЭСТЕТИЧЕСКОЕ, ПРЕКРАСНОЕ, ИДЕАЛ

В статье предлагается авторский вариант построения понятийного остова науки эстетики. В его основу положены идеи отцов-основателей этой науки: Александра Баумгартена, Иммануила Канта, Вильгельма Гегеля.

Ключевые слова: *А. Баумгартен, эстетическое, прекрасное, художественное, возвышенное, идеал, вкус, дизайн.*

Одно дело – ход возникновения и подготовительные работы какой-либо науки, и совсем другое – сама эта наука.

Г.В.Ф. Гегель

Чтобы некая совокупность знаний могла рассматриваться как самостоятельная состоявшаяся наука, она должна иметь следующие данные.

1. Свой собственный предмет исследования – ту часть мира, которую она изучает.

2. Круг разработанных ею понятий, с помощью которых она переносит исследуемую ею часть мира в сферу мышления людей.

3. Системное единство этих понятий, благодаря которому данная совокупность знаний приобретает свой внутренний концептуальный остов и становится собственно наукой.

Из трёх названных компонентов у эстетики в настоящее время имеются только два:

а) свой предмет исследования, которым является, с одной стороны, обширная сфера произведений искусства, с другой – способность человека чувственно постигать духовные смыслы этих произведений;

б) круг её собственных понятий, посредством которых она делает этот предмет достоянием мышления людей. В него входят: эстетическое, прекрасное, идеал, возвышенное, вкус и другие понятия.

Что касается третьего компонента – системного единства этих понятий, то его эстетике в настоящее время недостаёт. А без него она не может претендовать на статус полноценной сформировавшейся науки.

Чтобы убедиться в сказанном, достаточно обратиться к существующим учебным пособиям по эстетике. Сравнивая их содержание, мы без труда обнаружим, что каждое такое пособие представляет собой некий обособлен-

ный массив знаний, выстроенных в произвольном порядке. Их авторы сами определяют для себя, сколько и каких разделов должно быть в их пособии, какие понятия и в какой последовательности должны в них рассматриваться. Руководствуются они при этом отчасти традицией, отчасти интуицией, отчасти своим мнением (мнение – это то, что принадлежит *мне*).

До тех пор, пока системообразующие понятия какой-либо науки будут оставаться в разрозненном состоянии, она не может быть признана состоявшейся наукой. Художники в таких случаях говорят: набросать пятна на полотно несложно, но как сделать так, чтобы эти пятна соединились и полотно стало картиной? Аналогичная проблема стоит сегодня и перед многими науками, включая эстетику. Свести все принадлежащие ей понятия в одну книгу не составляет труда. Но как сделать так, чтобы эти понятия сплелись между собой и сделали эстетику наукой?

В данной статье автор предлагает свой вариант построения понятийного остова эстетики. В его основу положены идеи отцов-основателей этой науки: Александра Баумгартена, Иммануила Канта, Вильгельма Гегеля.

Возможность научного познания сферы искусства

На фоне того факта, что эстетика уже давно преподаётся во многих странах мира, сама постановка вопроса о возможности научного познания сферы искусства может показаться излишней. Но здесь надо принять во внимание два обстоятельства. Первое – это сохраняющаяся с конца XVIII века точка зрения, согласно которой научное познание произведений искусства невозможно в принципе. Второе, о чём мы уже сказали выше, – это отсутствие у современных курсов эстетики своего внутреннего понятийного каркаса, что можно рассматривать как прямое подтверждение данной точки зрения. В силу этих обстоятельств поставленный вопрос и сегодня продолжает быть актуальным.

Возможность научного познания сферы искусства вытекает из того, что все художественные произведения, в том числе и те, которые уже утрачены человечеством, были созданы при непосредственном участии мышления человека. Хотя на первый взгляд может показаться, что художники создают произведения искусства, основываясь только на своём созерцании и воображении, на деле это далеко не так. И перед тем, как приступить к созданию своего произведения, и непосредственно в процессе творчества они вынуждены много думать и размышлять. Только так они могут извлечь духовный смысл своих творений и органически выразить его через их внешнюю форму.

На протяжении всей истории люди неустанно творили многообразный мир искусства. Но проделав эту большую работу, создав великое множество художественных произведений, они начинают испытывать потребность в осознании пройденного ими пути. Такова природа нашего мышления: оно не только творит, но и, оглядываясь назад, стремится постичь свои творения. Лишь осмыслив всё то, что оно само создало, и сделав тем самым свою деятельность предметной и понятной для самого себя, мышление полностью исчерпывает свой потенциал и обретает удовлетворение.

Отсюда, *из потребности нашего мышления в осознании проделанной им ранее работы*, в частности той, которая была воплощена им в художественных произведениях, вытекает возможность и необходимость научного познания сферы искусства. То, что создано при участии мышления, может и должно быть познано им.

Отличие эстетики от искусствоведения и «теории искусства»

Различие этих наук обусловлено существованием двух подходов к познанию сферы искусства: а) эмпирического и б) теоретического.

При *эмпирическом* подходе процесс познания начинается с исследования конкретных художественных произведений. Применяемый при этом метод аналогичен методам других частных наук. Сначала изучаются и описываются отдельные предметы искусства. Затем эти первичные данные подвергаются систематизации и каталогизации: художественные произведения распределяются по видам, родам, странам и эпохам. Своеобразие каждой такой группы закрепляется соответствующей дефиницией. В результате создаётся длинный ряд дефиниций, полученных индуктивным методом: от единичного – к общему, где единичным являются отдельные произведения искусства, а общим – образуемые ими особенные группы. Например: "Античное искусство", "Голландская живопись", "Советский конструктивизм" и т.п.

Эмпирический метод познания привёл к появлению науки *искусствоведения*. Учёный-искусствовед – это знаток какого-то ограниченного по виду, времени или стране круга художественных произведений, а также условий их создания и последующего существования.

Однако уже в рамках такого эмпирического подхода встают вопросы общего характера. Что такое искусство? По каким законам оно развивается? По каким критериям должно оцениваться? Необходимость ответа на

эти вопросы побуждает учёных-искусствоведов переходить на теоретический уровень познания. Но делают они этот переход, продолжая оставаться внутри самой сферы произведений искусства.

Поскольку все художественные произведения имеют отношение, с одной стороны, к тем, кто их создает – к художникам, а с другой стороны, к тем, кто их созерцает – к зрителям, учёные-искусствоведы развивают свою теорию в двух направлениях. В рамках первого – *художнического* – направления они исследуют сам процесс создания произведений искусства, на уровне второго – *зрительского* – изучают процесс их восприятия зрителем. При этом оба процесса подвергаются ими аналитическому разложению, в ходе чего из них выделяются различные частности: ступени, стороны, аспекты и т.д. Затем каждая такая частность исследуется по отдельности.

В результате создаётся разрозненный ряд небольших учений (теорий, разделов, тем), каждое из которых объясняет что-то своё, особенное. Например, в рамках исследования процесса **создания** художественных произведений теоретики искусства предлагают нам такой ряд *учений* (разделов, тем): «социология искусства», «психология искусства», «онтология искусства», «феноменология искусства», «принципы искусства», «художественное творчество», «художественное произведение», «художественный процесс» и т.д. А в рамках исследования процесса **восприятия** произведений искусства предлагают такие учения: «об эстетическом чувстве», «об эстетическом восприятии», «об эстетическом сознании», «о чувстве прекрасного», «о связи искусства и общества», «о воспитательной роли искусства», «об элитарном и массовом искусстве», «об общечеловеческом и личном в искусстве» и т.д. Число таких учений, а также их названия и последовательность расположения каждый автор определяет по-своему.

Постольку все эти учения имеют разрозненный фрагментарный характер, далее возникает необходимость сведения их в единую теорию. С этой целью учёные-искусствоведы ставят задачу создания некоей общей **теории искусства**, которая, по их мнению, должна объединять эти учения в одно целое. Но именно этого-то им и не удаётся сделать. Не смотря на то, что все эти учения вырастают из одного общего корня – сферы произведений искусства, они, тем не менее, не сплетаются между собой и не образуют единого свода. Наоборот, подобно веткам куста, они разбегаются друг от друга в разные стороны. В результате вместо целостной последовательно развивающейся теории возникает лишь механический агрегат разрозненных учений (теорий, разделов, тем), собранных в одной книге.

Если подобные конструкции следует называть *теорией искусства*, то только с добавлением слов *кустового вида*.

Причина такой неудачи заключается в неправильном методологическом подходе. Эмпирический метод хорош на начальной стадии изучения предмета, когда мы исследуем его изнутри. Но когда встаёт вопрос о познании всего предмета целиком, данный метод уже не годится. Чтобы познать предмет как единый феномен, необходимо выйти за его пределы и обратиться к той «вышестоящей» предметной области, которой он принадлежит. Исследуя эту область, мы сможем определить, какую функцию выполняет в ней интересующий нас предмет и почему он так устроен.

Например. Когда естествоиспытатели приступили к изучению растительного мира нашей планеты, они сначала чисто эмпирически исследовали отдельные виды растений: описывали их, сводили полученные данные в таблицы и т.д. Но когда в начале XX века встал вопрос, что такое мир растений, рассматриваемый в целом, ответ на него был получен только благодаря появлению учения о биосфере. Это учение позволило определить биосферную функцию царства растений, а также всех других живых организмов планеты, и понять, почему они так устроены.

Подобным же образом мы должны подходить и к познанию интересующей нас здесь сферы произведений искусства. Но в отличие от растений, которые принадлежат природе, произведения искусства созданы человеком. Поэтому искать их основание мы должны в самом человеке. Для этого требуется: а) выйти за пределы сферы искусства и б) обратиться к учению о духе человека. Это действие и будет означать переход от эмпирического метода познания к теоретическому. Исторически данный переход состоялся во второй половине XVIII – начале XIX вв. благодаря работам А. Баумгартена, И. Канта, В. Гегеля и других. Он привёл к становлению науки *эстетики* как таковой.

В отличие от искусствоведения, эстетика начинает процесс познания сферы искусства, выходя за её пределы. Основываясь на учении о духе человека, она:

- 1) определяет то место, которое данная сфера занимает в системе духовной деятельности людей;
- 2) выводит свои основополагающие понятия, посредством которых раскрывает присущую людям способность чувственного постижения духовных смыслов произведений искусства: эстетическое, прекрасное, художественное, идеал и другие (их называют также *категориями эстетики*);

3) выстраивает эти понятия в порядке логической преемственности их смысла, благодаря чему создаёт свой внутренний понятийный остов и становится собственно наукой.

Далее, опираясь на эту теоретическую основу, она рассматривает: **а) исторические формы искусства** и **б) особенные виды произведений искусства**: архитектуру, скульптуру, живопись, музыку, поэзию, театр. В итоге эстетика возвращается к конкретным художественным произведениям, но уже с пониманием их особенности в контексте постигнутого ею всеобщего понятия искусства.

Такой подход, при котором основоположения одной науки выводятся из другой, а её системообразующие понятия выстраиваются в порядке логической преемственности их смысла, является философским². Поэтому эстетика имеет ещё одно полноправное название – "Философия искусства".

Место искусства в системе духовной деятельности человека

Становление духа человека происходит в процессе его взаимодействия с окружающим миром. Данное взаимодействие содержит в своём интенсивном развитии три ступени, согласно которым в каждом человеке существуют следующие формообразования его духа:

1. Непосредственная чувственная слитность человека с внешним миром даёт ему наличие **души**.

2. Отношение его противоположности к внешнему миру даёт наличие **сознания – Я**.

3. Содержательное взаимодействие человека с окружающим миром проявляется, собственно, как его дух, выступающий в двух формах:

а) теоретической деятельности – как интеллект;

б) практической деятельности – как воля.

Каждое из этих формообразований играет свою особенную роль в системе деятельности нашего духа. *Душа* отвечает за наше чувство самого себя. *Сознание (Я)* наполняет себя знаниями и исходя из них руководит текущей деятельностью человека. *Интеллект* создаёт сами эти знания и перерабатывает их в различные планы и проекты по изменению окружающего мира. Воля определяет приоритеты человеческих влечений (планов) и претворяет их в жизнь.

² С учётом царящей ныне сумятицы в философии мы должны уточнить, что речь в данном случае идёт о методе **классической рационалистической философии**, которую разрабатывали Хр. Вольф, И. Кант, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель.

Из всех перечисленных форм нас непосредственно интересует **интеллект**. Он производит знания о мире и разрабатывает на их основе различные планы и проекты по его преобразованию. Благодаря именно этой функции интеллекта на свет появляются все творения рук человеческих, включая произведения искусства. Соответственно, ключ к пониманию сферы искусства надо искать в системе деятельности нашего интеллекта.

Как уже было сказано, задача интеллекта состоит в следующем:

- а) производить знания об окружающем мире:
- б) сохранять их:
- в) преобразовывать их в различные планы и проекты по переустройству мира.

Интеллект и деятельность познания представляют собой одно и то же. Все интеллектуальные способности человека – внимание, воображение, ассоциации, память – не имеют никакого самостоятельного значения вне деятельности познания и представляют собой лишь её рабочие моменты. Сам процесс познания включает в себя три ступени:

- а) созерцание,
- б) представление,
- в) мышление.

На первой ступени – **созерцания** – субъект только ощущает интересующие его предметы: видит их, слышит, осязает, обоняет, пробует на вкус. В силу того, что воспринимаемые им ощущения различны, ему приходится проявлять к ним своё внимание. Акт проявления внимания позволяет человеку удерживать эти ощущения не только в их различии, но и в их единстве (пучком). Благодаря этому в его сознании возникают **образы** созерцаемых им предметов.

Восприняв образ, наш интеллект перестаёт обращать внимание на сам предмет. Благодаря этому образ отделяется от предмета и превращается в представление. **Представление** – это внутренне усвоенное созерцание.

Однако, попав в сферу представления, образ предмета оказывается как бы в тупике. У каждого человека своя голова. Все те образы, которые находятся в ней, скрыты от окружающих. Чтобы сделать их достоянием других людей, требуется перенести их из головы субъекта во внешний мир. Решается эта задача посредством применения **символов** и **знаков**.

Когда для овнешнения своих внутренних представлений люди используют образы реально существующих предметов, они создают **символы**. Например, образ лисы выражает хитрость, быка – упорство, сороки –

болтливость и т.д. При этом из предмета берутся только те свойства, которые соответствуют содержанию выражаемого через его образ представления. Остальные свойства не учитываются. Поэтому требуется ещё догадаться, в каком именно смысле используется тот или иной образ-символ.

Но далеко не все наши представления могут быть перенесены во внешний мир с помощью образов реально существующих предметов. Воображение человека в обилии создаёт такие представления, содержание которых в принципе не может быть выражено через них. Для овнешнения таких представлений людям приходится применять **знаки**. Знаки изготавливаются из какого-либо внешнего материала. При этом в форму знака вкладывается содержание представляемого нами образа. Например, для обозначения воды мы рисуем на бумаге или песке волнистые линии.

В зависимости от материала, из которого создаются знаки, и придаваемых им пространственно-временных параметров они подразделяются на две группы:

- а) собственно знаки,
- б) знаки-слова.

В качестве примеров существования **собственно знаков** можно указать великое множество предметов: звёздочки на погонах, кокарду, дорожные знаки, фирменный логотип, школьный звонок, обручальное кольцо, жесты рук, графики и линии кардиограмм и т.д. Общим для всех знаков является следующий момент: они обозначают собой нечто отличное от того, чем являются по своему материалу и форме. Соответственно, чтобы пользоваться знаками, людям сначала приходится учиться понимать их значение. Для человека, который не знает смысла какого-либо знака, его просто не существует. Об этом же говорит и этимологическая цепочка слов: *знак – обозначение – значение – познание – знание – сознание* и т.д.

Наиболее универсальной формой знака является **слово**. Слова создаются из **воздуха**, которым мы дышим. Воздействуя на воздух с помощью гортани, языка и губ, мы производим звуки. Сочетание нескольких звуков становится словом. Слово, закреплённое за образом предмета, становится его **именем**. Сами слова не имеют имён, поскольку каждое – само имя. Имена присваиваются не только предметам целиком, но и их деталям, частям, сторонам, а также образуемым ими (предметами) системам.

Единство слова-имени и содержания обозначаемого им представления обеспечивает **память** человека. При упоминании имени память воспроизводит весь хранящийся в представлении материал, относящийся к

обозначаемому им предмету. Благодаря памяти находящиеся в голове человека имена и образы сохраняют свою связь с реальными предметами. (Письменность – это уже знак знака, это графическое изображение звукового знака-слова.)

Практика применения знаков-слов позволила людям, во-первых, передавать свои представления друг другу, благодаря чему они научились разговаривать (овладели речью), а во-вторых, привела к развитию третьей ступени деятельности их интеллекта – **мышления**. Созерцания и представления имеют и животные. Мышлением же обладает только человек.

Мы, люди, мыслим посредством слов. Связывая слова между собой, мы создаём мысли. Слова составляют ткань мысли, а человеческий язык в целом является телом мышления. Никакого другого мышления – так называемого невербального, или бессловесного – не бывает. Есть ассоциации образов, но они возникают ещё на этапе представления. Только слова придают мыслям действительное существование, и мышление лишь в такой степени способно отражать содержание предметного мира, в какой оно пользуется словами.

Когда человек мыслит, он свободно распоряжается именами предметов и связывает их между собой в любом порядке. Однако руководствуется он при этом теми отношениями, которые существуют между самими реальными предметами. За счёт этого он, с одной стороны, наполняет выстраиваемые им цепочки слов смыслом и превращает их в собственно мысли, а с другой – постигает понятия интересующих его предметов.

Что такое **понятие**? Это то, что надо понять. Любой предмет представляет собой нечто *целое*. Как целое он состоит из *частей*, а части – из *элементов*. На языке логики целое называется *всеобщим*, части – *особенным*, а элементы – *единичным*. Соответственно, чтобы получить понятие какого-либо предмета, сначала надо выявить в нём все его реальные части и элементы, а затем мысленно связать их воедино так, чтобы получилось понимание целого. Но ещё раньше нам потребуется обнаружить сам предмет, найти его в окружающем мире и отделить от остальных. В силу этого процедура постижения понятия любого предмета содержит три ступени.

На первой ступени – **бытия** – мы только обнаруживаем сами предметы.

На второй ступени – **сущности** – изучаем их внутреннее строение и внешние связи.

На третьей ступени – **понятия** – формулируем их понятие как таковое.

Но на этом дело не заканчивается. Поскольку единичные предметы существуют не сами по себе, а входят в состав каких-либо более крупных систем, для получения их всестороннего понимания необходимо также приобрести знание об этих системах.

Постигнутое мышлением понятие – это конечный результат всего процесса познания. Но здесь, в конце пути, вновь возникает всё тот же вопрос: как сделать приобретённые человеком знания – образы и понятия предметов – достоянием других людей? Решается эта задача в соответствии всё с теми же тремя ступенями деятельности нашего интеллекта:

- созерцания;
- представления;
- мышления.

На ступени созерцания мы делаем свои знания доступными для других людей благодаря тому, что придаём им форму произведений **искусства**. Художник создаёт из внешнего материала какое-либо чувственно воспринимаемое творение, в образ которого вкладывает своё понимание мира. Созерцая это творение, зритель чувственно постигает заложенный в нём художником духовный смысл.

На ступени *представления* наш интеллект делает свои знания общедоступными, придавая им форму **религиозной** картины мира. Конечно, те, кто писали Библию, думали о том, что они пишут и как они показывают мир. Однако разработанная ими картина мироздания предназначена не для мышления людей, а для их внутреннего образного представления. Читая Библию, мы представляем себе, как Господь сотворил Землю и что происходило на ней потом. Собственно, поэтому религиозные знания могут и должны восприниматься только на веру.

На третьей ступени – *мышления* – интеллект делает свои знания доступными, излагая их в виде **научных** произведений. В монографиях, статьях и учебных пособиях знания о мире передаются посредством логической связи понятий.

Таковы три формы, с помощью которых человек делает приобретённые им знания общедоступными: искусство, религия и наука. Все они являются производными от ступеней познавательной деятельности нашего интеллекта. Это значит, что искусство, религия и наука появились в жизни людей не потому, что их кто-то и когда-то придумал, а потому, что так устроен наш интеллект. Иначе говоря, они являются не изобретениями человеческого ума, а его раскрывшейся сущностью.

Из вышеизложенного вытекает ответ на интересующий нас вопрос: какое место **произведения искусства** занимают в системе духовной деятельности человека? Они **представляют собой одну из трёх форм передачи людьми своих знаний о мире**. Основывается эта форма на способности человека к чувственному постижению духовных смыслов воспринимаемых им предметов.

Именно наличие у людей такой способности позволило А. Баумгартену выделить эстетику в отдельную науку. Согласно его определению, эстетика – это «наука, которая направляет низшую познавательную способность человека», или «наука о чувственном познании чего-нибудь» (Баумгартен, 1964, С. 453). Речь в данном случае идёт не о начальной ступени описанного выше процесса познания окружающих нас предметов, а именно о чувственном способе познания духовных смыслов непосредственно созерцаемых нами произведений. Эту способность «чувственного познания» А. Баумгартен рассматривал как «низший аналог» познавательной деятельности нашего мышления.

Способность чувственного познания духовных смыслов

Тело человека чувственно слито с окружающим миром. Все его органы чувств – глаза, уши, нос, рецепторы языка и кожи – функционируют на протяжении каждого дня и всей его жизни. Через них нескончаемым потоком в его душу вливаются образы всех воспринимаемых им предметов. Если наше сознание воспринимает образы только тех предметов, на которые мы обращаем своё внимание (внимание своего Я), то для нашей души важны все ощущения и образы вообще, которые *где-либо, когда-либо и как-либо* воспринимались нами. Сколько всего человек видел, слышал, осязал, обонял, вкушал, он никогда не знает. Но всё это поступает в глубины его души и сохраняется в ней.

Весь этот сонм скопившихся в душе ощущений и образов не лежит мёртвым грузом. Он постоянно чувственно переживается ею, по ходу чего у нас исподволь меняется настроение и возникают какие-то смутные ощущения, волнения, эмоции.

Однако главным качеством человека является его сознательное отношение к миру. Наше сознание (Я) производит знания и состоит из них. Показательна здесь сама этимология этого слова: *со-знание, con-sciences*. Каждое новое поколение людей начинает свою жизнь с того, что осваивает ранее накопленные человечеством знания. В процессе воспитания, образования и обучения в голове молодого человека формируется огромный

массив знаний о внешнем мире и о самом себе. И на протяжении всей последующей жизни он продолжает активно познавать мир и наполнять себя новыми знаниями. У кого-то этих знаний больше, у кого-то меньше, но они с необходимостью есть у каждого.

Находящийся в голове человека огромный идеальный мир знаний имеет непреходящее значение для его жизни. Его сознательное Я живёт среди этих знаний и строит все свои планы и действия, исходя из них. Например, находясь сейчас в своей комнате, я знаю, что где-то в той стороне от меня расположен вокзал, в другой стороне – театр. На западном направлении находится Москва, Европа. На восточном – Урал, Сибирь. Над головой – Луна, звёзды и т.д. В этот момент я не вижу сами эти предметы, не созерцаю их, но все они присутствуют в моём сознании в идеальной форме. И если я задумаю, например, пойти на почту, то сначала вся картина моего предстоящего похода возникнет в моей голове в идеальной форме.

Для сознания самого человека (для его Я) все содержащиеся в нём знания предстают в трёх взаимосвязанных формах. В сфере его мышления знания имеют форму *понятий* предметов, в сфере представления – форму их *образов*, а в сфере чувственной жизни души – форму ощущений, волнений, эмоций. Ключевая роль при этом принадлежит находящимся в сфере нашего представления *образам* предметов. Они, с одной стороны, соприкасаются со ступенью рассудочной деятельности *мышления* и переходят в неё³. С другой стороны, они связаны с миром чувственной жизни *души* и погружаются в неё. В силу этого все представляемые нами образы имеют не только рациональный смысл, но и чувственную оболочку (окраску).

Вместе с тем помимо такого внутреннего идеального мира знаний человеку всегда дан и окружающий его мир внешних предметов. На протяжении всей своей жизни, за исключением периодов сна, мы постоянно воспринимаем находящиеся вне нас реальные предметы (явления, события). Круг таких предметов очень узок и переменчив. Он составляет ничтожно малую толику того огромного идеального мира, который находится в головах людей, но, тем не менее, он всегда дан и чувственно воспринимается нами в режиме текущего времени.

Созерцание человека подобно тонкой полоске света. Оно скользит по окружающим предметам и как бы попеременно высвечивает их. Например,

³ Начальная ступень деятельности мышления отталкивается от находящихся в сфере представления человека образов предметов. Анализируя эти образы, мышление выстраивает первичные (рассудочные) понятия познаваемых им предметов.

находясь в своей комнате, я созерцаю те вещи, которые её наполняют. Если я перейду в прихожую, то перестану видеть эти вещи и начну созерцать вещи прихожей. Если выйду на улицу, то забуду про прихожую и стану воспринимать интерьеры улицы. Когда пойду по городу, то в моём сознании, как в ленте кино, будут сменяться образы непосредственно наблюдаемых мною предметов: домов, кварталов, перекрёстков, деревьев, машин и т.д.

Таким образом, весь мир присутствует в нашем сознании в идеальной форме⁴, тогда как его реальность воспринимается человеком в каждый момент его жизни в очень малом объёме. При этом оба эти мира: а) уже содержащийся в голове человека огромный и устойчивый мир идеальных образов и понятий и б) непосредственно воспринимаемый им в режиме текущего времени узкий и сменяющийся круг реальных предметов находятся в постоянном контакте друг с другом. Образы созерцаемых человеком предметов поочерёдно поступают в сферу его представления. Там они встречаются с теми образами, которые уже содержатся в ней. В результате таких бесконечных встреч у человека вырабатывается способность **чувственного постижения духовных смыслов** воспринимаемых им предметов.

В зависимости от уровня своего развития данная способность выступает в трёх формах:

- а) чувства узнавания,**
- б) эстетического чувства,**
- в) чувства прекрасного.**

Эти формы не являются случайными. Выражаясь словами А. Баумгартена, они представляют собой «низшие аналоги» трёх ступеней познавательной деятельности нашего мышления. А именно:

- *чувство узнавания* является аналогом ступени обнаружения бытия предметов,
- *эстетическое чувство* – аналогом ступени раскрытия их сущности,
- *чувство прекрасного* – аналогом ступени постижения понятий предметов.

Чувство узнавания

Являясь по своей биологической природе животным, человек ведёт активный образ жизни. В силу этого он ежедневно встречает на своём пути

⁴ Подлинным предметом так называемой *идеалистической философии* является этот находящийся в голове человека огромный идеальный мир знаний, а вовсе не те химеры, которые ей приписывают.

различные предметы: дома, дороги, автомобили, перекрёстки, столбы, деревья, людей и т.д. Подавляющая часть таких предметов не имеет к нему непосредственного отношения и потому безразлична для него. Но поскольку они образуют окружающий его мир, их образы невольно попадают в пределы его внимания и становятся достоянием его представления. Там, в сфере представления, они встречаются с теми образами, которые уже содержатся в ней. Если среди них отыскиваются подобные им образы, то созерцаемые предметы (явления, события) узнаются человеком, а если нет, то не узнаются. Причём в большинстве случаев процесс узнавания таких «безразличных» для человека предметов протекает без участия его мышления.

Как это происходит? Образ созерцаемого предмета – это определённый комплекс воспринимаемых нами ощущений. Когда такой комплекс (образ) попадает в голову человека, он соприкасается там со многими такими же комплексами ощущений (образами предметов), которые уже содержатся в ней. В результате таких соприкосновений у человека возникает внутреннее ощущение, сообщающее ему о том, встречался ему ранее этот предмет или нет. Если образ предмета оказывается подобным тому, который уже содержится в представлении человека, то это ощущение имеет нейтральный, «спящий» характер. Если же он не находит своего подобия, то оно приобретаетстораживающий, возбуждающий характер.

В последнем случае, как правило, активизируется деятельность мышления человека. Но происходит это лишь тогда, когда в сферу нашего внимания попадают ранее неизвестные нам предметы. В отношении же тех предметов, которые уже встречались нам и которые вместе с тем не представляют для нас интереса, мы ограничиваемся *чувственным способом* их узнавания. Этот способ свойственен всем животным. (У многих видов чувственные характеристики значимых для их жизни предметов заложены генетически.) Человеку он достался в наследство от его прошлой животной жизни.

Эстетическое чувство

Но среди ежедневно встречающихся нам предметов обязательно есть такие, которые безразличны для нас. Если мы связаны с каким-либо предметом определёнными отношениями, то такой предмет представляет для нас интерес уже не только по факту своего бытия, но и по своей сущности. Когда такой предмет, а также все его возможные аналоги, которые потенциально способны заменить его собой, попадают в поле нашего зре-

ния, перед интеллектом встаёт задача не просто опознать данный предмет, но и сопоставить его с его понятием. Делать это необходимо, поскольку реальные предметы в силу самых разных причин в любой момент могут перестать соответствовать своим понятиям. Например: рыба, которую планировали на обед, испортилась; дорогу, по которой ходили каждый день, перекопали, и т.д.

Сопоставить предмет с его понятием – значит сравнить его реальный образ с тем образом, который он должен иметь согласно своему понятию. Откуда в сфере нашего представления появляются такие понятийные образы? Их поставляет туда наше мышление, которое располагает понятиями предметов. Строятся же такие сравнения по формуле В.В. Маяковского: «Если тебе корова имя, у тебя должно быть молоко и вымя. А если нет молока и вымени, что толку в твоём коровьем имени».

В том случае, когда образ воспринимаемого предмета соответствует своему понятийному образу, мы называем его истинным (нормальным, хорошим, настоящим, действительным). В том же случае, когда он частично или полностью не соответствует своему понятийному образу, мы называем его неистинным (дурным, уродливым, ненормальным, ненастоящим, недействительным). Например, в понятие «кисть руки» входит большой палец, указательный, средний, безымянный, мизинец, а также ладошка. Если созерцаемая нами реальная кисть руки соответствует этому образу, мы признаём её истинной (нормальной, хорошей), а если нет, то называем её неистинной (ненормальной, дурной, уродливой). Такие обыденные выражения, как «Я тебя сегодня не узнаю» или «Какой же он электрик, если простой выключатель не смог заменить», несут в себе момент сопоставления реального предмета с его понятием.

Однако если наше мышление будет постоянно отвлекаться на процедуру сравнения всех потенциально интересующих нас предметов с их понятиями, то ему некогда будет заниматься другой работой. По этой причине оно передаёт эту функцию на ступень непосредственного созерцания предметов. В результате у человека вырабатывается способность к чувственному определению результатов такого сравнения. Уже в сам момент восприятия у нас появляется внутреннее ощущение, говорящее нам о том, соответствует образ данного предмет его понятию или нет. Если соответствует, то это ощущение имеет положительный характер, если не соответствует, то отрицательный. Такова схема *возникновения эстетического чувства*.

Можно сказать и так: эстетическое чувство появляется в результате усталости или, если хотите, лени нашего мышления, которому надоедает

постоянно отвлекаться на процедуру сравнения воспринимаемых предметов с их понятиями. В силу этого наш интеллект вынужден переключать эту рутинную работу по определению истинности интересующих нас предметов на ступень их непосредственного восприятия. Но в отличие от чувства узнавания, которое имеет природное происхождение, эстетическое чувство имеет в своей основе уже две составляющие: *природную* и *духовную*. Природная составляющая – это чувственный способ узнавания воспринимаемых предметов, который уходит своими корнями в многомиллионную толщу лет животной жизни наших предков. Духовная составляющая – это находящиеся в сфере мышления человека понятия предметов.

Если факт соответствия созерцаемого предмета своему понятию устанавливается с помощью мышления, то это **рассудочный** способ определения истины. Если же такое соответствие устанавливается без участия мышления, то это **чувственный** способ определения истины. Данный способ как раз и представляет собой то, что мы называем **эстетическим чувством**. Когда, например, говорят, что у детей надо развивать эстетическое чувство, это означает, что их в первую очередь следует учить отличать форму от бесформенности, норму от уродства, истинное от ложного. Причём делать это они должны уметь не только за счёт мышления, но и за счёт своего чувства.

Положительная форма эстетического чувства становится в дальнейшем чувством *прекрасного*, а отрицательная – чувством *безобразного*. Последнее возникает тогда, когда образ созерцаемого предмета существенно отличается от того образа, который он должен иметь согласно своему понятию. Поэтому такой предмет называется **безобразным** – с ударением на букву *о*. Он не находит в сфере нашего представления своего подобия и потому признаётся нами *без-образ-ным*.

Эстетическое чувство, следовательно, шире прекрасного, поскольку включает в себя не только *прекрасное*, но и *безобразное*. Но прекрасное, в свою очередь, глубже эстетического, поскольку содержит в себе бесконечный потенциал развития. Связано это развитие со свободой нашего мышления.

Чувство прекрасного

Мышление человека в самом себе всегда свободно. (Поэтому свободен и сам человек.) Но пока мышление только производит понятия предметов, оно ещё не свободно. Оно «повязано» познаваемым предметом и вынуждено действовать, руководствуясь принципом: каков предмет, тако-

во же должно быть и его понятие. Если оно будет произвольно вносить изменения в процесс познания, то это приведёт его лишь к неправильному пониманию предмета.

Однако, после того как мышление построит понятие, оно перестаёт обращать внимание на сам предмет и разрывает свою связь с ним. Предмет остаётся в реальном мире, а его понятие – в голове человека. Наличие таких понятий даёт мышлению тот материал, в отношении которого оно способно проявлять свою свободу. Если бы у него не было понятий, то не было бы и свободы. (Поэтому необразованный человек не может быть свободным.)

Располагая понятиями предметов, мышление может внести изменения в любое из них, перестроить его и создать на его основе какое-то новое понятие. Появление в голове человека таких новых понятий разворачивает его отношение с окружающим миром в противоположную сторону. Если ранее воспринимаемые им внешние предметы отыскивали в сфере его представления тождественные себе образы, то теперь, наоборот, разработанные его мышлением образы стремятся найти во внешнем мире подобные себе предметы. И когда такие предметы действительно находятся, субъект испытывает от этого чувство удовлетворения.

Такова схема возникновения **чувства прекрасного**. В отличие от эстетического чувства, в основе которого лежит отношение потенциальной зависимости субъекта от воспринимаемых им предметов, чувство прекрасного основано уже на его свободном отношении к ним. В силу этого оно с необходимостью содержит в себе три элемента:

- а) находящийся в голове человека идеальный **образ**;
- б) созданное художником реальное **произведение искусства**;
- в) единство *идеальной и реальной* формы прекрасного, которое достигается в процессе **созерцания** зрителем произведения искусства.

1. Прекрасный образ. Понятие, как мы уже говорили выше, – это постигнутое мышлением единство выявленных в предмете *различий*. Под «единством различий» здесь следует понимать присущее самому предмету сочетание его различных сторон, частей, элементов, свойств и т.д. Соответственно, чтобы преобразовать понятие какого-либо предмета, требуется внести изменения в существующее сочетание его различий (сторон, частей, свойств и т.д.). Изменяя его, мы тем самым частично или полностью изменяем понятие всего предмета.

Новшества, привносимые мышлением в понятие, переносятся посредством воображения на представляемый образ предмета и запечатле-

ваются в нём. **Воображение** – это деятельная форма нашего представления, которая осуществляется под руководством мышления. Благодаря воображению в головах людей возникают новые образы предметов, отличные от первоначальных. Например, имея в своём представлении образ какого-либо конкретного дерева, мы можем мысленно изменить его высоту, форму кроны, цвет листьев. В итоге наше воображение формирует новое сочетание различий этого дерева и создаёт его обновлённый образ.

Но главной целью творческой деятельности интеллекта человека является не внешняя форма предметов, а их внутреннее духовное содержание. Только оно даёт нашему мышлению необходимый простор для реализации его свободы. Определяющим при этом становится само содержание образа, тогда как его внешняя форма теряет своё самостоятельное значение и ставится в подчинённое отношение к нему. «Внешняя форма произведения искусства должна согласовываться с внутренним содержанием, которое... благодаря этому может обнаруживаться через неё в качестве самого себя» (Гегель, 2007, С. 217).

Здесь пролегал различие между просто *красивым* и *прекрасным*. В **красивом** образе на первом месте находится его форма, внешний вид. Духовное содержание либо вообще отсутствует, либо подчинено форме. В **прекрасном** же образе на первое место выходит духовное содержание, а роль формы сводится к тому, чтобы выражать его. *Пре*-красное, следовательно, это то, что *пре*-восходит красоту. А превосходит оно её тем, что определяющим становится внутренний духовный смысл образа, который должна выражать его внешняя форма. Здесь же появляется новое значение у понятия безобразного. По отношению к *красивому* оно сохраняет свой первоначальный смысл – *без-образ-ного*. Но по отношению к *прекрасному* оно приобретает уже иное значение, близкое по смыслу к *дурному*.

Мыслители Древней Греции считали, что прекрасные образы могут создаваться лишь благодаря подражанию природе, что художник должен отражать предметы подобно зеркалу, показывая их точно такими, каковы они есть в действительности (Гегель, 1977, С. 384). В Новое время эту точку зрения поддерживал Шарль Баттё. Но истина состоит в том, что прекрасные образы создаются только посредством свободной деятельности мышления человека, порождающего из самого себя их духовное содержание. Точное подражание природе не является целью искусства, по крайней мере, до тех пор, «пока природное берётся только с его внешней стороны, а не как форма, выражающая собой дух» (Гегель, 2007, С. 384). В этом, собст-

венно, и состоит смысл слова *идеализация*, которое означает процесс свободного формирования образа со стороны человеческого духа.

В нашей обычной жизни прекрасные образы возникают в головах людей как бы сами собой, экзистенциально. Происходит это потому, что нам постоянно приходится сталкиваться с какими-то жизненными ситуациями и проблемами. В ходе обдумывания этих ситуаций и проблем в сознании людей возникают какие-то обновлённые образы и смыслы. В зависимости от своего содержания эти образы и смыслы вызывают в их душах соответствующие чувственные переживания, волнения, эмоции. Последние, в свою очередь, не остаются замкнутыми на самих себя. Они переходят в тело человека и воплощаются в нём.

Вот простейшие примеры таких воплощений. Мысль о своём собственном недостойном поведении вызывает у человека чувство стыда, которое приводит к покраснению щёк, ушей. Мысль о коварных действиях кого-то другого вызывает чувство гнева, которое приводит к учащённому сердцебиению, напряжению мышц. У радостного человека лицо светится, ноги пляшут. У человека, убитого горем, лицо мрачнеет, тело обмякает. У фанатично верующих людей проявляются стигматы. На этом же эффекте основан принцип деятельности детекторов лжи.

Точно так же, находясь во власти душевных переживаний, вызываемых размышлениями о чём-либо, человек может неосознанно начать напевать какую-то мелодию, делать ритмичные движения руками, ногами. В его воображении появляются какие-то выразительные формы, в речи – эпитеты, сравнения, метафоры. В результате, казалось бы, чисто рассудочная деятельность, направленная на решение каких-то жизненных проблем, приводит к тому, что у человека активизируется чувственная жизнь души. Возникающие при этом переживания, волнения и эмоции распространяются на его тело и побуждают его к действиям. Тем самым у субъекта пробуждается потребность придать своим смыслам, чувствам и образам внешнюю форму.

2. Производство искусства. Разработанный воображением человека прекрасный образ переносится им на внешний материал и воплощается в нём. В результате образ принимает материальную форму и становится *произведением искусства*. Почему искусства? Потому, что он имеет не природное, а искусственное происхождение. Создавая художественные произведения, люди тем самым производят из самих себя новую, порождённую их духом искусственную реальность.

Кто творит произведения искусства? Во-первых, каждый человек для самого себя. Кто-то лучше, кто-то хуже, но каждый способен придать своим идеальным образам, смыслам и чувствам какую-либо внешнюю форму. Например, когда человек подбирает шторы для окон, делает себе причёску или составляет букет цветов, то в этих действиях он уже руководствуется своими представлениями о прекрасном. Во-вторых, существует определённая группа людей, называемых *художниками*, для которых деятельность по созданию и воплощению прекрасных образов является профессией. Их творчество основано на специальных знаниях, традициях, мастерстве.

В процессе создания произведения искусства художник решает триединую задачу. Во-первых, он продумывает то духовное содержание (смысл), которое хотел бы донести до зрителя. Во-вторых, создаёт в своём воображении тот образ, который позволил бы ему выразить это содержание. В-третьих, переносит этот образ на внешний материал и придаёт ему чувственно воспринимаемую форму. Для архитектора таким материалом являются камень, металл, стекло и т.д., для скульптора – глина, бронза, мрамор, гипс, живописец использует полотна и краски, музыкант обрабатывает воздух, поэт работает со словом, актёр – со своим телом, лицом, голосом.

Суть *художественного* творчества заключается в способности выражения духовного содержания через внешнюю чувственно воспринимаемую форму. Иначе говоря, художник – это тот, кто умеет передать внутренний духовный смысл разрабатываемого им образа через его внешнюю форму. Соответственно, созданное художником творение является прекрасным уже не только потому, что в нём заложен некий духовный смысл, но и потому, что этот смысл получил своё адекватное выражение через его чувственно воспринимаемую форму.

У самих же произведений искусства нет другого назначения, кроме как раскрывать через свою внешность содержащийся в них внутренний духовный смысл (идею, представление). С этой точки зрения любое художественное произведение является, по существу, вопросом, обращённым к откликающимся на него душам и умам людей. Находите ли вы во мне то, ради чего я создано? Позволяет ли моя форма воспринять то духовное содержание, которое я в себе несу?

3. Восприятие зрителем произведения художника. Наличие в головах людей прекрасных образов – это первое условие появления чувства прекрасного. Вторым является существование реальных произведений искусства. Соединение обеих этих сторон делает чувство прекрасного, а вместе с ним

и всю сферу искусства, действительными. Это значит, что прекрасное существует только для прекрасного. Если в представлении человека развита сфера прекрасных образов, то он будет способен воспринимать произведения искусства. Если не развита, то он не увидит прекрасного в прекрасном⁵. Вот как удачно выразил эту мысль Платон: «О здешние боги, дайте мне стать внутренне прекрасным! А то, что меня окружает извне, пусть будет дружелюбно тому, что у меня внутри» (Федр).

В отличие от созерцания, которое имеет дело с единичными предметами, сфера представления человека есть некая всеобщность в самой себе. Она содержит целый мир взаимосвязанных образов, в том числе и тех, которые были созданы его собственным воображением. Все эти идеальные образы, как уже говорилось, с одной стороны, граничат с рассудочной деятельностью мышления и переходят в неё, с другой – погружены в сферу чувственной жизни души и обретают в ней своё чувственное значение.

Когда образ созерцаемого произведения искусства попадает в сферу представления зрителя, он встречается там с какими-то подобными себе образами и оживляет их. Наполняющие эти образы смыслы также приходят в активное состояние, но при этом они остаются окутанными оболочкой чувственной жизни его души – соответствующими переживаниями, волнениями, эмоциями. В силу этого процесс их осознания не доходит до ступени открытой деятельности мышления. Он останавливается на полпути, ограничиваясь только чувственным способом постижения этих смыслов.

Бах творит! Ты только слушай.
И сам поймёшь ты всё без лишних слов.
Всё, что скрыто в сердце у тебя,
Всё, что в глубине твоей души
Вдруг свет волшебный озарит,
Когда над городом орган звучит.

А. Слизунов

Конечно, чем более зрел и опытен зритель, тем реже его сознание довольствуется такой чувственной формой постижения смыслов художественных произведений. Сам того не желая, он исподволь начинает рассуждать об их достоинствах и недостатках, о глубине их смысла и ориги-

⁵ В марте 2014 г. изобретательные французы провели по залам Лувра небольшое стадо баранов. Судя по поведению последних, этот поход в храм искусства не произвёл на них никакого впечатления.

нальности формы. Но и в этом случае все его рассуждения строятся на основе созерцания их внешней чувственно данной формы. Отсюда появились такие выражения: уметь *читать* картины художников, *слушать* музыкальные произведения, видеть мастерство актёра, *проникать* в замыслы зодчего, скульптора, и т.д.

Возникновение у зрителя чувства прекрасного свидетельствует о том, что воспринимаемый им образ оказывается близок тем образам, которые уже имеются в сфере его представления и в чувственном мире его души. В лице данного произведения искусства реальность как бы подтверждает творческий гений самого зрителя. В созерцаемом образе он находит продолжение самого себя, своего внутреннего мира, даже если духовной смысл этого образа совпадает с его миропониманием не полностью, даже если до встречи с ним субъект вообще не задумывался над подобными смыслами. Тем не менее, воспринимая это произведение искусства, он ощущает свою близость с ним. Если бы ему самому пришлось изображать нечто подобное, то он сделал бы это так же или почти так же.

Чувство прекрасного – это кульминационная точка всего художественного процесса. Именно оно определяет дальнейшую судьбу художественных произведений. Если они вызывают у зрителя чувство прекрасного, заставляют его думать и переживать, то они будут пользоваться вниманием, а значит будут жить. Оставляя его равнодушным, они обречены на забвение.

Таково понятие чувства прекрасного. В отличие от эстетического чувства, которое представляет собой в своей основе чувственный способ определения *истинности* потенциально необходимых нам предметов, чувство прекрасного – это проявление нашей способности чувственного постижения *духовных смыслов* свободно созданных произведений художника.

Ступени художественной свободы (три сферы прекрасного)

Творческая свобода зрителя ничем не ограничена. Он может породить в своём воображении какие угодно образы. Что же касается свободы художника, то в силу наличия в его творчестве материального фактора она имеет три разных уровня, которым соответствуют три сферы прекрасного:

- прекрасное в природе;
- прекрасное в прикладном искусстве;
- прекрасное в изящном искусстве.

1. Прекрасное в природе. Природа сама по себе – художник. Однако все её творения не являются ни прекрасными, ни безобразными. Они таковы, каковы они есть. Именно в этом качестве мы воспринимаем их как собственно *предметы природы*. Если мы будем переделывать и улучшать их, то они перестанут быть творениями природы и превратятся в артефакты. В силу этого наша художественная свобода распространяется только на их понятия. Располагая этими понятиями, мы имеем возможность: а) сравнивать с ними сами реальные предметы природы и б) основываясь на результатах таких сравнений, делать вывод, насколько эти предметы прекрасны или безобразны.

Вот наиболее распространённые варианты таких сравнений.

а) Мы оцениваем предметы природы по их соответствию нашему общему пониманию жизни. Выгоревший лес, чахлый цветочек, немощное животное мы не называем прекрасными. И наоборот, те места природы, где жизнь бьёт ключом, и тех животных, которые полны энергии жизни, мы называем прекрасными.

Точно так же мы оцениваем конкретные творения природы, основываясь на том, насколько их реальный образ соответствует понятийному. Те организмы, чей образ близок к «стандартам» своего вида, мы находим прекрасными, а те, чей образ значительно отличается от них, безобразными. Например, «гадкий утёнок» Г.Х. Андерсена.

По этой же причине мы, как правило, испытываем неприятное чувство по отношению к тем животным, которые принадлежат к переходным видам (утконос, жабы, щенки-метисы), а также к тем животным, образ которых просто непривычен для нас.

б) Рассматривая формы живых организмов, мы обращаем внимание на те общие принципы их строения, благодаря наличию которых мы признаём их прекрасными. К таковым относятся:

– *правильность* – повторение одной и той же формы, являющейся господствующей для данного вида; например, правильная форма моркови, лимона, ели;

– *симметрия*, которая представляет собой ту же самую правильность, но проявляющуюся через упорядоченное единство различных элементов,

– *закономерность*, которая выступает как необходимая связь отдельных членов и органов тела; например, внешние органы чувств у животных располагаются, как правило, близко к мозгу, большой палец на руке человека противоположен остальным;

– *гармония* – согласующееся единство всех частей и элементов, где господствующей является уже сама целостность; например, гармоничное сочетание частей тела, звуков голоса, окраски оперения и т.п.

в) Мы также оцениваем воспринимаемые нами явления природы по их соответствию нашему внутреннему душевному состоянию. Нас завораживает тишина лунной ночи, величие волнующегося моря, осенний листопад и т.п. Мы находим прекрасными тех животных, которые проявляют созвучные нам качества: смелость, преданность, ласку, добродушие. Но дело здесь опять-таки не в животных, а в нашем человеческом отношении к их поведению.

Подобная практика нахождения в предметах природы *человеческих* качеств привела к появлению символических приёмов в искусстве, когда какой-либо природный образ становится по воле художника выразителем человеческого духа:

- Ветер, ветер! Ты могуч, ты гоняешь стаи туч,...
- Не видал ли где на свете ты царевны молодой? Я жених её.
- Постой, – отвечает ветер буйный,
- Там за речкой тихоструйной есть высокая гора...

А.С. Пушкин

Приведённые аспекты прекрасного раскрывают возможности нашей художественной свободы по отношению к предметам природы. Повторим ещё раз: сами по себе предметы природы не прекрасны и не безобразны. Они таковы, каковы они есть. Это мы, люди, имея возможность сравнивать их реальность с понятием, находим их прекрасными или безобразными.

2. Прекрасное в прикладном искусстве. Человек не только пассивно созерцает природу, но и активно взаимодействует с ней. Он создаёт из её материалов и явлений свой собственный мир необходимых ему для жизни предметов (продуктов, изделий, услуг, условий и т.д.). Поскольку содержание данных предметов задано теми потребностями, для удовлетворения которых они предназначены, постольку творческая свобода художника при их производстве имеет ограниченный характер. Она распространяется на их внешнюю форму, но не распространяется на их содержание.

Как было сказано выше, мы, люди, с благодарностью воспринимаем те явления природы, которые соответствуют нашим душевным состояниям. Но мы точно так же с благодарностью воспринимаем и те рукотворные изделия (продукты, услуги, условия), которые не только по содержанию, но и по форме соответствуют нашим ожиданиям. Наличие таких ожиданий

создаёт определённый простор для проявления художественной свободы. Например, пекарь может придать своим изделиям различные вкусовые качества, а также удобную и приятную форму. Обувщик имеет возможность делать обувь разного назначения и при этом также придавать ей удобную и красивую форму. Автор научной статьи может постараться изложить её содержание лаконичным и доступным для читателя языком.

В прошлые времена данная сфера художественного творчества называлась прикладным, или оформительским, искусством. В XX столетии благодаря развитию массового производства и конкуренции она получила ещё одно название – *дизайнерское искусство*. Надо отметить, что это название очень удачно вписалось в искусствоведческий и эстетический лексикон, поскольку заменило собой не вполне подходящее для характеристики данной сферы определение художественное. Дизайн означает ограниченную (урезанную) свободу творчества, тогда как *художественное* предполагает полную.

На данной ступени ограниченной свободы создаются **эстетически прекрасные** творения. *Эстетические* потому, что мы (люди) потенциально связаны с ними отношением необходимости (зависимости). *Прекрасные* же потому, что их форма в определённой степени несёт на себе печать свободного творчества. К данной сфере относятся: одежда и обувь, модельная причёска и макияж, творчество кондитера и садовника, оформление жилья и потребительских товаров, эстетика отношений и оказания услуг. Этот ряд примеров можно продолжать до бесконечности. В большинстве случаев, когда речь заходит об эстетическом содержании нашей жизни, имеют в виду именно сферу эстетически прекрасных творений прикладного искусства: изделия, услуги, условия, отношения и т.д. В более широком смысле эту сферу называют также **миром культуры**, отличая его от **мира искусства** как такового. Отсюда появилось широко используемое выражение: *культура и искусство*.

3. Прекрасное в изящном искусстве. Сфера прикладного искусства не может дать художнику полного удовлетворения. По этой причине он стремится выйти за её пределы и проявлять себя в неограниченной свободе. Он хочет не только оформлять кем-то заданное содержание, но и сам порождать его, создавать свои произведения исключительно ради свободного выражения через них полагаемых им самим духовных смыслов. Из такого стремления нашего мышления к проявлению своей полной творче-

ской свободы рождается сфера **художественно прекрасных произведений** изящного искусства. Данная сфера «имеет своей целью чувственно воплотить для созерцания исключительно духовное содержание» (Гегель, 1977, С. 147).

На ступени полной свободы художник сам придумывает содержание своих произведений и сам же придаёт им ту чувственную форму, которая должна выражать его. И здесь уже не суть важно, какое именно это будет содержание. Главное, что оно создаётся художником совершенно свободно. С этой точки зрения любое произведение изящного искусства, будь то изображение натюрморта или какой-либо абстрактной фигуры, стоит выше всех творений природы и прикладного искусства.

Именно сфера художественно-прекрасных произведений является подлинным предметом науки эстетики. Две предыдущие сферы – прекрасное в природе и прекрасное в прикладном искусстве – могут быть поняты лишь в контексте её познания.

Полная свобода позволяет художнику создавать не только прекрасные, но и безобразные (дурные) произведения. И здесь возникает вопрос: как отличить первое от второго? Какие творения художника являются истинно прекрасными, а какие – безобразными? Ответ на него отсылает нас к понятию *идеала*.

Идеал художественного образа

Формально все произведения изящного искусства уже только в силу того, что они были созданы свободно, считаются прекрасными. Но что является прекрасным в самой сфере прекрасного? Ведь далеко не всё из того, что творят художники, представляется нам, зрителям, прекрасным по существу. Вот эта определённая прекрасного по отношению к самой сфере художественно прекрасных произведений называется *идеалом*.

Для создания рядового произведения искусства достаточно придумать какое-то духовное содержание и выразить его через чувственно воспринимаемую форму. Для создания идеального произведения искусства художнику необходимо сначала определиться с тем, какого содержания ждёт от него зритель и посредством какой формы оно может быть доведено до него.

На первый взгляд данное требование противоречит определению художественного творчества, которое предполагает полную свободу. Но это противоречие возникает лишь в том случае, если свободу понимать

только с одной – субъективной – стороны. С этой позиции она обнаруживает себя ещё не как собственно свобода, а лишь как произвол (вольница), который действует по принципу: «что хочу, то и ворочу». Истинная же свобода появляется у художника тогда, когда его творчество определяется с двух сторон: а) его собственными соображениями и б) реальными потребностями того общества, в котором он живёт и для которого создаёт свои произведения.

1. Содержание образа. В основе идеального художественного образа лежит понятие. Это значит, что он должен нести в себе единство всеобщего, особенного и единичного содержания. Но здесь возникает вопрос: что в человеческом обществе является всеобщим? Таковым выступает дух рода человеческого, который подразделяется в самом себе на обособленные души отдельных народов. Последние, в свою очередь, состоят из индивидуальных духов конкретных людей, которые являются его временными носителями. Люди приходят в эту жизнь и уходят, а дух народа остаётся и продолжает своё развитие.

Соответственно, чтобы создаваемые художником произведения воспринимались зрителем, они должны отражать духовное состояние всего общества, переживаемую им эпоху. «Чтобы произведения художника заинтересовали его современников, их содержание должно быть взято им из жизненного содержания того времени» (Гегель, 2007, С. 229). Только при наличии такого содержания произведения искусства будут затрагивать людей, заставляя их волноваться и переживать.

Здесь возникает новый вопрос: как это всеобщее содержание может быть выражено через единичные образы? Решается эта задача вполне рациональным способом. (Вспомним ещё раз А. Баумгартена, который полагал, что чувственная способность познания *аналогична* деятельности нашего разума.) Из логики мы знаем, что *всеобщее* связано с *единичным* через момент особенности. Особенное – это то, что присуще как всеобщему, так и единичному. Соответственно, чтобы суметь выразить всеобщее содержание через единичные образы, необходимо использовать связующий их момент особенности.

С этой целью художник находит какую-то особенную сферу жизнедеятельности общества и делает её предметом своего изображения. Раскрывает он этот предмет посредством единичных образов своих героев. Такова технология искусства: оно выражает всеобщее содержание нашей жизни через мысли и поступки отдельных людей. К этому же сводится и

суть требования, согласно которому художник должен пропускать через себя жизнь общества и отражать её в своих произведениях. Например, для изображения господствовавшей в обществе в эпоху Возрождения идеи гуманизма художники использовали тему земной материнской любви, которую раскрывали через образы своих «мадонн».

В силу того, что искусство выражает всеобщее через единичные образы, в произведениях художников часто встречаются такие сцены, которые на первый взгляд не представляют какого-либо интереса. Но если принять во внимание ту историческую эпоху, к которой принадлежат эти произведения, то мы поймем, почему эти сцены привлекли внимание художника. С этой точки зрения даже изображение стада коров, спокойно пасущихся на лугах, может многое сказать о положении дел в обществе. И наоборот, если не знать, например, к какой эпохе относятся изображения рафаэлевских мадонн, они будут восприниматься просто как портреты кормящих женщин.

Те художники, которые вместо такого всеобщего содержания предлагают зрителю какие-то свои единичные и случайные смыслы, как правило, жалуются на то, что публика не понимает их. Сюда же относятся и приверженцы так называемой теории *чистого искусства*, или *искусства ради искусства*, которые вообще отвергают необходимость служения интересам общества. Но с другой стороны, в силу того что творчество художника имеет свободный характер, его произведения могут опережать своё время. В процессе работы над ними художник глубоко погружается в их интенсивную суть и потому нередко оказывается пророком.

Поскольку создаваемые художником единичные образы становятся носителями какого-то особенного и потому избыточного для них содержания, они отрываются от своих реальных прототипов и делаются возвышенными. «**Возвышенное** – это то, что не может содержаться ни в одной чувственно данной форме» (Кант, 1994, С. 115) – так определял это понятие И. Кант. Но возвышение образов не следует рассматривать как недостаток мастерства художника. Наоборот, оно является необходимым требованием художественного идеала. Если бы изображение героя не было возвышенным, оно не представляло бы интереса. Когда говорят, что тот или иной образ является *собрательным* или *обобщённым*, это значит, что он уже несёт в себе какое-то возвышающее его содержание.

В учебных пособиях по эстетике *возвышенному*, как правило, противопоставляется *низменное*, которое трактуют как крайнюю степень прояв-

ления безобразного. Но если исходить из понятия идеала, то такое противопоставление следует признать ошибочным. Идеал неизменным быть не может. Его назначение – возвышать образ, а не опускать его. Другое дело, что степень возвышения может быть различной: от низкой, приближённой к реальности, до высокой, отрывающейся от неё. Поэтому парным определением (антонимом) для *возвышенного* является приземлённое.

Изменное должно рассматриваться не в эстетике, а в этике. Когда предметом художественного изображения делается исключительно безобразное (дурное) содержание, определяемое выражением «низменные идеалы», такой материал должен быть признан не только художественно, но и эстетически непригодным. Те произведения, в которых показывается только грязь, горе, страдание, не будут привлекать внимания зрителя, за исключением, конечно, патологических случаев.

2. Форма образа. Чтобы выразить избранное содержание, художник подбирает в окружающем мире соответствующую форму, которая, по его мнению, лучше всего подходит для создания необходимого ему образа. Так, например, каждая мать питает безотчётное чувство любви к своему ребёнку. Однако образ далеко не каждой женщины мог бы стать прототипом для рафаэлевских мадонн. Поэтому художник ищет среди массы женских лиц то, которое, согласно его представлению, лучше других подходит для выражения материнской любви.

Но и с этим образом художник продолжает работать. Он освобождает его от несущественных и случайных черт и добавляет ему те черты, которые способствуют раскрытию вкладываемого в него содержания. Например, такие черты героя, как ежедневная чистка зубов или смена сорочек, мало что говорят о жизни его духа, поэтому выпячивание таких подробностей будет только мешать восприятию его образа и утомлять зрителя.

В процессе работы художник располагает определённым набором выразительных средств – черт, линий, оттенков, посредством которых он пишет образ своего героя. Что именно из этого набора он вложит в него, зависит от его выбора. Наличие фактора выбора создаёт основу для проявления так называемого *художественного вкуса*. Одному человеку могут нравиться одни детали и черты героя, другому – другие.

Художественный вкус отчасти имеет врождённый характер. Отсюда идут такие выражения: «На вкус и цвет товарищей нет», «Кому – попадя, кому – попова дочка». Отчасти же он формируется особенностями той культурной среды, в которой вырастает человек. Наличие таких культур-

ных корней позволяет нам говорить о художественном вкусе не только по отношению к отдельным личностям, но и по отношению к целым группам людей – социальным, возрастным, профессиональным, а также их общностям – нациям, народам.

Поскольку художественный вкус распространяется, как правило, лишь на внешние черты героев, постольку он боится каких-либо более глубоких воздействий и умолкает там, где начинает говорить духовная суть произведения искусства. Когда перед зрителем раскрываются великие страсти и борения духа, вся эта мелочная возня с деталями формы, с тонкостями вкуса уходит на задний план. Более широкие возможности для своего проявления художественный вкус находит в сфере эстетически прекрасных творений прикладного искусства. Но здесь ему приходится снижать свой статус и выступать уже в качестве *эстетического вкуса*.

В итоге художник доводит форму и содержание своего произведения до их полного слияния друг с другом. В содержании не остаётся ничего, что не проявлялось бы через форму, а в форме не остаётся ничего, что не подчинялось бы содержанию. «В этом сведении внешнего существования к духовному, когда внешнее явление в качестве соразмерного духу становится его раскрытием, состоит природа идеала в искусстве» (Гегель, 2007, С. 218).

3. Образ как таковой. Готовое художественное произведение выступает в качестве посредника, связующего между собой духовные миры художника и зрителей. Если оно вызывает у зрителей чувство прекрасного, то это значит, что заложенное в нём миропонимание художника соответствует их собственному. Такое совпадение, в свою очередь, означает, что данное произведение искусства несёт в себе истину, а стало быть, оно само является истинным. Но устанавливается эта истинность не посредством мышления, а посредством чувства прекрасного.

Однако истина, в свою очередь, также способна быть прекрасной. Хотя научные законы (теории) устанавливаются мышлением, они тем не менее имеют внешнюю форму своего выражения. Таковыми для них (законов) являются их формулировка и доказательство. Через знакомство с формулировкой и доказательством закона мы постигаем его рациональную суть. Если при этом у нас возникает чувство прекрасного, значит, данный закон является истинным. Отсюда вывод: что прекрасно, то истинно, а что истинно, то прекрасно. Но такое тождество достигается лишь в том случае, когда в основе того и другого лежит понятие.

Попадая в сферу представления человека, образ созерцаемого предмета – не важно, художественное произведение или научная теория – подвергается анализу как со стороны мышления, так и со стороны души. Мышление стремится понять этот образ и определить его место в своей рациональной картине мира. Душа нацелена на то, чтобы прочувствовать его и найти ему место в своей собственной чувственной картине мира. При этом душа и мышление взаимно дополняют друг друга. Мысль опирается на чувство, а чувство подтверждается мыслью. Именно поэтому люди доверяют не только своему мышлению, но и своей способности чувственного постижения смыслов предметов и широко пользуются ею.

Создавая художественные идеалы и выражая их в своих произведениях, искусство тем самым помогает людям жить. Происходит это, во-первых, потому, оно знает идеалы людей и кладёт их в основу своего творчества. Во-вторых, потому, что оно придаёт этим идеалам общедоступную внешне воспринимаемую форму. В-третьих, потому, что за счёт этой формы искусство даёт людям возможность реализовать свою самую древнюю, доставшуюся им от прошлой животной жизни, способность чувственного постижения смыслов окружающих их предметов. Эта способность уже давно переросла рамки своего «натурального хозяйства» и нуждается в профессиональной деятельности художников и их высокохудожественных творениях.

Заключение

Таково содержание *первой части* науки эстетики, в которой должна рассматриваться способность чувственного познания смыслов предметов. Здесь недостаёт двух её заключительных разделов:

– «Конкретизация идеала» – вечные ценности, историческая эпоха, состояние, коллизия, действие, пафос, характер,

– «Понятие художника» – воображение, гений, талант, вдохновение, способ самовыражения, манера, стиль, оригинальность.

Во *второй части* науки эстетики должны рассматриваться *исторические формы искусства: символическая, классическая, романтическая.*

В *третьей части* – *особенные виды искусства: архитектура, скульптура, живопись, музыка, поэзия, театр.*

В заключение мы дадим краткую характеристику вышеназванных исторических форм искусства. Само различие этих форм обусловлено наличием трёх вариантов соотношения содержания и формы художествен-

ного произведения. Сначала форма господствует над содержанием и подчиняет его себе. Это обусловило существование *символической* формы искусства. Затем форма и содержание приходят к своему гармоничному единству, что обусловило возникновение *классической* формы искусства. Наконец, содержание стало превосходить выразительные возможности формы, что привело к появлению *романтической* формы искусства.

Первая – ***символическая*** – форма искусства охватывает период древних цивилизаций Китая, Индии, Персии, Междуречья, Египта. Духовный потенциал человека той эпохи был ещё беден и неразвит. Знаний было немного, и они носили преимущественно созерцательный характер. Для выражения этих знаний древним людям хватало тех натуральных форм, которые они находили в природе. Образ земли, неба, гор, рек, долин, водопадов и т.д. они насыщали тем небогатым духовным содержанием, которое находили в самих себе.

Вторая – ***классическая*** – форма искусства получила своё развитие в эпоху древней Греции и Рима. В этот период природная форма и духовное содержание произведений искусства пришли к своему гармоничному единству. Произошло это потому, что древние греки сделали своим идеалом тот единственный предмет в мире, духовное содержание и телесная форма которого соединены естественным образом. Таковым является сам человек, причём – свободный человек. Если в символическом искусстве духовное содержание как бы насильно вкладывается в природные формы, то в классическом искусстве этого уже не требуется. С художественной точки зрения ничего прекраснее человека нет и быть не может.

Третья – ***романтическая*** – форма искусства начинается с распространения христианской религии и доходит до наших дней. В эту эпоху содержание духовного мира людей обогатилось настолько, что оно уже перестало вмещаться в какие-либо природные формы, поэтому на первый план вышли те виды искусства, у которых внешний материальный элемент не имеет самодовлеющего характера. Таковыми стали живопись, музыка, поэзия, театр, которые способны выражать богатейшие проявления нашей духовной жизни. В силу того, что христианство распространялось через римскую империю, данная форма искусства получила название *романтической* (Roma – Рим).

Литература

1. Баумгартен А. Фрагменты по эстетике. // История эстетики. В 5 т. Т. 2. – М.: Искусство, 1964. – С. 449-465.
2. Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. – М. Искусство, 1979. – 237 С.
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике. В 2 т. Т. 1. – СПб.: Наука, 2007. – 623 С. ; Т. 2. – СПб.: Наука, 2007. – 604 С.
4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1977. – 472 С.
5. Кант И. Критика способности суждения. – М.: Искусство, 1994. – 367 С.

ОБРАЗ ДРУГОГО В ИСКУССТВЕ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье кратко анализируется роль образа Другого в современном искусстве (в частности в его визуально-динамических формах) с точки зрения участия в процессе формирования национально-культурной идентичности.

Ключевые слова: Другой, Чужой, национально-культурная идентичность, искусство.

Одной из глобальных проблем современности является вопрос формирования, утверждения и сохранения идентичности. В условиях быстро меняющейся реальности происходит умножение идентичностей, а также смещение приоритетов в данной сфере. Индивид все чаще ассоциирует себя с социальной ролью либо профессией, чем с конфессиональной или национальной общностью. В этой ситуации проблема изучения национально-культурной идентичности начинает требовать особого внимания.

Исследованием идентичности в целом и отдельных ее форм занимаются многие науки: социология, этнология, психология, культурология. Каждая из них выработала свои разноплановые взгляды и концепции. Большинство теорий идентичности, напрямую связанных с науками о культуре, рассматривают процесс идентификации личности в сопоставлении с присутствующим Другим. В его качестве может выступать как индивид, так и группа. Роль и ценность Другого в процессе самоидентификации состоит в наиболее явном проявлении тождества или различия в сравнении с объектом идентификации: «Я – подобен» или «Я – отличен». Идентичность рассматривается как результат определения субъекта. Прежде всего, имеется ввиду его приверженность некой системе ценностей, его социальная функция и сущность, и вместе с тем – самоощущение, полноценность которого немыслима без осознания субъектом существования Другого. Как результат, самоидентификация – признание субъектом своей тождественности с Другим (или своего отличия) по совокупности признаков, иначе – «обретение человеком своего места в обществе, представление индивида о самом себе» (Левин, 2007, С. 39).

Категория «другости» получила широкое распространение как в отечественной, так и в зарубежной исследовательской литературе. Для пол-

нокровного функционирования и развития культуры народа нужны как внутренние контакты, так и внешние, обусловленные необходимостью творческого взаимодействия с миром иных культур. «Драма любой культуры», как отмечает А. Панарин, заключается в резком ослаблении статуса Другого в мире – того, кто выступает источником альтернативного знания. В истории цивилизаций расцвет многих культур связан именно с их умением учиться, с интересом к заимствованиям и с творческим переосмыслением достижений Других при условии сохранения своей автономности (Гезалов, 2014, С. 41). Е.Н. Шапинская рассматривает проблему Другого с точки зрения бинарной оппозиции «свой» – «чужой», однако отмечает, что Другой в отличие от Чужого внушает меньше неприязни и противоречий. Автор изучает различные стороны феномена «другости» (психологические, социальные, этнические) и приходит к выводу о диалогической, коммуникативной сути идентификации через взаимодействие с Другим (Шапинская, 2012; С. 18).

Не отрицает данную концепцию и известный политолог и социолог С. Хантингтон. Он отмечает, что идентичность на любом уровне – личности, племени, расы, цивилизации – можно определить только через отношение к Другим: другому человеку, племени, расе, цивилизации. Взаимоотношения между странами или иными общностями людей одной и той же цивилизации отличаются от взаимоотношений между странами или общностями из разных цивилизаций (Хантингтон, 2003, С. 190-191). Это утверждение верно и для менее масштабных видов общностей.

Однако именно национально-культурная идентичность с присущими ей взлетами и падениями активности наиболее явно связана с взаимоотношениями «своих» и «чужих». С. Хантингтоном данный вопрос подробно рассмотрен на примере американского сообщества (Хантингтон, 2008). Автор отмечает, что наивысшие подъемы патриотизма, национального единения и национальной идентичности происходят только при взаимодействии с культурой или деятельностью Другого. Чаще всего это происходит при появлении в лице Другого врага, общего для всей нации. Идею необходимости наличия (или даже искусственного создания) такого врага постулирует и У.Эко (Эко, 2014). Однако и мирные, но интенсивные контакты могут побудить к объединению. Как отмечает Е.Н. Шапинская, «проблемы «различия», маргинальных культур и меньшинств концептуализируются в современной науке в терминах фикциональности, фрагментации, коллажа и эклектизма, проникнутых ощущением неустойчивости и

хаоса» (Шапинская, 2006, 84). Человек, сталкиваясь с тем или иным кардинальным отличием, особенно если оно касается преобладающего большинства индивидов, начинает ощущать собственную отстраненность, ущемленность, а как результат, отсутствие уверенности в будущем своей культуры и своего сообщества. Рождаются отмеченный А. Тойнби вызов, который влечет за собой ту или иную реакцию. Однако процессы глобализации наложили свой отпечаток на выбор реакции индивида или группы в ситуации столкновения с Другим. И хотя этот вопрос требует отдельного углубленного изучения, необходимо отметить, что реакции эти могут варьироваться от мирного сосуществования до попытки замены «своих» ценностей «другими» или агрессивного противодействия.

Отдельного рассмотрения заслуживает феномен «другости» (именно с точки зрения включения соответствующих образов) в искусстве. Как одна из форм культурной реальности, искусство оказывает огромное влияние на формирование суждений и мировоззрений масс. Следовательно, не остается без внимания и необходимость создания устойчивых идентичностей (в том числе национально-культурных), что особенно актуально в переломные эпохи, или периоды, отличающиеся непостоянством и повышенным многообразием ориентиров. В такие периоды во власти искусства оказывается создание направляющих (или отталкивающих) образов, позволяющих переместить мысль зрителя (слушателя, читателя) в нужное русло. Другой в данной ситуации является едва ли не самым наглядным примером, противопоставляемым не только главному герою произведения, но и самому воспринимающему лицу.

Образ Другого, как правило, отличается рядом характеристик, рознящих его с «основным» воспринимающим субъектом. Так, мы распознаем в объекте нашего внимания Другого, если его манера поведения, внешность, речь или взгляды на окружающий мир отличаются от наших. По аналогичным принципам происходит и создание образа Другого в искусстве. Такие образы чаще всего противопоставляются главным героям, которые должны восприниматься зрителем как «свои» (с целью вызова более активного сопереживания происходящему) и могут оказаться несколько гипертрофированы: мировоззрение кардинально отличается от взглядов основного персонажа, форма одежды совершенно не похожа (будь то отражение разницы в культурах или в сословиях и социальных ролях), само поведение персонажа вызывает у зрителя (читателя, слушателя) недоумение. Из числа соответствующих данным характеристикам жанров однозначно следует исключить антиутопии и социальные драмы,

где зачастую именно главный герой представляет собой Другого по отношению к большинству и именно на него направляются основное внимание и переживания зрителя. Однако для большинства других популярных жанров искусства (особенно его визуальных и динамичных видов, в частности кинематографа) сказанное в большинстве случаев верно. Таким образом, Другой дает необходимый противовес, «зеркало», в котором действия и поступки «своего» главного героя отражаются не только наиболее ярко, но зачастую и в гораздо более благоприятном свете. Подобное стремление акцентировать внимание на положительных «своего» может привести к трансформации образа Другого в Чужого, а, следовательно, приводит к созданию образа Врага.

Так, У. Эко, анализируя произведения искусства и литературные описания различных эпох с точки зрения наличия враждебного Чужого, утверждает, что такой персонаж, как правило, представляется уродливым, зловонным, безнравственным, «монструозным» существом (Эко, 2014, С. 15-20). Стоит вспомнить и взгляд С. Хантингтона на образ Врага, как необходимый фактор консолидации и создания ощущения собственной целостности, причем враг этот всегда Другой (другое государство, нация, конфессия и т.д.). Обращаясь к произведениям искусства мы находим массу подтверждений обеим концепциям. Особенно четко указанные черты просматриваются в творениях массового кинематографа и популярной литературы: от мелодрам (борьба разных слоев общества друг с другом ради соединения влюбленных, противостояние «третьему» или враждебным обстоятельствам) до приключенческих боевиков и фантастических триллеров (где в сюжет могут вводиться противоборства целых держав и цивилизаций) мы можем видеть необходимость наличия Другого, причем враждебно настроенного (т.е. по сути, Чужого), способствующего «накалу страстей». Кроме того, подобный Чужой-враг чаще всего непривлекателен внешне, а если и красив, то этим лишь подчеркивается его хитрость и коварство, в то время как его «внутреннее уродство» проявляется вполне явно.

В последние десятилетия наметился отход от четкого разделения на положительное и отрицательное как черты Своего и Чужого соответственно. Характеры персонажей даже в самых массовых кинолентах крайне редко лишены полутонов. Все чаще отрицательный персонаж имеет хотя бы частично оправдывающие его поведение обстоятельства, а положительный герой не лишен недостатков. Искусство стремится приблизиться к современной реальности, где нет места как абсолютному благородству, так и полной беспринципности. Поскольку явная враждебность отходит на

второй план, появляется возможность говорить и о процессе перехода Чужого в Другого, т.е. о процессе смягчения восприятия «другости», противоположном выше указанному утверждению «чуждости». Однако роль Другого (или Чужого, как его модификации) по-прежнему остается существенной при формировании противопоставления Себя Другим и Своего Чужому в сознании зрителя (читателя, или реже – слушателя).

Образ Другого позволяет с наибольшей четкостью увидеть черты Своего, а искусство служит выведению на первый план именно положительных черт. Примеряя на себя образ (чаще всего) главного героя индивид формирует в сознании модель правильного поведения, видя при этом на примере Другого отрицательные стороны попыток перехода в иную реальность (культурную, ценностную, религиозную и т.д.). Главный герой (условный Свой) в произведении задает направление мыслям и эмоциям воспринимающего субъекта, но Другой удерживает и корректирует эту траекторию движения, предотвращая отклонения. Именно это позволяет облегчить соотнесение индивидом себя с той или иной культурой, нацией или иной общностью, т.е. по сути, способствует формированию идентичности. При этом следует отметить, что именно национально-культурная идентичность чаще других оказывается в поле интересов создателей произведений, поскольку с одной стороны, постоянно находится под угрозой распада в результате влияния социальных, политических, культурных факторов (в отличие от профессиональной или даже религиозной идентичности, которая гораздо устойчивее), с другой стороны, отмечает принадлежность к масштабной общности, а соответственно велик радиус воздействия и степень актуальности для широких масс зрителя.

Из выше приведенного краткого обзора можно сделать вывод, что концепция Другого является одной из важнейших при рассмотрении проблем идентичности в современной культуре. Через образ Другого познается не только окружающая культурная среда, но и собственная, ближайшая культурная реальность. Именно Другой дает возможность познать, раскрыть, проанализировать «свое», позволяя не только отличить его от «чужого», но и обогатить за счет опыта последнего. Что касается искусства, четкий образ Другого, а тем более Чужого содержится далеко не во всех произведениях, но там, где он присутствует, преследует (помимо сугубо эстетических и сюжетообразующих) вполне определенную цель – противопоставление культурных миров, а также формирование в сознании зрителя (читателя и т.д.) чувства отрешения от чужой культуры (а иногда и

отвращения к ней) и возведение в приоритет своей. Следовательно, формируется представление о «правильной» культуре, побуждающие индивида соотносить себя именно с ней.

Таким образом, искусство посредством включения в сюжеты Другого способно оказывать воздействие на формирование мировоззрений личности, и не в последнюю очередь на процесс становления ее национально-культурной идентичности. И хотя проблеме Другого в различных аспектах посвящено немало работ, данный феномен подвергнут постоянным изменениям в восприятии ввиду непостоянства культурных ситуаций, что по-прежнему оставляет данную тему актуальным полем исследования.

Литература

1. Гезалов А.А. Проблемы национальной идентичности в эпоху глобализации / А.А. Гезалов // Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации. Сборник научных статей. – М.: Проспект, 2014. – С. 38-42.
2. Левин З.И. Восток: идентичность и глобализация / З.И. Левин. – М.: Институт востоковедения РАН, 2007. – 166 С.
3. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2008. – 635 С.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 С.
5. Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры / Е.Н. Шапинская. – М., 2012. – 212 С.
6. Шапинская Е.Н. Проблема Другого в современной культуре и культурологии / Е.Н. Шапинская // Ориентиры. Вып. 3. – М.: ИФРАН, 2006. – С. 79-98.
7. Эко У. Сотвори себе врага / У. Эко // Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю. – М.: АСТ, Corpus, 2014. – С. 11-38.

РЕКОНСТРУКЦИЯ СТРОЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ МОДЕЛИРОВАНИЯ

В данной статье рассмотрена проблема моделирования реконструкции строения значения с точки зрения современной семантики. Проведен анализ существующих теорий, позволивший определить понятие «модель». Выделены существенные характеристики лингвистических и языковых моделей, принципы их построения, структурные и категориальные свойства. В качестве основного понятия теории моделей используется аналогия, выступающая в форме изоморфизма и гомоморфизма.

Ключевые слова: лексическое значение; моделирование; лингвистическая модель; языковая модель; аналогия.

Исследование плана содержания языка представляет собой крайне сложную задачу из-за своеобразия самого объекта, который не доступен непосредственному наблюдению и затрагивает малоизученные сферы психической деятельности носителя языка. Соотношение между значением языковой единицы и обозначаемым ею фрагментом действительности уже давно привлекает внимание лингвистов, но вопрос этот вряд ли можно считать до конца решенным. Несомненно, большая часть значимых единиц языка соотносится с окружающим миром, однако вопрос о том, какая информация о нем формирует значение знака, является до сих пор дискуссионным, да и сами термины, которые обозначают компоненты этой информации, тоже существенно варьируются. В связи с этим представляется интересным рассмотреть проблему моделирования с точки зрения современной семантики, систематизировать основные терминологические и структурные характеристики моделей и определить место метода моделирования в описании структуры лексического значения.

Результаты применения разнообразных способов описания семантики лексических единиц свидетельствуют о том, что она не может быть описана имеющимися способами во всей ее полноте и многообразии, так как искусственный метаязык, призванный служить для решения столь глобальной задачи, должен был бы превосходить язык-объект (естествен-

ный язык) по богатству арсенала своих средств. Поэтому исследователи ставят перед собой более частную задачу: описать семантику лексических единиц в ее "абстрактном контуре", отразив лишь основные системные отношения между семами, составляющими лексическое значение. Такое описание представляет собой более или менее тонкий срез значения, своими характеристиками соответствующий определению модели.

Во всех научных областях, где объект науки недоступен непосредственному наблюдению, возникает необходимость в моделировании. В таких случаях, как правило, объект уподобляется некоему «черному ящику», о котором известно, какие начальные материалы он получает «на входе» и какие конечные продукты он выдает «на выходе». Методика «черного ящика» появилась как один из исследовательских приемов кибернетики, но благодаря своей универсальности получила применение во всех исследованиях, связанных с невозможностью непосредственного наблюдения некоторых процессов. Задача исследователя состоит в том, чтобы узнать содержимое «черного ящика», тот скрытый механизм, который осуществляет переработку исходных материалов в конечные продукты. Поскольку невозможно разобрать «черный ящик», не нарушая одновременного функционирования, остается единственный путь к познанию объекта: на основе сопоставления исходных и конечных данных построить исходный образ объекта, а именно выдвинуть гипотезу о его возможном устройстве, и реализовать ее в виде логической машины, которая способна перерабатывать некоторый материал точно так же, как это делает сам «черный ящик». Если логическое устройство действительно функционирует аналогичным образом, то оно является моделью объекта, и можно считать, что заложенный в него механизм во всех существенных деталях совпадает с механизмом, содержащимся в «черном ящике». Таким образом, смысл моделирования заключается в том, чтобы вместо скрытых от исследователя свойств объекта изучить те свойства модели, которые заданы в явном виде, и распространить на объект те законы, которые выведены для модели.

Сегодня метод моделирования в лингвистике обладает мощной эвристической, гносеологической и онтологической силой: «...современная наука обладает мощным орудием познания сложных явлений действительности – методом моделирования» (Ревзин, 1962, С. 8), так как моделирование выступает как метод представления и изучения объекта, явления или процесса и одновременно как метод верификации.

Термин «модель» употребляется в лингвистике довольно часто, однако при этом в него вкладывается разное содержание. В лингвистике наиболее общепринято следующее его толкование: «абстрактное понятие эталона или образца какой-либо системы (грамматической, лексической, фонологической и т.п.), представление самых общих характеристик какого-либо языкового явления; общая схема описания системы языка или какой-либо его подсистемы» (Ярцева, 1988), «схема или образец какой-либо единицы, показывающая последовательное расположение составляющих ее частей» (Розенталь, Теленкова, 1976, С. 182). При описании наивной картины мира лингвисты понимают под «моделью» фрагмент языковой картины мира, отраженной с помощью языковых средств (Апресян, 1997), способ представления категории в языке (Индрик, 1997). В некоторых источниках «модель» понимается как «интерпретация фрагмента действительности, содержащаяся в семантике слов» (Яковлева, 1995, С. 13), не результат, а средство познания, «когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» (Кубрякова, 1997, С. 53). В. А. Штофф понимал под «моделью» «такую мысленно представимую или материально реализованную систему, которая, воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что её изучение дает новую информацию об этом объекте» (Штофф, 1996, С. 19). И. Б. Новик определил моделирование как метод «опосредованного ... оперирования объектом, при котором используется некоторый вспомогательный квазиобъект (модель)... в некотором объективном соответствии с познаваемым объектом» (Новик, 1963, С. 64). Ю. В. Орфеев и В. С. Тюхтин в качестве главной характеристики модели называют «сходство или аналогию между системой, которая принята в качестве модели, и её оригиналом» (Орфеев, 1978, С. 33). А. Ф. Лосев определил модель как «структуру, перенесенную с одного субстрата на другой и воплощенную в нем реально-жизненно и технически точно» (Лосев, 2004, С. 28). Я. Г. Неуймина предлагает следующую структуру обобщенной научной модели: «четырёхместная» конструкция, компонентами которой являются субъект, задача, решаемая субъектом, объект-оригинал и язык описания или способ материального воспроизведения модели, а главным системообразующим фактором при интеграции свойств в единый интегральный образ как систему он называет решаемую субъектом задачу (Неуймин, 1984, С. 45). Из данного основополагающего определения структурной модели

вытекают следующие ее свойства:

– модель обязательно предполагает наличие активного субъекта-творца, который воспроизводит в своём творении черты существующей или гипотетической реальности;

– каждому объекту-оригиналу может соответствовать множество моделей, которые связаны с определёнными задачами (при этом реализация задачи также предполагает вариативность), потому модель соответствует оригиналу лишь приблизительно;

– в итоге интерпретаций исследователь делает вывод о том, что «исторически сложившиеся научные понятия, непосредственно или опосредованно связанные с объективной реальностью, – законы, теории, научные картины мира – суть модельные конструкты. Все наши научные представления о мире природы, общества и техники, наши знания о самих себе, о мышлении и его закономерностях носят модельный характер» (Неуймин, 1984, С. 49).

Сущностными свойствами моделей при этом являются следующие:

1. Субъективность: именно исследователь проводит отбор свойств, в которых модель соответствует оригиналу.

2. Компактность: модели воспроизводят объект исследования в упрощённой форме, поэтому модель всегда компактнее оригинала. Для более разностороннего и эффективного описания реальности требуется множество моделей, или комплексные, многоуровневые модели.

3. Трансформируемость: с моделью можно сделать то, что с оригиналом сделать нельзя. Такая возможность преобразований – самая фундаментальная и информативная сторона метода моделирования, поэтому модель применяется для исследования объектов, оперирование с которыми затруднено или невозможно по этическим или организационным причинам.

4. Двойственная природа: в процессе познания модель сама замещает объект, при этом сохраняя некоторые важные для исследователя черты, и сама становится объектом непосредственного исследования. Таким образом, модель это одновременно и объект исследования, и средство познания.

5. Специфическая информативность моделей как средства познания. Модель всегда выступает в абстрактной форме, поэтому в ней выделяются свойства, не представленные в оригинале модели (13, С. 68).

Из приведенных и многих других подобных определений и описаний можно выделить следующие существенные категориальные признаки модели:

- 1) Модель есть заменитель объекта исследования, «квазиобъект», созданный в целях изучения объекта;
- 2) Модель способна давать информацию об объекте;
- 3) Модель, в отличие от копии объекта, воспроизводит объект неполно и односторонне – в каком-либо его аспекте (аспектах);
- 4) Модель находится в отношении аналогии со своим объектом;
- 5) Модель обладает свойством компактности и наглядности, позволяет «схватывать» объект (или его аспект) единым мысленным взором.

Как отметил В. А. Штофф, отличие модели от теории состоит в способе отражения объекта: «В то время как содержание теории выражается в виде совокупности суждений, связанных между собой законами логики и специальными научными законами..., в модели это же содержание представлено в виде некоторых типичных ситуаций, структур, совокупностей идеализированных (т.е. упрощенных) объектов и т.п..., в которых выполняются сформулированные в теории законы, но, так сказать, «в чистом виде». Поэтому модель – всегда некоторое конкретное построение, в той или иной форме или степени наглядное, конечное и доступное для обозрения или практического действия» (Штофф, 1966, С. 15).

По способу построения модели подразделяются на материальные и идеальные. Материальное моделирование основывается на материальной аналогии объекта и его модели. Для построения данного типа моделей необходимо выделить функциональные характеристики (геометрические, физические) исследуемого объекта (например, социально-психологические эксперименты).

Большой класс моделей представляют идеальные модели, основанные на мыслимой аналогии – некоторые теоретические схемы, образы оригинала, не обязательно предназначенные для последующего воплощения в физическом материале. Объективация таких мысленных построений в виде графиков, текстов, рисунков и т.п. не превращает их в материальные, так как эти модели работают и существуют лишь в сознании человека, а письменные тексты, графики и т.п. – это всего лишь эксплицитное знаковое выражение мыслительных процессов.

Идеальное моделирование в свою очередь подразделяется на

знаковое (формализованное) и интуитивное моделирование. Интуитивное моделирование используется тогда, когда процесс познания только начинается или системные взаимосвязи очень сложные. Моделями знакового моделирования являются языковые модели, графики, чертежи, схемы, формулы. Важнейшим видом знакового моделирования при этом является математическое и компьютерное моделирование.

Математическая модель это абстрактная система, состоящая из набора математических объектов (Лебедев, 2007, С. 249). Они в свою очередь бывают двух типов: модели описания (имитационные) и модели объяснения. Для модели описания характерно соответствие между формальной и физической структурой, не обусловленное какой-либо закономерностью и имеющее характер единичного факта. Глубина восполнения модели описания решается всегда эмпирически (Лебедев, 2007, С. 252). Модель описания представляет собой другой вид познавательных моделей, где структура объекта находит себе соответствие в математическом образе в силу внутренней необходимости, и обладает способностью объяснения.

Компьютерные модели основываются на программировании с использованием не уравнений, как в математических моделях, а алгоритмов, т.е. строго сформулированных последовательных инструкций. Эти модели особенно эффективны при изучении ситуаций, связанных с обработкой большого количества информации. Очень часто применяется такая форма компьютерной модели как экспертная система, использующая большое количество установок типа: «если... то» (Минаева, 2007, С. 79).

Как правило, идеальные модели подразделяются на образные, которые построены в основном из чувственно-наглядных элементов и реализуются в виде схем, чертежей, рисунков, и знаковые, в которых связь знаков и их значений носит произвольный характер. Существуют и смешанные модели, называемые образно-знаковыми.

По мнению В. М. Савицкого, такое терминологическое противопоставление образности и знаковости не вполне корректно, т.к. «образы тоже суть знаки. Речь идет об образности не в гносеологическом, а в семиологическом смысле. Чертежи, графики, схемы, как правило, выполняются из элементов визуальных знаковых систем. Правильнее было бы говорить об иконических и неиконических моделях» (Савицкий, 1993, С. 7).

По характеру воспроизводимых сторон оригинала модели подразделяются на структурные (воспроизводящие структуру оригинала в главных чертах), субстанциональные (сходные с оригиналом по субстрату, элементам системы, материалу) и функциональные (сходные с оригиналом по характеру поведения системы в среде).

Одним из важнейших понятий теории моделей является аналогия, определяемая как «сходствоотношений между двумя предметами, то есть ... сходство, которое основывается не на отдельных свойствах или частях этих предметов, а на взаимном отношенииивмежду свойствами или частями» (Г. Геффдинг. Цит. по: (Штофф, 1996. С. 138)). Для метода моделирования аналогия правомерна и важна, так как именно аналогичные отношения устанавливают границы методавмоделирования: поскольку модель как средство познания основана на аналогии (метафорической, когнитивной, графической, системной), то она утрачивает свой смысл в случае тождества модели и прототипа, с одной стороны, а также в случае большого различия между объектом-оригиналом и его моделью, с другой стороны.

Аналогия выступает в форме изоморфизма или гомоморфизма. Изоморфизмвпредставляет собой взаимно-однозначное соответствие между структурными элементами оригинала и модели, гомоморфизм же это менее точное, приблизительное соответствие между ними. Гомоморфизм – более общее и более слабое отношение между моделью и ее прототипом, когда не выполняется одно из трёх условий: соответствие функций; соответствие элементов; взаимооднозначное соответствие свойств и отношений. И, наоборот, отношения между моделью и ее прототипом являются изоморфными, если все эти три условия соблюдаются. Изоморфизм можно рассматривать как предельный, крайний случай гоморфизма (Штофф, 1996. С. 128). Исходя из этого, модель есть изоморфный или гомоморфный образ исследуемого объекта-оригинала.

Понятие аналогии особенно важно в тех случаях, когда оригинал и модель обладают разнойвонтологической природой – например, фрагмент внеязыковой действительности и его языковая модель.

Как отметила Э. Стюарт, модель есть шаг на пути к теории, который способен во многомопределять характер самой теории. Модель может указывать возможные пути развития теории и дополнительные области ее применения (Stewart, 1976. С. 82).

Как можно убедиться на основе всего вышесказанного, термин моделирование в отношении языковых единиц употребляется в трех смыслах: 1) строение и построение языковых единиц по определенным образцам и эталонам; 2) специфическое отображение действительности языковыми единицами; 3) научное описание строения, образования и функционирования языковых единиц в соответствии с изложенными выше методологическими принципами. Первый смысл отражает связь языкового знака и его денотата, второй – типовую связь знака и его значения, третий – связь знака как объекта исследования и метаязыка его описания. Все три смысла взаимосвязаны, но их следует четко разграничивать, чтобы избежать смешения понятий, относящихся к объектному уровню и метауровню.

В английском языке существуют термины *language pattern* и *linguistic model*, позволяющие провести такое разграничение. Аналогичным образом, мы различаем термины языковая модель (естественноязыковой образец, по которому построен ряд языковых образований) и лингвистическая модель (теоретическое построение, описывающее то или иное языковое явление, в том числе и языковую модель). А. Ф. Лосев (Лосев, 2004) отметил, что среди значений слова модель встречаются противоположные друг другу: модель как «слепок», вторичный по отношению к оригиналу (например, модель атома) и модель как оригинал (например, модель в изобразительном искусстве, натурщик), первичный по отношению к «слепкам» с него.

По мнению В. М. Савицкого (Савицкий, 1993), здесь нет противоречия. Дело в том, что аналогия симметрична: при гомоморфном отношении двух множеств каждое из них является моделью другого. Речь идет о разных функциях модели. Будучи создана как реконструкция оригинала, она затем сама может послужить оригиналом или шаблоном для конструирования аналогичных объектов. Лингвистические модели, которые созданы как «слепки» с языковых моделей, могут затем послужить шаблонами, позволяющими в той или иной мере копировать и прогнозировать работу языковых моделей. Те лингвистические модели, которые отражают функционирование и строение языковых моделей, являются, по существу, метамоделями, или моделями моделей (*models of patterns*).

Остановимся вкратце на общих принципах построения лингвистических моделей. Ю. Д. Апресян выделил следующие важные свойства лингвистической модели: 1) Моделировать можно только такие

явления, существенные свойства которых исчерпываются структурными (функциональными) характеристиками и никак не связаны с их физической природой; 2) Модель оперирует не понятиями реальных объектов, а конструктами, т.е. понятиями об идеальных объектах, которые не выводятся непосредственно и однозначно из опытных данных, но построены «свободно» на основании некоторых общих гипотез, подсказанных совокупностью наблюдений и исследовательской интуицией; 3) Модель всегда является некоторой идеализацией объекта; 4) Всякая модель должна быть формальной т.е. в ней однозначно и в явном виде должны быть заданы исходные объекты, связывающие их утверждения и правила обращения с ними; 5) Всякая модель должна обладать свойством объяснительной силы или экспланаторности (Апресян, 1966).

Как отметил В. М. Савицкий (Савицкий, 1993), лингвистическая модель представляет собой идеальную структурную и / или функциональную модель. Она может совмещать в себе черты образной модели, если она включает изобразительные средства (графики, чертежи, схемы и т.д.), и необразной модели, если она содержит неизобразительные средства описания.

Используя термин лингвистическая модель, П. Н. Денисов отнес определение лингвистическая не к объекту, а к инструменту исследования. «Лингвистическим моделированием, – отметил он, – мы называем создание всякого рода вспомогательных искусственных языков» (Денисов, 1965. С. 5). Согласно такой трактовке, подобного рода модель не обязательно отражает явления естественного языка. Однако такая трактовка может ввести в заблуждение, поскольку искусственные языки могут не иметь никакого отношения к лингвистике, и тогда непонятно, почему они называются лингвистическими. По мнению В. М. Савицкого (Савицкий, 1993), модели, которые имел в виду П. Н. Денисов, следует назвать семиотическими. Лингвистическая же модель – это такая модель, которая создана в целях лингвистического исследования. В то же время лингвистическая модель может быть направлена не только на собственно лингвистический объект, но и на связанный с ним объект, изучение которого помогает уяснить сущность лингвистического объекта. «То, что считается не лингвистикой на одном этапе, включается в неё на следующем» (Савицкий, 1993. С. 35). Модель, объединяющая в себе лингвистические и логические категории, называется логико-лингвистической.

Таково, в самых общих чертах, достигнутое к настоящему моменту состояние исследований в области моделирования структуры лексического значения. В этом направлении сделаны значительные успехи, но целый ряд проблем еще ждет своего решения. В частности, пока не создан универсальный метод, который позволил бы представить «значение предложения... и значения лексемы, граммема, синтаксемы ... на едином семантическом языке, с помощью сходных или даже одних и тех же семантических структур» (Апресян, 1966. с. 19). Эта глобальная проблема может быть решена лишь совместными усилиями многих исследователей.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). М.: Просвещение, 1966. 302 с.
2. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. // Семантика и информатика, вып. 35. М., 1997. С. 272-298.
3. Савицкий В. М. Английская фразеология: проблемы моделирования. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1993. 172 с.
4. Новик И. Б. Гносеологическая характеристика кибернетических моделей // Вопросы философии, № 8, 1963. С. 56-68.
5. Орфеев Ю. В., Тюхтин В. С. Мышление человека и "искусственный интеллект". М.: Мысль, 1978. 149 С.
6. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 542 С.
7. Ревзин И. И. Модели языка. М.: Наука, 1962. 192 С.
8. Stewart A. H. Graphic Representation of Models in Linguistic Theory. Bloomington and London: Indiana Univ. Press, 1976. 195 p.
9. Большой энциклопедический словарь. Языкознание /Под общей редакцией Ярцевой В. Н. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
10. Денисов П. Н. Принципы моделирования языка. М.: МГУ, 1965. 151 С.
11. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов /Под общей редакцией Кубряковой Е. С. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 С.
12. Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. Изд. 2-е. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 296 С.
13. Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. 465с.
14. Лебедев С. А. Философия науки. М.: Академический Проект, 2007. 731 С.
15. Минаева Л. В. Речевая коммуникация в политике. М.: Флинта; Наука, 2007. 248 С.
16. Неуймин Я. Г. Модели в науке и технике: история, теория и практика. Л.: Наука, 1984. 189 С.
17. Штофф В. А. Моделирование и философия. М.-Л.: Наука, 1966. 301 С.
18. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1995. 279С.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ЗАГОЛОВКАХ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ БЕСТСЕЛЛЕРОВ

В статье предложена классификация базовых концептов, которые реализуются в названиях бестселлеров американских и британских авторов. Делается вывод об основных элементах картины мира представителей данных национальностей.

Ключевые слова: картина мира, концепт, заголовок, бестселлер.

В результате перемен в социально-экономической системе за последние десятилетия мировые державы перешли на рыночные отношения, которые повлияли практически на все сферы общественной жизни. Мир литературы не стал исключением. В настоящее время в нём признаётся главенствующим торговый интерес, выпускаются книги, которые, по расчётам издателей, должны стать бестселлерами. Термин «бестселлер» прочно вошёл в нашу жизнь, тем не менее, для многих он остаётся всего лишь модным словом, тогда как есть основания утверждать, что речь идёт о сложном и интересном явлении.

Бестселлер (англ. best seller) – наиболее раскупаемая книга, издаваемая большими тиражами, а также любое тиражируемое издание, попавшее в список наиболее продаваемых. Термин «бестселлер» был впервые употреблен в журнале книготорговцев «The Weekly», а список бестселлеров впервые был напечатан в литературном журнале «Bookman» в 1885 г. Теперь подобные списки регулярно публикуют самые престижные издания: «The New York Times», «The Guardian» и «The Publisher's Weekly».

Одним из основных аргументов при выборе того или иного художественного произведения, безусловно, является название. Емкое и выразительное заглавие не только ведет к возбуждению интереса у читателя, но и играет значительную роль в процессе закрепления названия книги в памяти потенциального покупателя.

Функционирование заголовков книг неразрывно связано с оперированием рядом базовых концептов, бытующих в социально-культурном пространстве их целевой аудитории.

Целью данной работы являлось исследование национальной концептосферы, иными словами, отдельного участка национальной картины

мира. Картина мира включает в себя содержательное, концептуальное знание о действительности, а её составными частями являются неоднородные смысловые образования, представляющие собой образы, понятия, различного рода ментальные стереотипы и концепты, образующие концептосферу народа. Таким образом, совершенно логично предположить, что изучение особенностей картины мира напрямую ведёт к исследованию концептов.

Национальная картина мира обнаруживается в единообразии поведения представителей одной культуры в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях, в суждениях о действительности, поговорах, пословицах, афоризмах. Таким образом, национальная картина мира содержит в себе те понятия и стереотипы, которые задаются культурой при восприятии и понимании мира нашим сознанием.

Культура оказывает огромное влияние на формирование языковой картин мира. Картина мира формирует тип отношения человека к миру – природе, другим людям, самому себе, задаёт нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к жизненному пространству. С каждой картиной мира связан определённый способ мировосприятия и определяемые им различного рода мыслительные операции.

В результате нашего исследования нам представляется возможным систематизировать заголовки бестселлеров с учетом базовых концептов, которые реализуются в их составе. В рамках нашего материала можно выделить две наиболее значимых концептосферы: концептосфера «человек», составляющая 57% от общего числа выборки, и концептосфера «окружающий мир» в количестве 43 %.

Концептосфера «человек» включает всё, так или иначе связанное с человеком: его чувства, переживания, проблемы, поступки. В рамках представленной концептосферы возможно выделить отдельные концепты. Самым распространённым в нашем материале является концепт «смерть» (17%): «*Treachery in death*» (J.D. Robb), «*This Side of the Grave*» (Jeaniene Frost), «*Dead or Alive*» (Tom Clancy). Кроме того, встречается достаточно большое количество заголовков демонической и адской тематики: «*Pale Demon*» (Kim Harrison), «*Hell's Corner*» (David Baldacci), «*Deliver Us from Evil*» (David Baldacci). Такая популярность смерти может объясняться непреходящим интересом человека к тому, что ждёт его после земной жизни, а также отсутствием ответа на вопрос: «есть ли жизнь после смерти?».

Вторым по популярности является концепт «любовь» (13%): «Love You More» (Lisa Gardner), «Love Wins» (Rob Bell), «Eat, Pray, Love» (Elizabeth Gilbert). Значимость любви как необходимой части жизни каждого человека признаётся и в англо-говорящих странах.

Далее следует концепт «семья» (10%): “Sisters” (Elizabeth Fishel), “Brother Odd” (Dean Koontz), “The Paris Wife” (Paula McLain).

Представленный факт подтверждает, что британское и американское общества глубоко чтят свои традиции и придают огромное значение семейным ценностям.

Концепт «счастье» (7%) также очень распространён, но встречается заметно реже, чем «смерть»: “Happy Ever After” (Nora Roberts), “The Pursuit of Happiness” (Douglas Kennedy). Как известно, тема счастья является одной из основополагающих целей практически всего мирового сообщества.

Далее представлены концепт “сердце” (5%): “Heart of the Matter” (Emily Giffin), “Your Heart Belongs to Me” (Dean Koontz), и концепт “профессия” (5%): “The Lincoln Lawyer” (Michael Connelly), “The Spy” (Clive Cussler), что подтверждает тот факт, что профессиональная реализации и карьера играют важную роль в современном англо – язычном обществе.

В концептосфере «окружающий мир» самым частотным является концепт «магия/тайна» (18%): “A Discovery of witches” (Deborah Harkness), “Known and Unknown” (Donald Henry), “Remarkable creatures” (Tracy Chevalier). Людям всегда не хватает чудес в повседневной жизни, и потому необъяснимые явления с неизменным постоянством привлекают огромное внимание.

Концепт «природа» (13%) выступает на втором месте: “The Forgotten Garden” (Kate Morton), “The Art of Racing in the Rain” (Garth Stein), “The Silent Sea” (Clive Cussler). Далее следует концепт «животный мир» (12%): “Half Broke Horses” (Jeannette Walls at Simon & Schuster), “Inside of a Dog” (Alexandra Horowitz), “Water for Elephants” (Sara Gruen). Распространённость темы природы и животных в Великобритании и Америке не удивительна, ведь они считаются лидерами среди борцов за экологию и защиту окружающей среды.

Таким образом, в результате выделения базовых концептов, реализующихся в названиях бестселлеров британских и американских авторов, мы можем сделать вывод об основных элементах шкалы ценностей в данных обществах. Так, для британцев и американцев очень важны семья и любовь, необходима успешная профессиональная реализация. Людям в представленных обществах свойственен интерес к загадочным и мистическим явлениям. Кроме того, не последнюю роль играют тема природы и проблемы окружающего мира.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Проблемы вербализации концепта / Н.Ф.Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 64 С.
2. Блисковский, З.Д. Муки заголовка / З.Д.Блисковский. – М.: Книга, 1972 – 184 С.
3. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г.Воркачев // Филологические науки. – М.: Наука, 2001. – С. 70-71.
4. Леонтьев, А.А. Языковое сознание и образ мира / А.А.Лебедев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: РАН. Ин-т языкознания, 1993. – С. 16-21.
5. Харьковская, А.А. Номинативные аспекты заглавий (на материале англоязычных любовных романов и их переводов на русский язык) / А.А.Харьковская // Актуальные проблемы лингвистического образования: теоретический и методологический аспекты: сб.матер. III Междунар.науч-практ. конф. Самара, 14-16 ноября 2005г. Часть II. – Самара: Самар.гуманит.акад, 2006. – С. 258-262.

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
СИНТАКСИСА КОЛОНКИ РЕДАКТОРА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛОВ)**

В данной статье рассматриваются лексико-семантические единицы и группы единиц, применяемые редакторами англоязычных журналов с целью создать необходимые условия воздействия на читателя путем скрытой рекламы и, тем самым, завоевать большую аудиторию для дочернего средства массовой информации.

Ключевые слова: лексико-семантические группы, усечение, коннотация, СМИ, реклама, редактор.

Важным условием коммуникативно-прагматического успеха сообщения является апелляция журналиста к эмоциональной сфере читателя, а также создание необходимого «аксиологического фона» повествования. Усечения, обладая статусом экспрессивно значимых лексических единиц, в той или иной степени способствуют повышению эмоционального колорита статей.

Анализ усечений на страницах современных журналов позволяет констатировать, что, несмотря на постоянное соперничество единиц внутри категории «исходная – усеченная», предпочтение часто отдается последней. Мы исходим из того, что к использованию усечений автор прибегает в тех случаях, когда они лингвистически и прагматически более целесообразны, чем полные наименования.

Объяснение факторов, определяющих широкое использование усечений, традиционно сводится к постулату о том, что их лаконичная форма отвечает естественным потребностям субъекта речи в экономии речевых усилий. Однако, принцип рационального использования языковых средств в случае с текстами периодических изданий не является универсальным, и предпочтение сокращенного наименования продиктовано, помимо необходимости в компактной словоформе, еще и другими факторами, которые необходимо принимать во внимание.

В нашей работе на первый план выдвигается наличие у усечений особого функционально-прагматического потенциала как совокупности стилистических и эмоционально-экспрессивных свойств, которые позво-

ляют ярче и выразительнее передавать представление об описываемом предмете или явлении и, в конечном итоге, определяют мотивы обращения журналистов к данным единицам.

Если основная функция полных слов – номинативная, то главной функцией сокращённого наименования служит, скорее, не вычленение соответствующего фрагмента действительности, а значит, не назывная функция, их роль – выступать маркерами языкового стиля (Леонтьев, 2004). Используемые в определенных целях усечения окрашивают тексты и вносят в них соответствующие сведения о форме речи, коммуникативной установке, об отношении журналиста к предмету повествования.

В целях конкретизации прагматического содержания усечений в прессе представляется целесообразным выделить функции данных единиц.

1. Функция обеспечения экспрессивной передачи информации может рассматриваться в качестве универсальной тенденции большинства функционирующих в прессе усечений. Экспрессивность усечений базируется, главным образом, на их принадлежности к стилистически сниженным регистрам речи: яркая стилистическая окраска таких единиц воспринимается как эпатажная и, следовательно, – выразительная.

К примеру, авторы колонки редактора некоторых женских изданий, тексты которых отличаются повышенной экспрессией, ироничностью и присутствием авторского «я», регулярно обращаются в своих материалах к стилистически маркированным усечениям. В подобных изданиях усечения часто «встроены» в нетипичное для них окружение общественно-политической или специальной терминологией. Такое контрастирование всегда выразительно и прагматически эффективно: богатая речь, в которой сочетаются разнообразные языковые средства, вызывает интерес читателя и сильнее воздействует на него. Приведём в качестве иллюстрации один из примеров:

(1) *Not Much Fab at This Investor Confab.*

Использование усечений *fab* (< *fabulous*) и *confab* (< *confabulation*) отражает, на наш взгляд, прагматический замысел автора «приукрасить» сообщение, сделать его более метким и выразительным. Экспрессивный эффект достигается за счет разговорной окраски усечения, которая придает высказыванию легкий оттенок небрежности и иронии.

Однако максимально продуктивны стилистически маркированные усечения в массовых и бульварно-развлекательных изданиях, в которых установка на повышенную экспрессию является, пожалуй, базовым прин-

ципом организации языковых средств. Так, в следующем предложении автор, призывая читателей прислать свои фотографии для участия в конкурсе, использует сразу три усечения: *pic* < *picture*, *fave* < *favourite*, *mag* < *magazine*. Данные единицы придают содержанию выразительность, свойственную спонтанным речевым высказываниям:

(2) *The funniest pics will make it into the pages of your fave mag.*

Усечения нередко приобретают дополнительные экспрессивные свойства путем игрового употребления. Весьма показателен в этом смысле следующий заголовок, в котором нейтральное усечение приобретает экспрессивные характеристики за счет двойственности семантики и лексического окружения:

(3) *Feeding the Fed.*

Усечение “*Fed*” (сокращенный вариант развернутого наименования Federal Reserve System) омонимично английскому слову “*fed*”, причастию прошедшего времени от глагола “*to feed*” (кормить, содержать). Посредством игрового словоупотребления журналист привносит в значение сокращения дополнительную информацию, как бы намекая на излишнюю «сытость» упоминаемого ведомства.

2. Аттрактивная функция усечений также является немаловажным фактором, обуславливающим преимущество кратких единиц перед развернутыми аналогами. Усечения на страницах изданий способны привлекать внимание читателя своей новизной и динамичностью. Они попадают в фокус внимания за счет емкой, благозвучной материальной оболочки, которая отличает их от полного слова, воспринимаемого читателем в качестве привычного, банального.

Наиболее отчетливо аттрактивная функция усечений проявляется в заголовках – сильная позиция в тексте и ограниченное печатное пространство диктуют необходимость употребления кратких, но красноречивых и броских слов и конструкций. Чтобы добиться максимального «рекламного» эффекта журналисты нередко используют усечения в совокупности с приемом рифмования, как, к примеру, в следующем заголовке с краткой формой прилагательного “*radical*” (сл. «потрясающий»):

(4) *Skateboarding in Olympics: Rad or Bad?*

Подобное использование усеченных словоформ типично также для текстовых комментариев к фотографическим материалам – одного такого выражения часто бывает достаточно, чтобы не только прокомментировать изображение, но и затронуть воображение читателя, вызвать у него опреде-

ленные ассоциации. Приведем в качестве примера несколько рифмованных конструкций, зафиксированных нами в различных источниках: *fave-but-brave* (favourite but brave); *Glam with cam* (Glamour with camera); *celeb in rehab* (celebrity in rehabilitation centre); *You look fabby, Gabby* (You look fabulous, Gabriel); *Dads and grads* (Dads and graduates); *from drab to fab* (from drab to fabulous) и др. Целью подобного нестандартного использования усечений является, помимо передачи информации, стремление заострить внимание на границах и возможностях самого речевого воплощения смысла.

Аттрактивная функция усечений соотносится с принципом эстетичности и общей установкой текстов прессы на экспрессивность, оригинальность и «неизбитость» словоупотребления.

3. Контактостанавливающая функция усечений. Исследуемые единицы проявляют способность к установлению более теплого, неформального контакта с потенциальным читателем, что является существенным моментом в реализации прагматических задач прессы. Автор осуществляет целенаправленный выбор именно сокращенного варианта как более авторитетного и адекватного для обращения к «своему» читателю. «Аудитория глубже и искреннее воспринимает доказательную позицию того, кто “с ней”, нежели того, кто демонстрирует “взгляд со стороны” или ставит себя выше читателя» (Леонтьев, 2004, С. 147).

Так, анализ текстов современной британских и американских женских изданий позволил выявить большое число усечений спектра положительных эмоций. Такие усечения создаются по принципу мелиоративности и призваны выразить теплое, доброжелательное или сочувствующее отношение к предмету разговора или к адресату. В качестве усечений-маркеров используется разнообразная с точки зрения семантики группа единиц: сюда входят усечения, мотивированные как прилагательными, так и существительными, как именами нарицательными, так и именами собственными. Показательно, что в качестве актуализаторов положительных эмоций могут выступать усечения всех четырех выделенных нами лексико-семантических групп: (1) наименования лиц и 2) наименования конкретных физических объектов, 3) наименования явлений со значением собирательности и 4) со значением отвлеченности).

Одним из способов манифестации положительной эмоциональности является введение в текст усечений с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-y/ie*: *moby* < *mobile phone*, *ciggie/y* < *cigarette*, *hankie* < *handkerchief*, *cossie* < *costume*, *lippy* < *lipstick*, *piccy* < *picture*, *sunnies* < *sunglasses*, *pres-sie* < *present*, *comfy* < *comfortable*, *Saggy* < *Sagittarius* и др. Показательно, что в их употреблении прослеживается определенная закономерность: автор

нередко прибегает к использованию данных единиц в текстах, где речь идет о детях и такие «детские» слова более уместны по сравнению с нейтральными полными единицами. К примеру, в следующем предложении автор, рассказывая о своей двухлетней дочери, употребляет суффиговое усечение, как бы копируя детскую речь:

(6) *I went to the shop to get my two-year-old, Molly, a birthday pressie ...*

В качестве прагматических маркеров положительных эмоций в определенных случаях могут служить созданные усечением топонимы (*Ala(Bama) < Alabama*, *Pennsy < Pennsylvania*, *Philly < Philadelphia*), а также единицы, образованные от оценочных прилагательных (*brill < brilliant*, *delish < delicious*, *gorge < gorgeous*, *lush < luscious*, *magnif < magnificent*, *rad < radical*, *terrif < terrific*), усечения личных имен (*Pen < Penelope*, *Nat < Natalie*, *Phil < Phillip* и др.) и т.д.

Помимо усечений, реализующих мелиоративное значение, в текстах современной британской и американской женской прессы функционируют усечения с пейоративной окраской. Их появление – закономерный процесс в условиях общей тенденции современных СМИ к дисфемизации и увеличению слов с отрицательной коннотацией. Подобные единицы традиционно носят антропоцентрический характер: объектом отрицательной оценки чаще всего выступает человек, его внешность и характер, психологические и интеллектуальные свойства, социальная значимость и т.д. Следовательно, среди усечений-пейоративов на страницах газет и журналов преобладают единицы лексико-семантической группы «обозначение лица».

Согласно анализу, в системе оценочных признаков чётко выделяются приоритетные пейоративные зоны: наиболее распространенными человеческими дефектами, маркируемыми в прессе с помощью усечений, являются недостаток ума и активности, отсутствие манер поведения и наивная простота. Так, нами зафиксирован ряд примеров, содержащих характеристику глупых людей, легко поддающихся обману. Носители указанных качеств часто обозначаются усечениями “*simp*” («простак», «лопух», «шляпа»), “*sap*” («олух», «дурак»), “*berk*” («болван») и др.:

(7) *If you are too polite, New Yorkers tend to take you for a simp, a sap or, worst of all, an out-of-towner.*

В статье о том, по каким признакам в Нью-Йорке можно распознать «чужака», автор, на наш взгляд, намеренно использует усечения, способные в данном контексте живо передать ту «презрительную небрежность», с которой ньюйоркцы могут встретить «провинциального простофилю». Единицы “*simp*” и “*sap*” содержат в значении явный пейоративный компонент, определяющий их отнесённость к ряду отрицательно оценочных усечений.

В современных журналах продолжается активное формирование навыка насмешливого отношения к происходящим событиям. Это влечет закономерное увеличение числа единиц ироничного содержания, включая усечения. Для выражения иронии зачастую используется та же группа усечений, которая реализует положительно окрашенные эмоции. В зависимости от прагматической установки текста может произойти своеобразное «переосмысление» значения сокращения, при котором нейтрализуются мелиоративные коннотации и развивается фамильярное, пренебрежительное созначение (Леонтьев, 2004).

Эффективным средством импликации ироничной оценки выступают также любые суффиксированные усечения, которые могут быть квалифицированы не только как ласкательные, но и фамильярные, пренебрежительные. К примеру:

(10) *Will's flatmates first thought he was a lecky due to his bad dress sense.*

Единица “*lecky*”, образованная от полного слова “*electrician*” (электрик) путем усечения и суффиксации, употребляется в речи с оттенком непочтительности и иронии. В приведенном контексте она, на наш взгляд, актуализирует сардоническое значение, как бы подчеркивая «неприглядные», по мнению автора, качества людей данной профессии.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что трактовка прагматической информации, передаваемой усечениями, во многих случаях не может быть однозначной. Невозможно выделить изолированные от контекста стабильные группы единиц, реализующих исключительно мелиоративное, пейоративное или ироничное значение. Содержание прагматической информации следует подвергать экспликации с учетом лексического окружения, контекста, общей коммуникативной установки статьи (Леонтьев, 2004). Кроме того, функционально-прагматические возможности усечений в прессе не выступают обособленно друг от друга – это практически всегда симбиоз функций, игра смысла, переплетение различного рода коннотаций.

Литература

1. Курганова Н.И. Структурные параметры моделирования обыденного знания // Культурное разнообразие в эпоху глобализации / Cultural diversity in the epoch of globalization : мат-лы межрегиональной виртуальной науч.-практич. конференции с междунар. участием (Мурманск, 1 февраля 31 марта 2011 г.) / отв. ред. В.Г. Пиксендеева. – Мурманск : МГГУ, 2011. – С. 141–148.
2. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. – М., 2004. – С. 251–261.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА

В статье анализируется роль интернет-коммуникации в современном обществе и ее влияние на развитие языка, рассматриваются причины возникновения сокращенных слов и аббревиатур, приводятся примеры на русском и английском языках.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, сленг, культура общения.

Научно-технический прогресс принципиально изменил жизнь современного общества. Человечество, живущее в так называемую «эпоху коммуникации», характеризуется такими отличительными чертами, как стремление к максимальному комфорту, динамичность и, конечно же, непрерывный поток технических новшеств. Современный стиль жизни, обеспечивший людей сотовыми телефонами, компьютерами и интернетом, стал причиной возникновения новых способов обмена информацией, которые, в свою очередь, повлекли за собой невероятные изменения в языковой сфере, а именно, появление урезанной, ограниченной, а порой и неузнаваемой речи.

Ни для кого не секрет, что развитие языка – это постоянный и непрерывный процесс: мы даем названия новым изобретениям и забываем понятия, исчезнувшие из быта. Поколение за поколением слова исчезают из активного словарного запаса, чтобы вернуться какое-то время спустя, но уже в другом значении. Читая поэтов и писателей прошлого века, можно понять, насколько сильно изменились лексика и конструкции предложений, и как сложно порой воспринимать информацию подобного рода. Однако резкий технический скачок начал менять язык в наши дни с поразительной скоростью. Возникновение новых предметов обихода повлекло за собой появление новых слов, например, планшет, ноутбук, плеер, пейджер, смартфон и многое другое.

В наши дни невозможно представить современного человека без сотового телефона или компьютера. Если несколько лет назад необходимость получения той или иной информации, да и просто жажда общения, заставляли людей выходить из дома, то сейчас удовлетворить все эти потребности можно, лишь нажав кнопку планшета или ноутбука. Живые раз-

говору постепенно сводятся к нулю, их заменяет общение в социальных сетях, которое позволяет не выпасть из ритма жизни, попутно занимаясь другими важными делами.

Подобное общение привело за собой возникновение «урезанной речи», когда человек в спешке и на бегу пытается передать информацию (короткий телефонный звонок, смс или сообщение в социальных сетях), сокращая слова и используя особые символы, дабы не потерять драгоценное время. «Возникла новая индустрия по обмену информацией, упростившая способ ее передачи, но заметно снизившая грамотность населения и желание говорить вживую».

Интернет, как средство общения стал причиной возникновения «виртуального языка», используемого в многочисленных чатах, форумах и на личных страницах социальных сетей. Это явление наиболее остро ощущается среди молодежи. Современные юноши и девушки активно используют продукты технического прогресса для обмена информацией. В связи с этим речь становится более компактной, чтобы иметь возможность поместить текст в ограниченный объем смс-сообщения, да и просто сэкономить время. Слова не теряют первоначального смысла, но куда как быстрее напечатать «норм» вместо «нормально», «лан» или «ок» вместо «ладно» и т.д. Ведь чем меньше букв, тем меньше затраченного времени, и, соответственно, тем быстрее информация дойдет до адресата.

Общество наших дней, так или иначе связанное с современной системой передачи информации, без труда определит значение этих языковых единиц. Однако, не следует забывать, что такая лексика не может и не должна считаться нормой и проникать в живую речь, становясь массовой. Однако распространение тех или иных языковых тенденций порой неподвластно человеку. Из речи постепенно вытесняются привычные выражения, превращаясь в «дароф» вместо «здорово», «как нить» вместо «как-нибудь», которые можно услышать на каждом шагу в транспорте, университете, школе.

В самом начале подобные выражения были присущи лишь людям, тесно связанным с компьютерным обеспечением:

Дрова – созвучно с английским Driver – Компьютерная программа(ы);

IP-адрес, айпишник – сокращение от английского Internet Protocol Address, то есть уникальный идентификатор компьютера, подключенного к Интернету;

Инфа, инфо (сокр.) – Информация, во втором случае – часто информация о пользователе сайта, форума или ICQ;

Комп (ПК) – (персональный) компьютер;

Мыло – электронная почта, e-mail, письмо по электронной почте. Словно с англ. mail;

Инэт или нэт – интернет;

Прога — программа;

Бук или ноут – нутбук;

Материнка – материнская плата;

Зависнуть – внезапное приостановление выполнения компьютером команд пользователя;

Загрузить – запустить необходимое компьютерное обеспечение.

Вследствие стремительного развития интернета и появления социальных сетей в нашем языке прочно закрепились такие выражения, как:

Аська – прижившееся в народе название программы ICQ, образованного от английского – «I seek you» – «Я ищу тебя»;

ВК – сокращение от «ВКонтакте», современная социальная сеть, популярная среди русскоязычного населения;

Фейс – сокращение от Facebook, разновидность социальной сети;

Инста – сокращение от Instagram, программа, позволяющая быстро загружать и просматривать фотографии;

Твитнуть – разместить публикацию в Twitter;

Репостнуть – поделиться чьей-то публикацией на своей странице;

Регить – регистрировать;

Лайкнуть – выразить симпатию публикации или фотографии;

Кинуть – прислать по интернету.

На сегодняшний день подобный сленг интернет-сети достиг невероятных масштабов среди пользователей «всемирной паутины». Слова проникают и прочно закрепляются в современной речи, поэтому выражениями «у меня комп завис» или «ты в инсте зарегился», услышанными от школьника, сейчас никого не удивишь. Сокращения принимают все более свободные формы и весьма урезанный вид, например:

ASAP (As Soon As Possible) – как можно скорее;

AFAIK (As Far As I Know) – насколько мне известно;

BTW (By The Way) – кстати;

BYOB (Bring Your Own Beer) – принеси свое пиво;

ИМХО – сокращение от английского: In My Humble Opinion – по моему скромному мнению. В русском варианте это сокращение стали записывать как «ИМХО» или «имхо», и, как следствие, пришлось найти свой эквива-

лент для ИМО – аббревиатуру фразы «имею мнение, хоть отличное». Как часто случается в языке, аббревиатура порой превращается в самостоятельное слово: «Можешь своё имхо оставить при себе»;

LOL – сокращение от английского Laughing Out Loud – хохочу во всю глотку. Пишется в ответ на очень остроумную шутку.

Эти сокращения зачастую могут быть написаны русскими буквами, например, ЛОЛ, АСАП, АФАИК для того, чтобы не тратить время на переключения языков. Сленговые сокращения также принимают буквенно-цифровую форму, заменяя слоги цифрами, похожими по произношению:

4GIVE (forgive) – забудь;

B4 (before) – перед;

U2 (you too) – ты тоже;

4U (for u) – для тебя;

о5 – опять;

7я – семья;

Ы – от LOL (по визуальному сходству);

3Ы – то же, что Post Scriptum (лат.), или сокращённо – PS – примечание к написанному тексту. Появляется в тексте, когда забывают переключить клавиатуру с кириллицы на латиницу. Впоследствии это переключение не стали делать умышленно для экономии времени.

Подобных аббревиаций, образованных от русских фраз и слов гораздо меньше, но это объясняется лишь тем, что интернет вошел в российское общество гораздо позднее, чем в англоязычное.

Манера общения зависит от места употребления (форум, чат, конференция, блог, личный дневник, электронная почта), которое предъявляет особые требования к языку, на котором происходит общение. Реплики участников форума имеют тенденцию быть логичными и законченными, тогда как в чатах характерно использование спонтанных высказываний. В настоящий момент появилось также большое количество сайтов, где высказывания можно опубликовать анонимно, и подобные сообщения зачастую содержат нецензурные выражения и табуированную лексику.

Говоря о грамотности, сложившаяся ситуация усугубляется еще и тем, что все средства электронного написания текстов снабжены функцией проверки орфографии и пунктуации. Современное общество просто не видит особого смысла в запоминании правил орфографии и пунктуации, соответственно, общий уровень грамотности снижается, как снижается и мотивация к изучению языковых норм.

С другой стороны, язык – это система, находящаяся в постоянном развитии, и все происходящие в нем изменения можно считать нормальными и закономерными. Языку присущи такие характерные черты, как относительная стабильность в построении предложений/словообразовании и способность быстро реагировать на происходящие изменения появлением новых слов. Ведь слова «приживаются» в языке лишь при условии, что их значения приняты и понятны всем участникам коммуникативного процесса.

В заключении нужно отметить, что научно–технический прогресс оказал сильное влияние на формы человеческого общения, сократив их и сделав более динамичными. Инновации, постепенно перестраивая культурную традицию, делают процесс социализации и адаптации человека к меняющимся условиям жизни более затруднительным. Такое резкое изменение языковых процессов производят впечатление хаоса, хотя, на самом деле, дает драгоценный материал для филологических исследований. На сегодняшний день лингвисты, обеспокоенные столь стремительным изменением языка, все же признают, что имеют уникальную возможность наблюдать и исследовать все структуры и механизмы подобных преобразований. «Эволюция совершается независимо от того, хочет того человек или нет. И если сейчас наступило время для «полуслов», «полуфраз» и вообще «полуречи», то, быть может, так и должно было случиться».

Литература

1. Аксак В.А. Общение в сети Интернет. Просто как дважды два. ... Серия: Просто как дважды два. – М., Эксмо, 2006. 97 С.
2. Покаместова А.П. «Норм» – нормально ли? Серия: Sci-article. – Череповец, 2014. 112 С.

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В статье анализируется взаимодействие родного и иностранного языков, рассматриваются случаи негативного влияния родного языка на изучаемый язык при переводе, а также приведены виды интерференции.

Ключевые слова: интерференция, ошибки при переводе, «ложные друзья переводчика», немецкий язык.

Изучение любого иностранного языка не может происходить без связи с родным языком. Родной язык может оказывать как положительное (транспозиция), так и отрицательное (интерференция) влияние на изучаемый язык.

Интерференция (от лат. Inter – между собой, ferio – касаюсь, ударяю) – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковых контактах, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях то нормы и системы второго языка под влиянием родного. (Шепель, 2012) Понятие интерференции получило широкое распространение в социолингвистике, психологии, лингвистике, психолингвистике и методике преподавания родного языка.

В лингвистике проблема интерференции рассматривается в рамках языковых контактов, и под интерференцией понимается «нарушение билингвом норм и правил соотношения двух контактирующих языков» (Алимов, 2005). Это явление описывается в трудах многих отечественных и зарубежных ученых. Согласно Мечковской Н.Б., «интерференция– это ошибки в речи на иностранном языке, вызванные влиянием родного языка» (Зиндер, 1989). Поэтому следует подчеркнуть необходимость организации процесса изучения немецкого языка таким образом, чтобы родной язык помогал, а не мешал в его овладении, в частности при переводе. Ведь многие рассматривают интерференцию как источник ошибок, где переводчик находится в плену формы оригинала и механически переносит особенности языка-источника на язык перевода.

Рассмотрим основные виды интерференции в лингвистике:

Фонетическая – влияние фонетической системы родного языка на изучаемый, вызывающая искажение звуковой формы и смысла. Чаще всего

речь идет об ударении. В немецком слове Kurort например ударение падает на первый, а не на последний слог, а в словах Organ, Parlament наоборот на последний. Неправильное произношение многих географических регионов также вызвано фонетической интерференцией: Kánada Viétnam Madagáskar Madagáskar Usbékistan

Морфологическая – неправильное употребление частей речи в изучаемом языке под воздействием родного языка, чаще всего это неправильное употребление суффиксов: *Prognosieren – prognostizieren, *Interviewieren – interviewen *Instruktieren – instruieren *Konsensus – Konsens, optimisieren – optimieren

Грамматическая интерференция возникает при несовпадении грамматических структур в изучаемом и родном языках. Большинство ошибок этого вида связаны с неправильным употреблением управления глаголов: Das stört *mir (mich). *bei jemandem etwas stehlen (j-m etwas stehlen). Категория рода немецких существительных и русских также часто не совпадает das Interesse, die Regel, das Pflaster

Семантическая. Главной причиной семантической интерференции является многозначность, омонимия и синонимия грамматических форм языков. В переводе неадекватная идентификация по главным семам чаще всего отмечается при употреблении приставок, суффиксов, предлогов, союзов, различных частей речи, форм времени и наклонения. Н-р: Мы забронировали для Вас номер в гостинице. Вместо слова das Zimmer, используют die Nummer, имеющее другое значение. Вместо Perfekt используют Präteritum, забывают артикль перед названием гостиницы и неопределенный артикль перед «Zimmer». Или: Eine Note stellen вместо eine Note geben.

Лексическая – вмешательство лексики одной языковой системы в другую. Этот тип интерференции в переводоведении часто называют «ложные друзья переводчика». Речь идет о словах графически и фонетически похожих в родном и изучаемом языке. Часто данные слова имеют даже общую этимологию, но отличаются по смыслу. Так, например, слово Magazin, n, понимается и переводится часто как магазин, а не иллюстрированный журнал; слово Maschine, f, правильно переводить как станок, механизм, машина, но не автомобиль. Artist,m чаще переводится как художник, чем артист, актер, Lager,m может переводиться как склад, Kostüm – это женский или маскарадный костюм, для обозначения мужского костюма не употребляется, Produktion – это чаще производство, нежели продукция, а

слово *Material* больше используется в значении сырьё, *Dose, f* – это жестяная банка, *testieren* – это завещать, подписывать.

Синтаксическая. На синтаксическом уровне интерференция обнаруживает себя в нарушении рамочной конструкции, в свободном порядке слов, инфинитивных конструкциях и т. д.: «*Ich sah ihn kommen*(нем.)» «Я увидел, как он пришел».

Однако мы считаем, что явление интерференции может быть не только отрицательным и указывать на отклонение от норм данного языка, но и положительным, способствующим правильному переводу и приобретению навыков в одном языке под влиянием другого.

Литература

1. Clément, D. *Linguistisches Grundwissen: Eine Einführung für zukünftige Deutschlehrer*. 2. Auflage. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000. 267 S.
2. Wahrig-Burfeind, R. *Wahrig Fremdwörterlexikon*. Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. 455 S
3. Алимов В.В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации. – М., 2005.
4. Зиндер Р.Л., Строева Т.В. Современный немецкий язык. Теоретический курс. , М., 1989;
5. Шепель Ю.А. Виды интерференции как следствия двуязычия (на материале русского и украинского языков)//VII Международная научно-практическая Интернет-конференция "Альянс наук: ученый – ученому" (15-16 марта 2012 года)-http://www.confcontact.com/2012_03_15/fl_shepel.php

О КАЧЕСТВЕ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ В КОНТЕКСТЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Статья посвящена вопросу оптимизации языковой подготовки студентов в техническом вузе. В контексте компетентностного подхода к образованию проведён анализ схемы и методических приёмов изучения профессионального иностранного языка в СамГТУ. Обоснована необходимость разработки новых учебных пособий с учётом современных требований к целям обучения дисциплины. Изложены авторский опыт и предложения по оптимизации методического аппарата работы со специальным текстом.

Ключевые слова: компетентностный подход, профессиональный иностранный язык, семантизация, коммуникативная задача, мотивация, коммуникативный эффект, текстопорождение.

Традиционно российское образование отличалось глубиной проработки теоретического материала, готовило специалистов широкого профиля, а иностранный язык, особенно при подготовке специалистов неязыковых вузов, был скорее довеском к образованию, чем одним из средств повышения квалификации.

С глобализацией мировой экономики, интеграцией и интернационализацией различных сфер жизнедеятельности человека статус иностранного языка изменился. Владение иностранным языком стало одним из основных требований к специалистам в различных областях народного хозяйства, что абсолютно правомерно. В условиях единого информационного пространства знание иностранного языка открывает доступ к зарубежным источникам информации, без которых сегодня немыслима деятельность успешного специалиста. Вместе с тем, как показывает практика, низкий уровень владения иностранным языком большинством выпускников технических вузов приводит к тому, что они вынуждены довольствоваться лишь минимумом необходимой информации из переводных книг, статей, докладов в интересующих областях знания.

Сегодня возможность оптимизации языковой подготовки студентов технических специальностей связывают с реализацией в образовательном процессе высшей школы компетентностного подхода. Рассматривая в

качестве конечного результата не только сумму приобретённых знаний, но и готовность использовать эти знания в своей профессиональной деятельности данный подход диктует новые требования к содержанию учебного процесса, выбору форм и методов образования. Заметим, что в методике обучения иностранному языку это, прежде всего, ознаменовало сдвиг от языковой формы к содержательной стороне, от воспроизведения по памяти языковых форм к реальному умению общаться на профессиональные темы.

Как известно, основным компонентом образования и главным звеном в управлении учебным процессом является учебник. Актуализация концепции обучения профессионально-ориентированному иностранному языку и, вместе с тем, отсутствие на Российском рынке отечественных и зарубежных учебников иностранного языка по многим техническим направлениям подготовки специалистов приводят преподавателей вузов к необходимости разрабатывать соответствующие учебные пособия самостоятельно.

Отметим, что на кафедре иностранных языков СамГТУ учебные пособия, на базе которых осуществляется профессионально-ориентированное обучение иностранному языку, разработаны практически по всем специальностям. Однако анализ разработанных пособий с точки зрения их соответствия современным требованиям к целям обучения дисциплины показывает, что изучение профессионального иностранного языка осуществляется по весьма узкой схеме: 1. введение новой лексики 2. чтение текста 3. ответы на вопросы по содержанию текста 4. упражнения на усвоение лексики и грамматики, представленных в тексте; предложенные в пособиях задания ориентированы, в основном, на усвоение языковых форм (лексики и грамматики); задания на развитие речевых или коммуникативных навыков практически отсутствуют. Таким образом, иностранный язык является не средством, с помощью которого можно получить или совершенствовать профессиональные знания, а непосредственно целью, что противоречит сути компетентностного подхода к изучению иностранного языка в профессиональных целях и требует определённой коррекции и доработки учебных пособий.

Остановимся подробнее на каждом элементе указанной схемы и обозначим возможности её расширения для решения современной образовательной задачи.

1. Введение новой лексики. Презентация новых слов, встречаемых в тексте, довольно однообразна и, как правило, осуществляется через пере-

вод. Данный способ семантизации очень удобен, так как гарантирует точность понимания и экономичен во времени. Без перевода вообще трудно обойтись при работе с узкоспециализированными текстами. Однако не стоит упускать возможность семантизации слов, например, через дефиниции и контекст. Эти способы значительно шире, чем перевод и более продуктивно формируют мышление, в частности, механизм языковой догадки, который так необходим при чтении на иностранном языке.

2. Чтение текста. Задание на прочтение текста часто ограничивается установкой “Read the text”, а то и вовсе отсутствует. В результате, работа над текстом сводится к его чтению, анализу лексико-грамматических трудностей и переводу. Такой методический аппарат работы с текстом направлен на формирование умения читать с полным пониманием. Формирование других умений в чтении, не менее, а может и более важных для специалиста, полностью игнорируется. Совместить формирование умений изучающего чтения с формированием умений просмотрового и поискового чтения можно, если предшествующее тексту задание будет содержать коммуникативную (речевую) задачу, которая не только стимулирует, но и ориентирует речемыслительную деятельность студента на извлечение нужной для её решения информации. Кроме того, в реальной жизни специалист, как и любой человек, читает то, что ему интересно или нужно. Поэтому, чтобы у студента появился интерес к тексту, необходимо создать определённый уровень мотивации к его прочтению. Мотивацию можно проводить с опорой на короткую речевую ситуацию, иллюстрации, утверждения и др. Такого рода задания логично приводят к просмотровому чтению. Речевые задачи с опорой на вопросы, семантизацию новой лексики можно использовать для организации поискового чтения. Отметим, что обучение различным технологиям чтения в рамках работы над одним текстом позволит не только разнообразить процесс обучения и сделать его более интересным и полезным, но и решить вопрос дефицита времени на занятии.

3. Ответы на вопросы по тексту. По замыслу авторов некоторых пособий умение говорения (использование лингвистических средств для выражения мыслей и передачи информации) должно развиваться в ответах на вопросы после прочтения текста. При этом многие вопросы направлены на выяснение фактических деталей текста. Отвечая на них, студенту зачастую нет нужды прибегать к какой-либо трансформации, так как готовый ответ есть в самом тексте. Достаточно прочитать нужное предложение или воспроизвести его дословно по памяти. В этом случае «речь но-

сит рецептивно-пассивный (чтение вслух) или репродуктивно-активный (воспризведение по памяти) характер, в то время как для речи вообще характерна продуктивно-творческая активность». (Беляев Б.В., 1965, С. 86) Вместе с тем, практика показывает, что студент испытывает немалые трудности, если при ответе требуется самая простейшая трансформация текста. Ещё сложнее студенту дать ответ на вопрос, если он затрагивает смысл информации, а не только её содержание. Это, как правило, связано с отсутствием у студента академических умений работать с содержанием текста (например, анализировать, свёртывать, расширять и обобщать информацию) на родном языке. А это значит, что заданию, в котором нужно дать ответы на вопросы по тексту, должны предшествовать упражнения на семантическую переработку содержания текста. При этом не стоит ограничиваться заданием на выбор правильного/ложного высказывания. Здесь также можно использовать тесты множественного выбора; заполнение схем, таблиц информацией из текста; дополнение высказываний информацией из текста; компрессию текста; выбор средств связей двух частей предложения; восстановление пропущенных логических средств связей текста; выбор предложений, содержащих причину/следствие, тезис/аргумент и др. Все эти упражнения более эффективно подготовят студентов не только к ответам на вопросы по тексту, но и к выполнению других заданий, направленных на развитие продуктивных умений в устной речи, а проще говоря, умений говорить на иностранном языке. К сожалению, такие задания в пособиях практически отсутствуют. Причина, очевидно, в трудности, которые испытывают преподаватели при определении речевой задачи на основе содержания технического текста. Но именно речевая задача, предполагая некое решение, позволит стимулировать речемыслительную деятельность студента, требующую для своего оформления использования изучаемых языковых средств (лексики и грамматики). Поэтому при отборе учебного материала важно учитывать способность текста вызвать коммуникативный эффект, т.е. дать студенту стимулирующие материалы для речевой деятельности. Заметим, что в своей профессиональной деятельности специалисты технического профиля часто имеют дело с таблицами, схемами, диаграммами. Это тоже тексты, причём весьма информативные. Их надо не только уметь читать, но и озвучивать, например, во время презентации доклада. Главная же привлекательность этих текстов в том, что они не требуют от преподавателя особой головоломки при создании коммуникативной ситуации и вместе с тем

служат студентам хорошей зрительной и содержательной опорой для самостоятельной речевой деятельности. Предлагая определённый алгоритм высказывания, они заставляют студента пользоваться языком, а не просто заучивать правильные языковые формы.

4. Упражнения на отработку представленной в тексте грамматики сводятся фактически к овладению формально-языковой и технической стороной письма, что явно недостаточно для готовности студентов пользоваться письменной разновидностью речи. Реальное умение писать связано с овладением процедурой текстопорождения, в основе которой лежат такие речевые механизмы, как структурирование предметного содержания, композиционное построение текста и жанрово-стилевое варьирование. Опыт показывает, что для большинства студентов технических вузов письмо актуально не своим высшим уровнем – письмом-продукцией, а теми, которые опосредуют познавательную деятельность и дистанционное взаимодействие людей. К ним относятся письмо-репродукция и его варианты – письмо-трансформация и письмо-компрессия (сжатие/ расширение). Умение реализации этих действий формируется при выполнении заданий по созданию вторичных текстов различных реферативных жанров: резюме по прочитанному тексту, тезисов, аннотации, реферата и др.

В заключение отметим, что перечисленные недостатки учебных пособий не всегда являются признаком методической некомпетентности разработчиков. Просто, в условиях отсутствия на Российском рынке учебников иностранного языка по многим техническим специальностям и дефицита времени на их разработку, авторы вынуждены пилотировать свои пособия, оставляя решение многих методических задач за преподавателем.

Литература

1. Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам – М., 1965.– С. 86-91
2. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей / Е.Н. Соловова. – 4-е изд. – М.: Просвещение. 2006.-239С. -ISBN 5-09-015202-0.

ОБ ИСТОРИИ ЭКФРАСИСА: ОТ ОТДЕЛЬНОГО ЖАНРА ДО СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЁМА

Автором анализируется процесс потери экфрасисом статуса отдельного литературного жанра и его переход в категорию стилистического приёма. Сформулировано современное определение понимания экфрасиса.

Ключевые слова: экфрасис, экфраза, стилистический приём

В Александрийской риторике (11 век до н.э.) экфрасисом назывался жанр обособленного литературного отрывка, самоценного, не зависящего от какой-либо функции в рамках целого. Позже экфрасисом стали называть только описания произведений искусства. Обычно в качестве примера классического экфрасиса приводится описание щита Ахилла в 18-й песне «Илиады» Гомера, где в 120 с лишним строках описывается, что будет изображено на щите, когда его выкует Гефест.

Среди других литературных явлений экфрасис представляется наиболее неопределённым по своей природе. Статус данного явления до сих пор не определён, так же как и не дано до сих пор четкого определения экфрасиса в современной литературе. Явлению экфрасиса был посвящен даже международный симпозиум в Лозанне. Одни исследователи считают экфрасис литературным приёмом, другие – одним из второстепенных литературных жанров. В лотмановском понимании экфрасис – это «текст в тексте» (Лотман, 1970, С.117), используемый для развития, углубления сюжета произведения. В последнее время в литературоведении наблюдается тенденция к толкованию данного термина в более широком смысле. Под экфрасисом принято понимать не приём, а литературный жанр, содержащий описания не только художественных произведений (живопись, скульптура), но и персонажей (Геллер, 2002, С. 53). О.М. Фрейденберг так определяет сущность экфрасиса: «В экфразе мы имеем не описание непосредственной природы, но описание вторичное, описание уже изображенной одним из видов ремесла вещи – описания... Экфраза представляет собой очень древнее описание, описание ещё не природы, но вещи, уже «описанной» более архаическим способом, вещи нарисованной, вытканной, выкованной, сработанной: первое описание направлено сюда, на уже воспроизведённый образ, и в этом заключается самая типичная черта архаиче-

ской мысли, не перерабатывающей культурное прошлое, но наслаивающей новое на старое» (Фрейденберг, 1978, С.15-16). Исследователь делает акцент на истоки вещи, лежащие в акте её сотворения как пересотворения природы, в акте контакта материи и ремесленника. Делание – это вторжение человека в материю, его непосредственное участие в рождении вещи из природных материалов. Вещь таит в себе историю этого контакта, которая дана самим существованием этой вещи. Мастер является конечным звеном референциальной цепочки.

Экфрасис проделал долгий путь в истории мировой литературы. Примеры его встречаются, как уже отмечалось, в античной литературе. В эпоху романтизма экфрасис получает второе рождение. Такая популярность приёма объясняется тем, что романтики, увлеченные идеей синтеза и отбросившие любые жанровые ограничения, смогли увидеть новые возможности художественного описания. Этот приём использовали Вордсворт, Шелли, Байрон, Гоголь. У Китса есть показательный пример данного приёма – стихотворение «Ода греческой вазе», где ваза является единственным предметом описания, единственным образом, на котором строится произведение. По той же схеме построено стихотворение Шелли «Медуза Горгона Леонардо да Винчи во Флорентийской галерее».

Использование экфрасиса как отдельного литературного жанра более характерно для литературы романтизма. Именно в эту эпоху преобладают небольшие по объёму лирические произведения, построенные исключительно на описании. В дальнейшем общая для литературы тенденция к смешению жанров затронет и экфрасис. В романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» экфрасис выступает уже не в качестве отдельного жанра, а как ведущий стилистический приём. Постепенно экфрасис утрачивает свои позиции как отдельный литературный жанр.

Таким образом, своеобразие экфрасиса зависит от эпохи и иерархии искусств в ней, от жанра, от авторской индивидуальности – особенно начиная с эпохи романтизма.

В современной литературе экфрасис получил второе рождение и широкое использование. Писатель, применяющий экфрасис, делает читателя активным соучастником творения текста. Обычно под экфрасисом понимается полное описание визуального объекта, заменяющее изображение, однако всё чаще встречаются произведения писателей, где под экфрасисом понимается любое описание тех или иных визуальных характеристик предмета, в том числе и изображенного.

Экфрасис может включать в себя два принципиально разных пласта. Первый – это изобразимые характеристики объекта. Например, перечисление качеств самой картины или скульптуры, описание их характеристик. Такое описание, соответственно, производится при помощи качественных прилагательных и служит для создания яркого и конкретного образа описываемого произведения искусства. Второй пласт включает в себя свойства, не относящиеся к изображению самому по себе. Это результаты нашего взаимодействия с визуальным объектом, выражающиеся в наделении его эпитетами «колоритный», «очаровательный», «грациозный» и т.д. А также, если мы имеем дело с произведениями искусства, то и описания отдельных технических приёмов автора, его манеры, стиля. Естественно, что такой приём экфрасиса создается при помощи уже оценочных прилагательных и, чаще всего, в таком случае автор не даёт прямых характеристик описываемого объекта, предоставляя читателю возможность самому поработать над образом. Оба пласта взаимопроникают друг в друга.

Экфрасис, занимая промежуточное положение между описанием и повествованием, одновременно является как пространственным, так и временным аспектами и создает особую семиотику художественного текста. «Портрет» Гоголя основан на игре с пространством, связанным с выходом изображения за рамки портрета и образовавшейся пустотой, в которую в финале проваливается сам портрет. Нечто противоположное происходит с героиней из книги П. Трэверс «Мэри Поппинс». В ней ожившая картина пытается пленить героиню, сделав её частью живописного пространства. В главе «Тяжелый день» героиня разбивает фарфоровую вазу и к удивлению своему замечает, что «один из нарисованных мальчиков бросил вожжи и стоял, держась обеими руками за колено». Далее картина из двухмерного пространства превращается в четырехмерное, в ней открывается не только глубина, но и время. По мере того, как Джейн следует за ожившими мальчиками, появляется это четвёртое измерение, благодаря которому Джейн встречает давно умершего прадедушку.

Путешествие Джейн отчасти напоминает «Городок в табакерке» В.Ф. Одоевского. Там пространство изменяется механистично, так как меняются лишь масштабы для того, чтобы Миша мог попасть внутрь и узнать устройство табакерки. Джейн у Трэверс попадает в другой мир, метафизика которого основана на мистике.

Путешествие героя внутрь пространства картины – достаточно частый мотив мировой литературы и внутренне он оказывается связанным с

загробным миром, причем либо иллюстрирует желание смерти, либо экстраполирует смерть в конце сюжета. Так, герой новеллы Р. Вальзера «Клейст втуне», «наклонив лицо, словно приготовившись к смертельному прыжку в эту прекрасную картину глубины, хочет умереть в этой картине, хочет только видеть, превратиться в зрачок» (Лотман, 1970, С. 137). В «Подвиге» В. Набокова герой «вспоминая в юности то время, спрашивал себя, не случилось ли и впрямь так, что с изголовья кровати однажды прыгнул в картину» (Семёнова, 2002, С. 139).

В приведенных примерах экфрасис (означающее) трансформировал означающее, организуя соответствующим образом сюжетное время повествования. Само означающее оставалось стабильным во времени. Статика означающего динамизировала означаемое. Это привело О. Уайльда в его «Портрете Дориана Грея» к парадоксальному развитию сюжета. Писатель модифицировал мотивы, связанные с мифом о Нарциссе и мотив договора человека с дьяволом, связанный с получением эликсира молодости. Он меняет местами означающее и означаемое – неизменный во времени портрет стареет, тогда как Дориан получает вечную молодость портрета. Благодаря такой модификации структура романа резко семиотизируется (Шатиц, 2004, С. 217-226). Исследователи называют роман О. Уайльда одним из самых семиотичных романов XIX века. Портрет теряет свою иконичность и становится символом. Но поскольку он становится символом, он убивает сам предмет, портрет, как вещь. Граница между реальным и фантастическим стирается. В «Портрете Дориана Грея» много чудесного и невероятного, но мы не фиксируем внимание на этом, поскольку это принадлежит целиком фабуле. В сравнении с «Портретом» Гоголя О. Уайльд коренным образом пересматривает роль экфрасиса. Если у Гоголя портрет остается символом, то у Уайльда портрет действует как символ лишь тогда, когда осознается календарное время героя как часть его означаемого. Этим объясняются и различные финалы названных произведений. У Гоголя портрет исчезает, а у Уайльда он сверкает в своем великолепии.

Ярким примером развернутого использования экфрасиса в современной литературе является роман турецкого писателя Орхана Памука «Меня зовут Красный». Если одни авторы использовали экфрасис внутри своих текстов для выполнения разных локальных художественных задач, то Орхан Памук делает выражением экфрасиса сам текст романа, который организован, в традициях исламского искусства, как некий бесконечно вьющийся орнамент, в котором разные фигуры перетекают друг в друга,

сплетаются друг с другом. Маленькие главки выступают как самоценные литературные отрывки, написанные от лица разных персонажей, которые по ходу сюжета вступают в сложные и запутанные отношения.

Подводя итоги, можно сказать, что экфрасис как литературный приём открывает огромные возможности перед современной литературой. Именно поэтому он так интересен и важен для литературоведческого исследования. Несмотря на то, что чёткого определения экфрасиса до сих пор не дано, необходимо указать, по каким признакам в художественном тексте можно выделить данный приём. Все исследователи данного вопроса сходятся в том, что рассматриваемый термин античной риторики обозначает, прежде всего, стилистически нагруженное описание произведения визуального искусства средствами искусства литературного. Так же все участники Лозаннской конференции единодушны в том, что экфрасис, кроме всего прочего, несет в себе некий сакральный смысл, знаменует связь мира бытового с миром иного, непознаваемого («экфрасис, который пользуется системой произвольных, немиметических знаков, может (у Гоголя) изобразить неизобразяемое» (Франк, 2002, С. 35); «экфрасис в творчестве Вяч. Иванова выражает ... желание приобщиться к инобытию, к “миру Иного”, быть его “магическим зеркалом”» (Цимборска-Лебода, 2002, 2002, С. 76); «экфрасис имеет следствием освобождение вещи (описываемого предмета) от её материальности, вещественности» (Ланн, 2002, 2002, С. 159)). Не смотря на то, что исследования участников базируются на материале русских писателей, можно предположить, что данное утверждение будет справедливо и для нашего исследования.

Еще одним признаком использования экфрасиса является его оформление в тексте с помощью лексических средств выразительности. Поскольку экфрасис – это стилистически нагруженное описание предметов визуального искусства, он будет создаваться в тексте, прежде всего, при помощи большого числа эпитетов, причем они могут носить различный характер. Для того, чтобы вызвать определенную эстетическую реакцию у читателя, автор может использовать как яркие оценочные прилагательные, которые передадут отношение либо автора, либо персонажа к описываемому, и которые не будут напрямую характеризовать произведение искусства, так и качественные прилагательные, которые будут акцентировать внимание в первую очередь на фактуре описываемого предмета.

Графически экфрасис может быть выделен в тексте повествования, но так же он может органически вплестаться в него вне зависимости от его

размера. Рассматриваемый приём может прерывать время повествования, но с таким же успехом развитие действия может продолжаться внутри описания. Таким образом, данные признаки нельзя назвать постоянными признаками использования экфрасиса, так как они напрямую зависят от целей, которые преследует в тексте писатель, они могут только помочь глубже понять авторский замысел, передать сложные отношения времени и пространства в художественном тексте.

Итак, автор данной работы приходит к выводу, что примерами экфрасиса можно считать стилистически нагруженные описания произведений визуального искусства, которые характеризуют связь героя с миром нематериального.

Литература

1. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: сб. тр. Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С. 5–23.
2. Ланн, Жан-Клод О разных аспектах экфрасиса у Велимира Хлебникова // Экфрасис в русской литературе. — М.: МИК, 2002. С. 71-86.
3. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 285 С.
4. Семёнова Н.В. Цитата в художественной прозе (на материале произведений В. Набокова). – Тверь: Тверской гос. ун-тет, 2002. 200 С.
5. Франк, С. Заражение страстями или текстовая "наглядность": Pathos и ekphrasis у Гоголя // Экфрасис в русской литературе. – М.: МИК, 2002. – С. 31-41.
6. Фрейденберг О.М. Образ и Понятие. // Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 605 С.
7. Цимборска-Лебода М. Экфрасис в творчестве Вячеслава Иванова (Сообщение – Память – Инобытие) // Экфрасис в русской литературе. — М.: МИК, 2002. С. 53-70.
8. Шатин Ю.В. Ожившие картины: экфрасис и диегезис // Критика и семиотика. Вып.7. – Новосибирск: НГУ, 2004. С. 217-226.

**РАЗВИТИЕ ПАРАДИГМЫ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
С ВРЕМЕННОЙ ПРЕДИКАТИВНОЙ ЕДИНИЦЕЙ
ПРИ НАСТОЯЩЕМ ВРЕМЕНИ В ГЛАВНОЙ ЧАСТИ
НА ПРОТЯЖЕНИИ НОВОАНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

В данной статье рассматривается развитие парадигмы сложного предложения с временной предикативной единицей при настоящем времени в главной части на протяжении новоанглийского языка. Определяются наиболее характерные соотношения видо-временных форм.

Ключевые слова: сложное предложение, полипредикативное предложение, новоанглийский период, предикативная единица.

Сложное предложение (СП) с временным придаточным является одним из наиболее частотных видов сложного предложения, что вполне объяснимо, поскольку цепь событий и действий персонажей развиваются в пространстве и времени. Актуальность данного исследования заключается в том, что сочетаемость времён между частями СП в английском языке существенно отличается от правил их сочетаемости в русском языке и полученные результаты могут представлять практический интерес в процессе обучения английской грамматике. А описание всех типичных случаев сочетания времён между главной и придаточной частью позволит сделать определённые практические рекомендации и, таким образом, представляет практический интерес.

Начнём наш анализ с форм настоящего времени неопределённого вида.

Как отмечают грамматисты, «формы неопределённого вида (Simple) не характеризуют действия со стороны характера его протекания, они только констатируют его наличие (или отсутствие) и помещают его в тот или иной временной отрезок» (Иванова, 1981, С. 56). Форма PresentSimple, естественно, помещает действие во временной интервал настоящего. Посмотрим, какие же при этом имеют место соотношения видо-временных форм в СП с временной ПЕ.

1.1. Первый вид соотношения форм глаголов – сказуемых главной и зависимой ПЕ можно представить как "PresentSimple – PresentSimple".

Этот вид соотношения относится к числу ведущих во всех подпериодах РР новоанглийского языка. В РНА подпериодчисло таких примеров со-

ставляет 84 % исследуемого материала, в США – 76, 5 % и в СА –85% .

Такое соотношение времён используется, во-первых, для констатации регулярного, обыденного положения вещей. Например:

РНА.

When the wind is southerly, I know a hawk from a handsaw. (Sh, ТТ,39)

But cruel are the times, when we are traitors, and do not know ourselves.

(Sh, ТТ, 148)

СНА.

When a girl finds a fellow's outside to her taste, she sets about guessing the rest of his furniture. (G, Sh, 62)

For now, when gentleman is ruined, he parts with his house with some credit. (Sheridan,328)

СА.

A man can't sit down and write his life day by day when he is tired enough with having lived it. (SEL, 143)

Эта же оппозиция используется для выражения жизненных наблюдений, философских изречений. Приведём пример:

РНА.

All beasts are happy when they die. (M, ТТ, 182)

'Tis most sweet when in one line two crafts directly meet. (Sh, ТТ, 67)

СНА.

A man is tired of getting the better before his wife is tired of loosing the victory. (G, 25)

Love still suggests the beauty, and seeswhile reason's blind. (Sheridan, 125)

СА.

When you let them into your life , you find that the woman is driving at one thing and you are driving at another. (B, Sh, 37)

Считаем необходимым отметить средства, за счёт которых достигается обобщение, помимо значения самой глагольной формы:

Во-первых, использование обобщённо – личных местоимений: you, we, they и существительного собирательного значения «people».

РНА.

Wills us to wear ourselves and never rest untilwereach the ripes fruit of all. (M, ТТ, 25)

СНА.

And betray us whenwe most want to excel. (G,Sh, 48)

We never feel them when they come. (G,74)

CA.

When you see a woman in front of her bedroom mirror, you realise what a refined sort of a butcher she is. (MEP, 51)

But then, when people put down their weapons, it doesn't mean they've necessarily stopped fighting. (MEP, 128)

Наряду с вышеназванными средствами для обозначения обобщения употребляется также неопределённый артикль – а, числительное – one, местоимения some, any:

PHA.

When a man's verses cannot be understood it strikes a man more dead than a great reckoning in a little room. (SH, As, 58)

Yet what can it when one can not repent? (Sh, TT, 61)

For some must watch, while some must sleep. (Sh, TT, 56)

CHA.

When a husband entertains a groundless suspicion of his wife, the original compact is broken. (Sheridan, 278)

When a scandalous story is believed against one, there is no comfort like the consciousness of having deserved it. (Sheridan, 235)

CA.

Some things grow more when they are not talked about. (MED, 124)

I think when you love someone you should do so, knowing that one day you will hate them. (MED, 415)

Обобщение также достигается при помощи употребления существительного men, имеющего собирательное значение. Приведём примеры:

PHA.

For they are friends that help to wean my state, till men and kingdoms help to strengthen it. (M, TT, 11)

Rosalind: No, no, men are April when they woo, December when they wed. (Sh, As, 70)

В – третьих, соотношение «Present Simple – Present Simple» используется и для выражения регулярных, повторяющихся действий. В таких предложениях, как правило, наблюдается наличие союза -whenever, наречий частотности – always, never, sometimes.

PHA.

I always smile to think when this field is fought. (M, TT, 100)

Whenever I ask, I am not to be put off. (M, TT, 37)

Never let them lie, till famine and the argue eat them up. (Sh, TT, 163)

СНА.

Whenever I ask, I am not to be put off, madam.(G,40)

I neversee you when you are in spirits.(G,Sh,53)

When I travel I alwayschose to regulate my own supper.(G,Sh,38)

СА.

– I alwaystake them when my brain is overlooked. (SEL, 139)

Well you see, whenever I stand up, I' m afraid my underpants will fall down and it's very uncomfortable feeling in compony. (MED,426)

4. Соотношение «PresentSimple – PresentSimple» может использоваться для передачи одновременных и разновременных действий. Как пишет Э. Н. Калинина, «одновременность как грамматическое явление языка имеет своё семантическое содержание: действий главного и придаточного предложений протекают в один и тот же момент» (Калинина, 1975, с. 6).

Одновременность действий подчёркивается за счёт использования временного союза while. Напрмер:

РНА.

And in my blood wash all your hands at once, while I sit smiling to behold the sight. (M, TT, 91)

But while my brothers follow arms, my lord, let me accompany my gracious mother. (M, TT, 74)

СНА.

While he is with them I may go out with safety.(Sheridan, 110)

While poor Charles has no friends in the house, I fear, he has a powerful one in Maria's heart, against whom we must direct our schemes. (Sheridan, 236)

СА.

And it is my wish, while yet I live...(B.Sh,44)

So while you stand there he pretends to be asleep as asleep can be, except that sometimes he sterts shivering, which spoils the effect. (MED, 104)

Как видно из приведённых примеров, действия сложноподчинённого предложения «замыкаются в пределах одной временной сферы и это отражено в грамматической монотемпоральности главной и придаточной частей предложения» (Калинина, 1975, с. 9).

Однако встречаются случаи, когда соотношение «PresentSimple – PresentSimple» употребляется для выражения разновременных действий, то есть действия во времени их протекания не совпадают, что подчёркивается временными союзами till, before.

РНА.

He dies that touches any of this fruit till I and my affairs are answered.
(Sh, As, 42)

Sacrifice my heart to death and hell before I yield to such a slavery. (M, TT, 42)

СНА.

I'm not a complete rogue before I turn the corner. (Sheridan, 260)

He always stands out and higgles and actually tires them till he gets a bargain. (V,G,87)

СА.

For till the dawn of love is there, I feel no day, I own no light. (B.Sh, 124)

I am therefore impatient till you are mine. (B.Sh, 207)

1.2. Второй вид соотношений в сфере настоящего представлен оппозицией «PresentSimple– PresentPerfect».

Наряду с PresentSimple, в придаточной части сложного предложения может употребляться и видо – временная форма PresentPerfect, число таких примеров в XVI веке равно 6 %, в XVIII – 8,5% и в современном языке – 7% от общего числа примеров в сфере настоящего.

Перфект настоящего времени передаёт завершенность действия к моменту речи; он не требует особого указания в тексте посредством обстоятельства времени, хотя оно при желании и может быть указано.

Перфект предельных глаголов передаёт достижение предела действия, при необходимости акцентировать его. Напомним, что предельные глаголы – «это глаголы, обозначающие такое действие, которое по достижении предела не может продолжаться» (Иванова, 1981, С. 49), т.е. действие исчерпывает себя. Таковы глаголы, например, to meet, to make, to catch, to come, to arrive, to discover, to finish, to give. Они достаточно активно используются в РР новоанглийского периода развития английского языка:

РНА.

I perceive only that you answer one gentleman before he has finished, and the other before he has well begun. (Sh, As, 75)

Expect Saint Martin ' s summer, halcyon days, since I have entered into these wars. (Sh, C, 4)

СНА.

Why, than, you wonder before I have given you a proof of it? (Sheridan, 212)

I perceive only that you answer one gentleman before he has finished, and the other before he has well begun. (G,50)

СА.

The real tragedy of Haffiganis the tragedy of his wasted youth... until he has become a clod and a pig himself...(SEL, 156)

Зарегистрированы также и перфектные формы неопределённых глаголов, которые не содержат указание на ограниченность протекания обозначаемого ими действия; в этом случае "предел может мыслиться как поставленный извне., но не вытекающий из семантики глагола: tosleep, tolive, tobelong, toenjoy, tothink". Например:

РНА.

What dreams come true, when we have thought of this. (Sh, TT,46)

Before the sun have measured heaven with triple circuit, thou regret us not. (M, TT, 29)

СНА.

And yet forbear to speak, till I have thought.(L,315)

СА.

It's a habit peoplehavewhen they've lived at close quarters for long. (MED, 386)

Употребление перфекта неопределённых глаголов в придаточном предложении означает прекращение действия к моменту речи, без достижения предела.

1.3.Оппозиция «Present Perfect – Present Simple».

Наряду с вышеописанными сочетаниями видов – временных форм в главном и придаточном предложениях, встречаются также употребления разряда PresentPerfect в главной части и PresentSimple в придаточной. Такое сочетание встречается крайне редко (2% от группы примеров в сфере настоящего), но и они имеют место только в материале РНА периода. Например:

Hath spread his colours to our high disgrace, while you faint – hearted base Egyptanslie slumbering on the flow 'ry banks on Nile. (M, TT, 40)

And oft hath warn 'd thee to be still in field, when he himself admidst the thickest troops. (M, TT, 100)

Употребление формы PresentPerfect в главной части означает завершение действия и наличие результата, то есть, действие в главной части предшествует действию в придаточной.

When a man thanks me heartly, I have given him a penny. (Sh, As, 38)

1.4.Третий вид соотношения в сфере настоящего «PresentSimple-PresentContinuous».

В нашем материале отмечены соотношения, когда в главной ПЕ употреблена форма Present Simple, а в зависимой Present Continuous. Такое соотношение также не типично для РР новоанглийского периода. В XVI – XVII веке оно составляет всего 1 %, в XVIII – 2%, а в современной РР это соотношение насчитывает 1% исследуемого материала. Эта оппозиция используется в экспрессивной функции, когда при параллельных действиях форма Continuous подчёркивает процессуальность, непрерывность нежелательного действия. Например:

РНА.

– And I think she never appears to such advantage as when she is doing everything in her power to plague me. (M, TT, 28)

СНА.

... ye eat, and swill, and sleep, and thrive, while we are wasting in mortification. (Sheridan, 164)

But one cannot help when the house is going out of the windows. (V, G, 178)

СА.

She smokes and keeps her cigarette in her mouth when she's talking. (MED, 68)

I always seem to be at the end of the queue when they're passing information out. (MED, 290)

1.5. Оппозиция "Present Continuous-Present Simple".

Наряду с вышеописанными сочетаниями видов – временных в главном и придаточном предложениях, встречаются также употребления разряда Present Continuous в главной части и Present Simple в придаточной. Такое сочетание отмечено в материале средненовоанглийского подпериода (2% от группы примеров в сфере настоящего) и в современном материале (6%):

Действие, выраженное длительным разрядом, в этом случае мыслится как непостоянное, ограниченное в отрезке времени, которое уточняется временным придаточным.

СНА.

I'm only robbing the public while I detain you. (G/38)

СА.

And when he looks at me –

What's he thinking? (MED, 137)

Таким образом, придаточное времени здесь выступает как временной центр, указывающий на параллельное протекание другого действия.

Последний пример интересен с точки зрения построения. Предложение разделено посредством «тире». Такой процесс называется «парцеляция», то есть содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух

или нескольких интонационно – смысловых речевых единицах.

Итак, выше были рассмотрены все случаи, когда и в главной, и в зависимой временной ПЕ сказуемые выражены видо – временными формами настоящего.

1.6. Соотношение времён Present-Past составляет 7% от примеров в сфере настоящего в ранненовоанглийском подпериоде, 13% – в среднеанглийском подпериоде и только 1% – в современном языке. Во всех подпериодах встречается оппозиция «PresentSimple – PastSimple», составляющая 5 % – РНА, 2% – СНА, 1% – СА. Например:

РНА.

They were all like one another as halfpence are; every one fault seems monstrous till his fellow fault came to match it. (Sh, As, 55)

The general welcomes Tamburlaine receiv'd when he arrived last upon our stage. (M, TT, 66)

СНА.

I remember when poverty began to show her face. (L, 299)

Your talking of a retreat puts me in mind of Duke of Marlborough, when we went to besiege Denain. (G, Sh, 33)

СА.

And when they finished one finally they can hardly remember where they put it. (MED, 403)

Таким образом, во временном придаточном описываются события, уже имевшие место, которые вспоминаются говорящим – об этом свидетельствует семантика сказуемого главной части – to remember, to put in mind, to imply.

1.7. В двух подпериодах новоанглийского языка встречается также соотношение «PresentPerfect -PastSimple» (XVI – XVII вв. – 2 % от числа примеров в сфере настоящего, XVIII в. – 9%):

РНА.

Since his majesty went into the field, I have seen her rise from her bed. (Sh, TT, 157)

Who still hath cried from the first corset till he that died today. (Sh, TT, 12)

СНА

My sister has been with her aunt since she was a child... (G, 30)

You haven't been here, I believe, since I fitted up this room. (Sheridan, 280)

Из приведённых примеров видно, что форма PresentPerfect в этих случаях передаёт длительное действие, то есть выступает в роли PerfectContinuous, которое не может употребляться с глаголом to be; при-

даточное времени вводится союзом *since* и обозначает начальный момент действия или процесса, о котором идёт речь в главной части.

Соотношение «Present Perfect Continuous – Past Simple» зарегистрировано впервые в материале XVIII века:

I have been starving with him ever since I saw your honourlasy. (Sheridan, 178)

You have been dosing me since I was born. (G,Sh, 53)

В этом случае в главной части выражается длительное действие, апридаточное времени передаёт его начальный момент. Форма PerfectContinuous сформировалась в языке довольно поздно, что может объяснить её отсутствие в материале ранненовоанглийского подпериода; однако эта форма не отмечена и в современном материале. Следовательно, можно предположить, что она в целом мало характерна для PP в силу её «тяжеловесности».

Итак, мы рассмотрели все возможные сочетания видо-временных форм в сложном предложении с временной ПЕ при настоящем времени глагола в главной ПЕ. В абсолютном большинстве случаев настоящему времени в главной ПЕ также соответствует настоящее время; при этом в 84 % (РНА), 76,5 % (СНА), 85% (СА) имеет место также полное тождество и видовых характеристик PresentSimple – PresentSimple; примеры такого рода (а на их долю приходится более $\frac{3}{4}$ исследуемого материала во всех трёх подпериодах) свидетельствуют, с одной стороны, об обыденной, повседневной тематике разговора, а с другой – о стремлении собеседников к использованию простейших видо – временных форм глагола в сложном предложении в данном стиле.

Литература

1. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика английского языка: Учебник/– М.: Высш. школа, 1981. 354 С.
2. Калинина Э. Н. Свободная и формальная сочетаемость времён в английском языке. Автореферат диссертации на соискание учёной степени к. ф. н. Ленинград, 1975. 16 С.

Источники фактического материала и принятые в работе сокращения

1. Collected Works of Oliver Goldsmith. Volume V. Oxford, Glarendon Press, 1966. (G)
2. The Dramatic Works of George Lillo. Oxford, Glarendon Press, 1999. (L,)
3. Oliver Goldsmith. She Stoops to Conquer. USA, Washington Square Press, 1972. (G, Sh)
4. Oliver Goldsmith. The Vicar of Wakefield. New York, Langer books, 1968.(V,G)
5. R.B. Sheridan. Complete Plays. Great Britain, Collins Clear-Type Press, 1954. (Sh)

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР ОСКАРА ЛЁРКЕ

В статье анализируются поэтические образы мира в лирике немецкоязычного поэта Оскара Лёрке. Показана нравственно-эстетическая ценность его творчества.

Ключевые слова: Оскар Лёрке, магическая природная лирика, экспрессионизм, образ мира.

Оскар Лёрке (Oskar Loerke, 1884 – 1941), один из основателей магической природной лирики и ярчайший представитель этого течения в немецкоязычной поэзии первой половины двадцатого века, родился в Западной Пруссии. Реку Вислу он называл своей «второй матерью», а небо над ней – «своим вторым отцом» (Gebhard, 2007, С. 94). Первые стихи начинающего поэта, навеянные рассказами его няни-полячки о мертвецах и чертях, были им написаны на польском языке. С 1907 г. он изучал в Берлине германистику и историю, философию, искусство и музыку. Прервав обучение, в 1908 – 1912 гг. он отправился в длительное путешествие по Германии и Франции. Яркие впечатления от поездок он записывал в дневник, который служил ему своеобразной кладовой будущих образов и мотивов. Премия имени Клейста, присуждённая Лёрке в 1913 году, позволила ему вновь совершить длительные поездки в Италию и Алжир, а также дала возможность издать первый сборник стихотворений (1915).

Несмотря на то, что природа занимает в творчестве Лёрке центральное место, его нельзя упрекнуть в уходе во внутренний мир и оторванности от происходящих политических событий. Одним из первых немецких поэтов он осудил националистические настроения в обществе, вызванные Первой мировой войной. Всеобщую военную мобилизацию он открыто называл «самым худшим и злейшим, что только мог выдумать человек» (Gebhard, 2007, С. 94).

С 1917 года Лёрке в качестве лектора издательства С. Фишера делал критический обзор поэзии начинающих поэтов. Работа отнимала много времени и сил. Итальянское путешествие совместно с Г. Гауптманом позволило не только хорошо отдохнуть от тягостной работы в Прусской Академии искусств (созданная в 1926 году секция поэзии выбрала Лёрке членом, затем сенатором и секретарём), но и послужило импульсом для

создания новых стихотворений. Приход к власти нацистов круто изменил положение Лёрке. Он был снят с поста секретаря, тем самым лишился средств к существованию. По настоянию еврейского издателя Самюэля Фишера, опасавшегося потерять издательство, дело всей его жизни, Лёрке подписал в октябре 1933 года верноподданническое заверение в покорности Гитлеру. Это стоило ему мучительных нравственных страданий. По его словам, он не знал, сумеет ли с этим дальше жить.

В 1934 году на Лёрке по случаю его полувекового юбилея обрушился шквал хвалебных статей и поздравлений. Он почувствовал себя необычайно счастливым и отметил в дневнике, что теперь уверен, что его стихи не пропадут, прежде чем окажут своё воздействие на читателей (Gebhard, 2007, с. 102). В этом же году вышел в печать шестой том его стихов под названием «*Silberdistelwald*» («Серебряный лес чертополоха»).

Тяжёлые переживания Лёрке тщетности своей деятельности в Академии, боль унижения и разочарования из-за подписанного документа подтачивали его здоровье. Предчувствуя близкую кончину, Лёрке просил в своём завещании причиной смерти считать не болезнь, а его душевные переживания по поводу падения ценности литературы и лирики в индустриальном обществе (Gebhard, 2007, с. 102). Обращаясь к друзьям, он просил помнить, что «никогда не предавал человеческую честь и достоинство» (Gebhard, 2007, с. 95). Лёрке умер в 1941 году от болезни сердца.

Хотя Лёрке всячески отделял себя от экспрессионистов, упрекая их в приспособленчестве, некоторые черты этого течения нашли своё воплощение в его творчестве, особенно в ранних стихотворениях. Так, в стихотворении «*Die Einzelpappel*» («Одинокий тополь») мир предстаёт разорванным, больным: «*Darüber stehn wie eiternde Geschwüre / die Wolken. // Drin klafft, wie wenn er ewig bluten werde, / ein wunder Spalt von roter Fieberfarbe.../»*⁶ (Lörke, 1984, с. 27). Яркие, пронзительные краски, болезненные образы, деформированное видение лирического субъекта передают его лихорадочно-возбужденное состояние. Метафорические образы создают экспрессионистскую фантастическую картину мира, в центре которой страдающее и кричащее Я.

Сначала лирический субъект свою боль делегирует «земле», затем берёт всю боль на себя.

⁶ «Над ним стоят, как гноящийся нарыв, / облака. // В них зияет, как будто вечно будет кровоточить, чудная расщелина красного лихорадочного цвета». (Здесь и далее перевод автора. – И.М.)

Schon Nacht. Nichts mehr als Sturm. Narr ich! Ich darbe
Nach Licht, nur ich! Ich bin der Schrei: Licht, werde!
Ich bin der Finger in der Feuernarbe
Und gebe meine Qual der ganzen Erde:
Hilf mir! 7 (4, с. 27)

Шквал эмоций, взрыв чувств, переполняющих Я, экстаз и средоточие боли, постепенно сменяются более спокойным настроением. Лёрке обращается к типично экспрессионистской тематике – теме «человек и большой город». Однако его лирическое высказывание, теряя пронзительность и напор, приобретает ровный и осознанный характер. При этом образы всё так же необычны и яркие.

Так, в стихотворении «Blauer Abend in Berlin» («Голубой вечер в Берлине») заметны черты импрессионизма и экспрессионизма, однако Лёрке удалось найти индивидуальный поэтический язык. Город – плод трудов человека, вытесняет его. Более того, город вступает в противоборство с самой природой. От него исходит угроза и для природы, и для самого человека, соорудившего большой город, где теперь не находится для него места. Однако ситуация, намеченная в духе экспрессионистов, разрешается у Лёрке иным способом. Благодаря сложной игре мотивов, тем и образов в их взаимодействии, сопоставлении и противопоставлении образ большого города развёртывается в поэтический образ мира, в котором есть место человеку. Система мотивов (мотив перевёрнутости, похожести, движения туда-сюда, игры света и тени) генерирует сквозной мотив, мотив игры. Так задаётся модус восприятия мира не как средоточие зла, боли и смятения, где царят смерть и неизбежная гибель в духе экспрессионизма, но вера в разумное поведение человека, в его способность гармонично встраиваться в высший порядок, действующий в природе.

Субъект не является теперь целью лирического высказывания, но только его исходной точкой. В стихотворении звучит в большей степени голос самих вещей, чем голос поэта. Лирический субъект теперь не вторгается в природу, не проецирует на неё своё возбуждённое состояние, но прислушивается к ней, к динамике происходящих в ней её собственных процессов. Так, природа у Лёрке предстаёт в образе Пана, античного бога лесов и полей, охотников и пастухов («Panmusik» – «Музыка Пана»):

⁷ «Уже ночь. Ничего, кроме бури. Глупец! Мне / не хватает света, только мне: Я – крик: Свет, свети! / Я – перст в огненном рубце / и отдаю свои муки всей земле: Помоги мне!»

«Heut fährt der Gott der Welt auf einem Floße, / er sitzt auf Schilf und Rohr, / und spielt die sanfte, abendliche, große, / und spielt die Welt sich vor»⁸ (2, с. 221).

В стихотворении «Ans Meer» («К морю») снимаются пространственные и временные границы. Однако в единении с природой лирический субъект не сливается с ней.

«Der Nebel reißt, der albisch kroch
Aus meinem Blut zum Totenfeld:
Ein Morgen scheint ins Wolkenloch
Hoch auf die Welt.»⁹ (5)

Лирическое Я физически чувствует связь времён, видит древние города и давно вымершие народы:

«Ein Weg weist nach Byzanz und Rom,
Für mich betritt ihn der Barbar.
Im Stein verwittert schon am Dom
Sein Mund, sein Haar.»¹⁰ (5)

Однако Я не застревает в далёком прошлом. Силой своего воображения он перебрасывает мостик в настоящее, позволяя прошлому длиться:

«Doch wann bin ich? Der Morgen währte,
Ein Rauschen ruft, ein Meer ist nah...»¹¹ (5)

Перед «ликом» всегда длящейся природы Я связывает в себе усилием мысли прошлое и настоящее. Образ моря также поддерживает мотив изменчивости и одновременно постоянства, жизни и смерти. Море и накормит и отберёт жизнь, оно вечно.

Амбивалентное восприятие мира разрабатывается также в стихотворении «Der Silberdistelwald». Лирический субъект восклицает: «Mein Vater du, ich hüte, / ich hüte dich, mein Sohn»¹² (Lörke, 1984, с. 402). Он максимально приближается к Пану – богу леса и всей природы, – называет его

⁸ «Сегодня мировой бог плывёт на плоту, / он сидит на тростинке камыша / и играет нежную, вечернюю (мелодию мира), / и мир играет (её) сам по себе».

⁹ «Туман рвётся, он нелепо выполз / из моих жил на поле смерти. / Утро светит сквозь дырку в облаках / свысока на мир».

¹⁰ «Дорога ведёт в Византию и Рим, / Я вижу: по ней идёт варвар. / В камне на стенах собора тронуты временем / Его рот, его волосы».

¹¹ «Но когда я? Утро длится, / Шум прибоя зовёт, море близко...»

¹² «Мой отец ты, я храню тебя, / я храню тебя, мой сын».

отцом и клянётся оберегать его, при этом он также осознаёт себя сыном природы, оберегаемым природой. Сложное переживание амбивалентности чувств лирического Я завершается его «исцелением». Надёжно запертый за стенами своего дома, изолированный от внешнего мира, лирический субъект распахивает своё сердце, соединяясь с природой.

Преодоление собственной изоляции, открытость миру, умение видеть в явлениях жизни великий и вечный смысл самой жизни – в этом исцеляющая сила магии пейзажной лирики Лёрке. Цветок чертополоха, брошенный Природой вслед Пану, для глубокого причастия – священного таинства соединения с богом. Чертополох, обладающий способностью исцелять и оберегать, оказывается и знаком и посредником, благодаря которому происходит великое таинство причастия и лирического субъекта миру.

Именно это единение с природой придаёт твёрдость и мужество переживать экзистенциальную границу:

«Komm durch Umnachtetes!
Eine Handvoll Sand
Wie das Verweste
Deines eigenen Leibes, –
Staune, wie es vorbei dir fliegt!» 13 (Lörke, 1984, с. 238)

Мотив двойственного восприятия мира: человек трактуется как одновременно и приносящий вред природе и страдающий от своих действий («Blauer Abend in Berlin»), природа – отец и одновременно сын («Der Silberdistelwald») – получает развитие: «Ich bin Trinker und bin Trunk der Trauer» 14 («Der Wein der Nacht» – «Вино ночи») (Lörke, 1984, с. 185). Формула поэта созвучна шопенгауэровскому мотиву: Я и жертва, и палач в одном лице. Эту мысль Лёрке выражает ещё более остро: «Ich bin die unbarmherzige Schnur: / Gemordetes und Mörder bin ich auf Erden»¹⁵ (Lörke, 1984, с. 248).

В самом общем виде можно говорить, что речь идёт о границе. Образ шпагата, шнура как нельзя более передаёт двойственную природу границы, соединяющей и одновременно разделяющей. Граница, завершая одно, позволяет начаться другому. Дифференцирующая функция границы дела-

¹³ «Пройди через помраченье! / Горсть песка, / Как разложившееся / Твоё собственное тело, / Удивись, как всё это пролетает мимо тебя!»

¹⁴ «Я пьющий, и я глоток скорби».

¹⁵ «Я жестокий край: / убитый и убийца я на земле».

ет возможным существование явления, либо вещи, поскольку организуется внутреннее пространство. Вместе с тем граница сигнализирует о смене кода. (Мельникова, 2011, с. 9 – 26). Осмысление этого феномена, привлекающего к себе внимание философов, культурологов и художников первой половины XX века, находит, пожалуй, наиболее полное поэтическое воплощение в следующих строках Лёрке: «Es freut sich der Schmerz, der Jubel weint auf, / Sie sind ganz bei dir, los aller Zeit»¹⁶ (Lörke, 1984, с. 253). Боль таит в себе радость, ликование – слёзы.

В заключение отметим, что поэтическая картина мира, созданная Оскаром Лёрке, явилась нравственной опорой и духовным ориентиром для его современников в мрачные для Германии времена, когда на неё опустилась духовная ночь. Жизненный и творческий путь поэта по праву может быть признан достойным образцом для подражания. Им восхищались и преклонялись перед его поэтическим талантом блестящие поэты, такие как Вильгельм Леман, Йоганнес Бобровский, Карл Кролов. Отрадно признавать, что интерес к творчеству Оскара Лёрке, таящему много интересных наблюдений и открытий, не ослабевает и в настоящее время.

Литература

1. Bobrowski J. Meine liebsten Gedichte. Eine Auswahl deutscher Lyrik von Martin Luther bis Christoph Meckel. Union Verlag Berlin. 1985. 432 S.
2. Gebhard W. Oskar Loerke // Deutschsprachige Lyriker des 20. Jahrhunderts. Hg. von U. Heukenkamp und P. Geist. Berlin, 2007. S. 94-107.
3. Lörke Oskar. Die Gedichte. Hg. Von Peter Suhrkamp. 2 Bde. Frankfurt Main 1984. 530 S.
4. Мельникова И.М. Изоляция: биографический опыт границы и художественный язык границы: Монография. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2011. 185 С.
5. Режим доступа URL: www.poetenladen.de/gedichte/oskar-loerke.php (Дата обращения 12.02.2013)

¹⁶ «Радуеться боль, ликование всплакнёт. / Они полностью с тобой, вне времени».

ОСОБАЯ РОЛЬ ДИСКУРСИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ МОНОЛОГИЧЕСКОМУ ВЫСКАЗЫВАНИЮ

В статье представлена дискурсивная компетенция как одна из важнейших составляющих для обучения монологическому высказыванию. Рассматриваются варианты определения дискурсивной компетенции, ее взаимосвязь с другими существующими компетенциями. Определяется ее сущность и роль в формировании коммуникативной компетенции в целом. Перечисляются важные параметры дискурса и его составляющие. Отмечаются проблемы, возникающие при обучении монологическому высказыванию и актуальность развития навыков дискурсивной компетенции для успешного решения перечисленных проблем.

Ключевые слова: дискурс, коммуникативная компетенция, дискурсивная компетенция, монологическое высказывание

В современных условиях будущему специалисту наиболее важно владение умениями иноязычного общения в профессиональном контексте, в процессе которого у коммуниканта возникает необходимость сообщить достаточно полную, емкую информацию, прокомментировать событие или высказать свое мнение, что по ходу ведения диалога перетекает в более продолжительное, связное монологическое высказывание. При этом возрастает роль дискурсивной компетенции, без которой невозможно построить связное, логичное высказывание.

Дискурсивная компетенция, включающая владение приемами организации текстовой информации, средствами общения и жанрово-структурными элементами языка, служит инструментом развития языковой личности. Особое значение дискурсивной компетенции обусловлено взглядом на дискурс как на реализацию в речи личностных смыслов, отражающих личностную потребность самовыражения и обеспечивающих необходимую мотивацию общения. Важность дискурсивной компетенции для полноценного монологического высказывания отмечается многими отечественными и зарубежными учеными (Елухина, 2002, Кучеренко, 2000, Сеница, 2002, Ежова, 2006, Boyer, 2002, Canale, 1983, van Ek, Moirand, 1990 и др.¹⁷).

Умение строить самостоятельные иноязычные монологические высказывания является одним из важнейших показателей владения иностранным языком (Р.П. Мильруд, С.И. Заремская, А.А. Слободчиков, Е.Н. Со-

лова, Н.И. Смирнова, И.Л. Бим). Между тем, практика обучения показывает, что возникают разного рода проблемы при создании монологического высказывания:

во-первых, учащиеся часто не осознают цели монологического высказывания

во-вторых, учащиеся нередко плохо ориентируются в теме, по которой необходимо высказаться

в-третьих, учащиеся не владеют структурой высказывания, не знают, с чего начать, что сказать далее и как завершить высказывание.

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что актуальность обучения дискурсивной компетенции в сфере устного общения обусловлена ее значимостью для полноценной коммуникации и выражения собственных мыслей в логической, последовательной манере, понятной себе и окружающим.

Для того чтобы разработать методику формирования дискурсивной компетенции при обучении монологическому высказыванию и тем самым решить поставленную перед нами задачу, необходимо, прежде всего, определить сущность данной компетенции и установить ее роль в формировании коммуникативной компетенции в целом. В современной науке имеется ряд фундаментальных работ, посвященных проблеме формирования коммуникативной компетенции, в которых исследуются различные аспекты данного вопроса: рассмотрена организация эффективной речевой коммуникации (Н.Д. Арутюнова, А.Л. Блинов, Л.А. Введенская, Е.В. Клюев и др.), освещены проблемы формирования коммуникативных компетенций в методике преподавания иностранных языков (И.М. Бим, Н.И. Гез, Е.И. Пассов, В.В. Сафонова, Е.Н. Соловова, Т.Г. Винокур, Ю.Н. Караулов, Н.И. Гез, Т. Леонова, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева, А.Е. Петров, Е.С. Полат и др.); рассмотрена методология организации профессиональной подготовки специалиста на основе межкультурной коммуникации (Т.Н. Астафурова, В.П. Фурманова, О.А. Артемьева, М.Н. Макеева, Р.П. Мильруд).

В связи с большим количеством работ, посвященных коммуникативной компетенции, в современной литературе существует множество определений данного понятия. Чаще всего коммуникативная компетенция определяется как «способность решать средствами иностранного языка актуальные для учащихся и общества задачи общения из бытовой, учебной, производственной и культурной жизни; умение учащегося пользоваться фактами языка и речи для реализации целей общения».

В методический обиход понятие «коммуникативной компетенции» было введено Д. Хаймсом. Он выделял в структуре коммуникативной компетенции грамматическую, социолингвистическую, стратегическую, дискурсивную компетенции.

Ряд исследователей (Д.Хаймс, О.Е.Ломакина, Е.Н.Соловова, В.В.Рыжов, Н.В.Елухина, О.И.Кучеренко) выделяют последнюю, а именно дискурсивную компетенцию как одну из основополагающих компетенций, входящих в структуру коммуникативной компетенции. В данной работе внимание будет обращено именно на дискурсивную компетенцию, которая является неотъемлемой частью коммуникативной компетенции, а последняя, в свою очередь, не мыслиться без дискурсивной.

Дискурсивная компетенция представляет собой «знание различных видов дискурсов и правил их построения, а также умение их создавать и понимать с учетом ситуации общения».

К наиболее важным параметрам дискурса относятся:

- целостность (связность и обособленность);
- законченность/завершенность;
- композиционная оформленность, принадлежность к определенному типу;
- обусловленность экстралингвистическими свойствами акта общения и ситуации.

Анализ литературы по проблемам дискурсивной компетенции показал, что она является значимым компонентом коммуникативной компетенции при обучении монологическому высказыванию. Структура дискурсивной компетенции включает жанровый, тактический, текстовый и стратегический компоненты, составляющие сущность самой компетенции. Данные компоненты выделяют следующие параметры: логичность, связанность, целостность, композиционная оформленность. Перечисленные параметры отражаются в лингвистических и психологических характеристиках монологического высказывания и создают основу для обучения.

Речевые упражнения по обучению монологическому высказыванию формируют дискурсивную компетенцию. Данные упражнения строятся на основе опор, нацеленных на развитие ключевых критериев дискурсивной компетенции и монологического высказывания в целом. Назначение опор заключается в порождении речевого высказывания путем использования вербальной и невербальной наглядности.

Литература

1. Boyer, William H. Education for the twenty-first century. San-Francisco: Caddo Gap Press, 2002. – 264p.
2. Canale, M. From communicative competence to communicative language pedagogy. Language and Communication, London: Longman, 1983. – P. 2-27
3. Mueller B.-D. Probleme des Fremdverstehens// Interkulturelle Kommunikation und Fremdverstehen. Dokumentation eines Werkstattsgespraechs des Goethe-Instituts. Muenchen, 1983. – P. 262-348
4. van Ek J. and Trim J. Threshold 1990. Cambridge University Press. – 1998. – 190p.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999.-896С.
6. Барышников Н. В. Параметры обучения межкультурной коммуникации в средней школе// Иностранные языки в школе. – 2002, № 2. – С. 28-32
7. Бим И.Л. Всегда ли инновации в области терминологии – следствие развития научного знания? \\ Иностранные языки в школе. – 2004, №3. – С. 30-33
8. Бим И.Л. Некоторые актуальные проблемы современного обучения иностранным языкам// Иностранные языки в школе. – 2001, №4. – С. 5-7
9. Вайсбурд М.Л. Использование учебно-речевых ситуаций при обучении устной речи на иностранном языке. – Обнинск: Титул, 2001.-128 С.
10. Вайсбурд М.Л. Роль индивидуальных особенностей учащихся при обучении иноязычному устноречевому общению / М.Л. Вайсбурд, Е.В. Кузьмина // Иностранные языки в школе. – 1999, №1. – С. 5; 1999. – №2. – С. 3
11. Введенская Л.А. Русский язык и культура речи: учеб. пособие. – 7-е изд. – Ростов/Д.: Феникс, 2007.– 383С.
12. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963. – 255С.
13. Выготский Л.С. Вопросы общей психологии. – М.: Академия, 1999. – 224С.
14. Вятютнев М.Н. Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах // Русский язык за рубежом. – 1977, № 6. – С. 38-45
15. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. – М.: Академия, 2007. – 310С.
16. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика: учебное пособие для студентов/ Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – 4-е изд., стер. – М.: Академия, 2007. – 331С.
17. Гез Н. И. Формирование коммуникативной компетенции как объект зарубежных методических исследований // Иностранные языки в школе. – 1985, №2. – С. 17-24
18. Глобализация и образование. Болонский процесс: Материалы «круглого стола» \\ Серия: Научные семинары. Круглые Дискуссии. – Вып.2. – М.: Альфа-М, 2004. – С. 136-137

19. Дымарский М.Я. Сверхфразовый уровень организации текста / М.Я. Дымарский // Художественный текст. Структура. Язык. Стиль. – СПб.:Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993. – С. 19-37
20. Елухина Н.В. Роль дискурса в межкультурной коммуникации и методика формирования дискурсивной компетенции// Иностранные языки в школе. – 2002, №3. – С. 9-12
21. Жинкин Н.И. Механизмы речи. – М.: Академия педагогических наук, 1960. – 326С.
22. Заремская С. И., Слободчиков С. А. Развитие инициативной речи учащихся. На материале английского языка. – М.: Просвещение, 1983. – 127 С.
23. Зарубина Н.Д. Языковые сигналы структуры связного текста и их использование в смысловом восприятии// Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М.: Наука, 1986. – 113С.
24. Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. – Москва-Воронеж: Российская академия образования – Московский психолого-социальный институт, 2001. – 429 С.
25. Изаренков Д.И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом. – 1990, № 4. – С. 54-60
26. Калинина С. В. К концепции обучения монологическому высказыванию// Иностранные языки в школе. – 1991, №1. – С. 22-26
27. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 477С.
28. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. Вступительная статья к книге Т. А. Ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. – С. 5 – 11
29. Колкер Я.М., Устинова Е.С. Речевые способности: как их формировать? // Иностранные языки в школе.– 2000, №4.– С. 30
30. Комарова Ю.А. Обучение устному иноязычному монологическому высказыванию при помощи вербальных опор. – СПб.: КАРО, 2008. – 223С.
31. Константинова А.Ю. Что же входит в структуру коммуникативной компетенции нефилолога в области продуктивной речи?// Русский язык за рубежом.– 1993, № 3. – С. 78-83
32. Леонова Т. С точки зрения синергетики: (коммуникативная компетенция в свете синергетического подхода к обучению иностранным языкам)// Учитель. – 2003, №6. – С. 46
33. Леонтьев А.А. К определению речевой ситуации// Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия. – М., 1991. – 360С.
34. Леонтьев А.А. Психология общения. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Смысл, 1997. – 365 С.

35. Лосева Л.М. Как строится текст.– М.: Академия, 1989. – 210 С.
36. Лукин В.А. Художественный текст / В.А.Лукин.–М.:Ось-89, 2005. – 560 С.
37. Лурия А.Р. Речь и мышление.– М.: Педагогика, 1979. – 360 С.
38. Мильруд Р. П., Гончаров А. А. Теоретические и практические проблемы обучения пониманию коммуникативного смысла иноязычного текста// Иностранные языки в школе. – 2003, № 1. – С. 12 – 18
39. Мильруд Р.П. Навыки и умения в обучении иноязычному говорению// Иностранные языки в школе. – 1999, №1. – С. 26
40. Мильруд Р.П., Максимова И.Р. Современные концептуальные принципы коммуникативного обучения иностранным языкам// Иностранные языки в школе. – 2000, №4. – С. 9-16
41. Нефедова М.А. коллаж и коллажирование в учебном процессе// Иностранные языки в школе. – 1993. – №2. – С. 5-8
42. Нуждина М.А. К вопросу управления процессом порождения речевого произведения на основе текста// Иностранные языки в школе. – 2002, №2. – С. 21-26
43. Обучение иностранным языкам: (отв.ред. М.К.Колкова). Активация обучения монологическому высказыванию с помощью наглядной опоры. – СПб.: КАРО, 2003. – С. 113
44. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению.– М.: Рус. яз., 1989. – 276 С.
45. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. – М.: Просвещение, 1991. – 223 С.
46. Разинкина Н. М. Функциональная стилистика. – М.: Высшая школа, 1989. – 180С.
47. Рогова Г.В., Рабинович Ф.М., Сахарова Т.Е. Методика обучения иностранному языку в средней школе. М.: Просвещение, 1991. – 287 С.
48. Рогова Г.В., Верещагина И.Н. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в средней школе. – М., 1988. – 224 С.
49. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Просвещение, 1998. – 720 С.
50. Санкина В. В. Развитие коммуникативной компетенции учащихся при обучении немецкому языку:(по учеб.-метод. комплектам из ФРГ) / В.В. Санкина, Г.А. Сивочалова // Иностранные языки в школе. – 2000, № 1. – С. 35-38
51. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. – Воронеж: Истоки, 1996. – 237 С.
52. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 С.
53. Сеница Ю.А. Межкультурная коммуникативная компетенция: требования к уровню владения и некоторые пути ее формирования // Иностранные языки в школе. – 2002, №6. – С. 8

54. Скалкин В.А. Обучение монологическому высказыванию: Пособие для учителей.– Киев, 1983.–248 С.
55. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. – М.: Педагогика, 1987. – 163 С.
56. Солганик Г.Я. Стилистика текста: учебное пособие/ Г.Я. Солганик. – М.:Наука, 2000. – 256 С.
57. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей/ Е.Н.Соловова. – 4-е изд. – М.: Просвещение, 2006. – 239 С.
58. Царькова В.Б. Речевые упражнения в английском языке. М.: Просвещение, 1980. – 135 С.
59. Цетлин В.С. Реальные ситуации общения на уроке// Иностранные языки в школе. – 2000, №3. – С. 24-27
60. Шамов А.Н. Обучение монологическому высказыванию// Методика преподавания иностранных языков: общий курс: (учебное пособие)/ отв.ред. А.Н.Шамов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток-Запад, 2008. – 253 С.
61. Яковлева Л.Н. О некоторых приемах работы с лексическим материалом на уроках немецкого языка. По материалам международного семинара. Институт им.Гете. Мюнхен, 1990// Иностранные языки в школе. – 1992, №2. – С. 59-61
62. Якубинский Л.П. Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. – 196 С.
63. Якубинский Л.П. О диалогической речи // Русская речь/ под ред. Л.В. Щербы.– М.: Педагогика, 1976г. – С. 96-195

К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОМ СТИЛЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КОНЦА 19-20 ВЕКОВ)

В статье рассматриваются некоторые аспекты художественного стиля английского языка на материале произведений конца 19-20 веков. Основное внимание в работе автор уделяет художественно-речевым средствам вышеуказанного стиля. В результате исследования выявлено несколько ключевых составляющих художественного стиля.

Ключевые слова: функциональный стиль; художественный стиль; художественное произведение; лексическая единица; контекст; художественный образ; персонаж.

Функционально-стилистические границы в английском языке очень тонки и сложны. Многие единицы одного стиля могут употребляться в других функциональных разновидностях языка. Следует, однако, различать употребление слова в типических для него обстоятельствах, где оно легко предсказуемо, и в нетипичных условиях с особой коммуникативной установкой.

Особое место в системе стилей занимает язык художественной литературы, или художественный (художественно-беллетристический) стиль. Данный стиль не представляет собой системы однородных языковых явлений, напротив, он лишен какой бы то ни было стилистической замкнутости, его отличает разнообразие индивидуально-авторских средств. «Язык национальной художественной литературы, – подчеркивал В.В. Виноградов, – не вполне соотносителен с другими стилями, типами или разновидностями книжно-литературной и народно – разговорной речи. Он использует их, включает их в себя, но в своеобразных комбинациях и в функционально преобразованном виде (Виноградов, 1985. С. 45). Следует, однако, сказать, что вопрос о том, существует ли особый функциональный стиль художественной литературы, является до сих пор спорным. Некоторые ученые (Р.А. Будагов, И.Р. Гальперин, И.В. Арнольд и другие) полагают, что такой стиль существует, другие (А.В. Федоров, Р.Г. Пиотровский, Ю.С. Степанов) отрицают его существование. Литературная норма стилистически нейтральна и используется в художественной литературе в разных сочетаниях с различными функциональными стилями,

причем художественный эффект часто зависит именно от столкновения стилей (Арнольд, 1990. С. 251).

Речь словесно-художественных произведений, подобно губке, интенсивно вбирает в себя самые разные формы речевой деятельности, как устной, так и письменной. Более того, словесная ткань литературных произведений тесно сопряжена с устной речью и активно ею стимулируется. Художественная речь нередко претворяет также письменные формы внехудожественной речи (многочисленные романы и повести эпистолярного характера, проза в форме дневников и мемуаров, например, Хелен Филдинг “Дневник Бриджит Джонс”).

Художественно-речевые средства данного стиля разнородны и многоплановы. Во-первых, лексико-фразеологические средства, т.е. подбор слов и словосочетаний, могут иметь разное происхождение и эмоциональное “звучание”: как общеупотребительные, так и специальные, включая новообразования и окказионализмы; как исконно отечественные, так и иноязычные; как отвечающие норме английского литературного языка, так и отклоняющиеся от нее, порой весьма радикально, каковы вульгаризмы и “нецензурная” лексика. Отметим, что к лексико-фразеологическим единицам примыкают морфологические (собственно грамматические) явления языка. Например, различные уменьшительные суффиксы.

Во-вторых, речевая семантика в узком смысле слова: переносные значения слов, иносказания, тропы, прежде всего – метафоры, метонимии, сравнения и эпитеты, являющиеся одним из источников поэтичности и образности. Таким образом, в этой своей стороне художественная словесность претворяет и дополняет те словесные ассоциации, которыми богата речевая деятельность народа и общества в целом. Следует также отметить, что художественная речь включает в себя пласты, обращенные к внутреннему слуху читателя, такие как: интонационно-синтаксические, фонетические, ритмические. Синтаксис литературного произведения представлен всеми видами простых и сложных предложений. В данном стиле высок удельный вес глаголов, глагольных оборотов, герундиальных конструкций.

Итак, речевое художественное произведение представляет собой единство взаимосвязанных элементов, каждый из которых находится в сложных взаимоотношениях с остальными. А все вместе эти остальные элементы составляют его “литературное окружение” т.е. контекст. Контекст показывает, который или которые из традиционно существующих

щих лексико-семантических вариантов слова имеются в виду в данном конкретном случае. Более того, появление у лексической единицы в зависимости от контекста дополнительных экспрессивных оттенков значительно расширяет изобразительные возможности английского языка. Экспрессивная окраска слов в художественных произведениях отличается от экспрессии тех же единиц в необразной речи. В условиях художественного контекста лексика получает дополнительные, побочные смысловые оттенки, которые обогащают ее экспрессивную окраску. Например, одно поэтическое слово, включенное в нейтральный контекст, может сделать возвышенным целый абзац. Следующее предложение это подтверждает: “How beautiful the music seemed to us both then – far, far more beautiful than the voice of Orpheus” (Jerome K. Jerome, 2002, p. 108). При чтении этого абзаца создается впечатление, что читатель сам слышит ту божественную музыку, которой восхищались герои романа “Трое в лодке, не считая собаки” Джерома К. Джерома.

Следует отметить, что роль даже небольших стилистически окрашенных вкраплений может быть очень значительна. Эффект их зависит от того, соответствуют ли они предмету повествования или контрастируют с темой произведения. При нарушении ожидаемого соответствия между означаемым и означающим нередко возникает комический или иронический эффект. Особенно часто такие эффекты получаются при использовании разговорной и торжественно-возвышенной лексики. В целом, однако, иностилевые вкрапления отличаются большим разнообразием материала и функций. Они могут происходить из любых функционально – стилистических пластов. Они встречаются в описаниях, увеличивая их точность и конкретность или создавая метафоричность и образность, в речевых характеристиках и портретах персонажей, в авторских комментариях и т. д.

Специальная лексика может включаться в речевую характеристику героя литературного произведения, раскрывая его жизненный опыт, профессию и интересы. Нередко писатели-реалисты пользуются специальной лексикой для более точного описания окружающей героев действительности. Таково, например, использование лексических единиц, относящихся к офисно-деловой тематике. Обратимся к следующему предложению: “Fortunately, we live in the modern world and have extremely intelligent software and brilliant messaging system in the office” (Fielding Helen, 1996, p. 235). Словосочетания “extremely intelligent software” и “brilliant

messaging system” не только показывают читателю рабочее место героини романа Хелен Филдинг “Дневник Бриджит Джонс”, но и выражают определенное восхищение Бриджит Джонс “умным” программным обеспечением и электронной почтой. Таким образом, искусство писателя заставляет даже несведущего читателя представить обстановку, в которой работает главная героиня романа.

Как мы уже говорили раньше, использование отдельных особенностей функциональных стилей в художественной литературе может выполнять очень важные смысловые функции, т.е. передавать существенную информацию. В романе или рассказе читатель может встретить также просторечия и диалектные формы, функция которых заключается в описании характера героя, его уровня образования и условий жизни. Поскольку норма указывает традиционные, устоявшиеся, но не обязательно правильные формы, диалект, который в реальной речи обязательно сочетается с просторечием, есть тоже норма, но норма внелитературная. Например, в романе английского писателя Дэвида Герберта Лоуренса “Любовник леди Чаттерлей” один из героев (Меллорз), будучи простым жителем поместья Рэгби-Холл, использует в своей речи просторечные лексические единицы и грамматические формы. Следующее предложение подтверждает данный факт: “What continuity ‘ave yer got i’ your life? I thought you was getting’ divorced” (Lawrence, 2003, p. 232). Заметим, что все устаревшие фонетические, лексические и грамматические черты речи Меллорза отображаются автором романа на письме для создания более правдивого образа и уклада жизни этого героя. Таким образом, эти и другие расхождения с литературной нормой лингвист не может рассматривать как неправильности. Эти формы в пределах данной языковой общности всем понятны и общеупотребительны.

В любом литературном произведении (рассказ, пьеса, повесть, роман и т.д.) неизменно присутствуют и, как правило, попадают в центр внимания читателей образы людей, а в отдельных случаях – их подобий: очеловеченных животных, растений и вещей.

Существуют разные формы присутствия человека в художественном тексте. Это повествователь-рассказчик, лирический герой и персонаж, способный представить человека с предельной полнотой и широтой. Г.В. Степанов отмечает, что словом “persona” древние римляне обозначали маску, которую надевал актер, а позднее – изображенное в

художественном произведении лицо (Степанов, 1988. С. 79).

Персонаж имеет как бы двоякую природу. Он, во-первых, является субъектом изображаемого действия, стимулом развертывания событий, составляющих сюжет. Во-вторых, персонаж имеет в составе произведения значимость самостоятельную, независимую от сюжета (событийного ряда): он выступает как носитель стабильных и устойчивых (порой претерпевающих изменения) свойств, черт, качеств (Грехнев, 1997. С. 33-34). Следует сказать, что персонажи характеризуются с помощью совершаемых ими поступков (едва ли не в первую очередь), а также форм поведения и общения (ибо значимо не только то, что совершает человек, но и то, как он при этом ведет себя), черт наружности и близкого окружения (в частности – принадлежащих герою вещей), мыслей, чувств, намерений.

Многие лингвисты отмечают тот факт, что вещная конкретика составляет неотъемлемую и весьма существенную грань словесно-художественной образности. Вещь в литературном произведении (как в составе интерьеров, так и за их пределами) имеет широкий диапазон содержательных функций. При этом вещи входят в художественный текст по-разному. Чаще всего они эпизодичны, присутствуют в весьма немногих эпизодах текста, нередко они упоминаются вскользь, как бы между делом. Но иногда образы вещей выдвигаются на авансцену и становятся важнейшим звеном словесной ткани. Например, разбросанные вещи в доме Бриджит Джонс очень четко отражают взбалмошный характер самой героини, некий внутренний хаос девушки.

Необходимо сказать, что особую роль в любом художественном тексте приобретает пейзаж. Формы присутствия природы в литературе разнообразны. Это и мифологические воплощения ее сил, и поэтические олицетворения, и эмоционально окрашенные суждения о ней (будь то отдельные возгласы или целые монологи, как, например, восхищение красотами английской природы тремя героями-путешественниками в романе “Трое в лодке, не считая собаки”), и описания животных, растений, их, так сказать, портреты, и, наконец, собственно пейзажи – описания широких природных пространств. Следующее предложение не только представляет читателю один из красивейших уголков Англии, но и показывает трепетное отношение, чувства главных героев к нему: “It is the most fairy-like nook on the whole river” (Jerome K. Jerome, 2002, p. 168).

Образы природы (как пейзажные, так и все иные) обладают глубокой и совершенно уникальной содержательной значимостью. В многовековой

культуре человечества укоренено представление о благодати и насущности единения человека с природой, об их глубинной и нерасторжимой связанности. Это представление художественно воплощалось по-разному. Мотив сада – возделанной и украшенной человеком природы – присутствует в словесности едва ли не во всех странах и эпох.

В романе Дэвида Герберта Лоуренса “Любовник леди Чаттерлей” садом можно назвать поместье Рэгби-Холл, потому что сад нередко символизирует мир в целом. “Сад, – замечает Лихачев Д.С., – всегда выражает некую философию, представление о мире, отношение человека к природе, это микромир в его идеальном выражении” (Лихачев, 1991. С. 8). Действительно, Рэгби-Холл отражает типично английское, немножко чопорное, созерцание мира в целом.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Во-первых, художественный стиль, обслуживающий сферу литературы как вида искусства, имеет свою особую цель – эстетическое воздействие на читателя. Во-вторых, языковой особенностью художественного текста являются эмоционально-образная лексика, представленная различными функциональными стилями, а также многообразие фразеологизмов и идиоматических выражений. Синтаксис представлен всеми видами простых и сложных предложений. Таким образом, в художественном стиле отчетливо проявляется авторская индивидуальность.

Литература

1. Fielding Helen. Bridget Jones's Diary. London: Picador, 1996. – 278 p.
2. Jerome K. Jerome. Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog). М.: Издательство ИКАР, 2002. – 233 p.
3. Lawrence David Herbert. Lady Chatterley's Lover. – М.: Юпитер – Интер,
4. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования). – М.: Просвещение, 1990. – 346 С.
5. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // “Вопросы языкознания”, 1985, № 1. – С.44-47.
6. Грехнев В. А. Словесный образ и литературное произведение. – Нижний Новгород, 1997. – 265 С.
7. Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей // Сад как текст. – СПб., 1991. – 214 С.
8. Степанов Г. В. Язык. Литература. Поэтика. – М.: Просвещение, 1988. – 359 С.

ЧАСТОТНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЧИСЛОВЫХ КОМПОНЕНТОВ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

В статье рассматривается вопрос о частотности употребления числовых компонентов в английских фразеологизмах на материале англо-русского фразеологического словаря Кунина А.В. Исследование практического материала методом сплошной выборки позволило нам определить частотность употребления числовых компонентов, что демонстрирует продуктивность того или иного числительного, входящего в состав английской фразеологической единицы.

Ключевые слова: фразеология, имя числительное, английские фразеологизмы с компонентом числительным

Значительное место в изучении английских фразеологических единиц с компонентом числительным занимает определение активности употребления числительных, путем выявления частотности их использования во фразеологизмах. Общее количество изученных нами английских фразеологизмов составляет 600 единиц.

Во-первых, мы разделяем все фразеологические единицы на две группы. К первой мы относим английские фразеологизмы, в состав которых входят числовые компоненты, т.е. количественные и порядковые числительные. Также в своей работе мы будем разделять в отдельные группы порядковые и количественные числительные.

Ко второй группе относятся английские фразеологические единицы, в состав которых входят так называемые «пустые числительные» или суррогаты числительных, которые обозначают некоторое неконкретное множество (Ольховская, 1977, С. 75). К ним относятся такие компоненты, как «half», «both», «double», «once», «twice», «single», «pair», «alone», «quarter» и «thrice». Исследование таких компонентов в нашей работе объясняется тем, что они так или иначе связаны с понятием числительного, не смотря на то, что в некоторых таких словах числовое значение указывается не напрямую, но лежит на поверхности. В подтверждение сказанному рассмотрим слово «both», которое часто в английских фразеологических единицах замещается числительным «two». Приведем примеры:

-make the best of both (two) worlds – жить припеваючи на земле, надеясь не хуже жить на том свете;

-cut both (two) ways – быть обоюдоострым; палка о двух концах.

Для начала, рассмотрим частотность употребления количественных числительных в английских фразеологизмах. Полученные данные отражены в таблице:

Таблица 1

**Частотность употребления количественных числительных
в английских фразеологизмах**

№	Числовой компонент	Частотность употребления
1.	One	122
2.	Two	89
3.	Four	19
4.	Nine	19
5.	Three	16
6.	Seven	15
7.	Hundred	13
8.	Ten	13
9.	Six	8
10.	Dozen	6
11.	Five	5
12.	Thousand	4
13.	Twenty	4
14.	Forty	3
15.	Fifty	2
16.	Million	2
17.	Nineteen	2
18.	Thirty	2
19.	Zero	2
20.	Eighteen	1
21.	Eleven	1
22.	Ninety	1
23.	Ninety nine	1
24.	Seventeen	1
25.	Sixty	1
26.	Sixty four	1
27.	Thirteen	1
28.	Thirty nine	1
29.	Twelve	1

Другие количественные числительные не встретились нам в исследуемых английских фразеологизмах с числовыми компонентами.

Рассмотрим частотность употребления порядковых числительных в английских фразеологизмах. Полученные результаты исследования занесены в таблицу:

Таблица 2

Частотность употребления порядковых числительных в английских фразеологизмах

№	Числовой компонент	Частотность употребления
1.	First	69
2.	Second	21
3.	Third	7
4.	Fifth	6
5.	Eleventh	4
6.	Seventh	3
7.	Sixth	2
8.	Fourth	1
9.	Ninth	1
10	Tenth	1

Как мы можем заметить, частотность употребления числительных «first» и «second» значительно выше частотности употребления других порядковых числительных в английских фразеологических единицах.

Изучим частотность употребления «пустых числительных» в английских фразеологизмах. Полученные данные занесены в таблицу:

Таблица 3

Частотность употребления «пустых числительных» в английских фразеологизмах

№	Числовой компонент	Частотность употребления
1.	Half	25
2.	Both	24
3.	Once	21
4.	Double	19
5.	Twice	17
6.	Single	10
7.	Pair	8

№	Числовой компонент	Частотность употребления
8	Alone	3
9.	Quarter	2
10.	Thrice	1

Из данной таблицы мы можем заключить, что «*half*», «*both*» и «*once*» являются наиболее употребительными в английских фразеологизмах.

Считаем важным отметить еще одну группу английских фразеологических единиц, в которых числовой компонент является составной частью сложных слов. В исследуемом нами материале, таких фразеологизмов встретилось 46. Подчеркнем, что такие фразеологические единицы содержат в себе три группы числительных: количественные, порядковые и так называемые «пустые числительные». Приведем примеры:

– *come back again like a bad half penny* – возвращаться к владельцу против его желания; опять свалиться кому-либо на голову; снова появиться вопреки желанию кого-либо;

– *eleventh-hour agreement* – соглашение, заключенное в последний момент;

– *a four-letter man* – отвратительный субъект;

– *neat as nine pence* – чистенький, аккуратный; с иголки;

– *a twice-told tale* – старая история, что-либо часто повторяемое и потому хорошо известное.

Подводя итог исследованию частотности числительных в английских фразеологических единицах, отметим, что наиболее распространены среди количественных и порядковых числительных являются «*one*» и «*first*». С большим отрывом от них встречаются числительные «*two*» и «*second*». Среди пустых числительных лидирующее место занимают «*half*», «*both*» и «*once*». Суммируя всё сказанное выше, можем заключить, что числительное «*one*» является бесспорным лидером среди числовых компонентов в рассматриваемых нами английских фразеологических единицах.

Литература

1. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984.-942 С.
2. Ольховская СВ. О фразеологических единицах с компонентом-числительным // Лексико-грамматическая сочетаемость в германских языках. – Челябинск, 1977. - Вып. 2. - С. 74-79.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

В статье даётся краткий обзор трёх видов коммуникативного воздействия в печатных англоязычных СМИ, а именно персуазивного, манипулятивного и рефлексивного воздействий. Данные виды коммуникативного воздействия различны по своей цели, а значит, и языковым средствам, с помощью которых они реализуются. В статье даётся краткий анализ примеров воздействия на реципиента.

Ключевые слова: *СМИ, коммуникативная стратегия, коммуникативное воздействие, убеждение.*

В настоящее время изучение коммуникативных технологий, используемых в СМИ, получило широкое распространение. Это связано с тем, что средства массовой информации играют всё большую и большую роль в жизни общества. На сегодняшний день функции масс-медиа вышли далеко за пределы функции информирования широкой аудитории о текущих событиях в стране и в мире. В настоящее время средства массовой информации представляют собой целый пласт реальной действительности, который не только отражает положение дел в обществе, но также способен формировать определённые социальные тенденции и взгляды. Ещё американский учёный-политолог Г. Лауссэлл говорил о том, что СМИ в обществе играет функцию наблюдения за миром (сбор и распространение информации); функцию редактирования (отбор и комментирование информации) и функцию формирования общественного мнения. Иными словами, с помощью СМИ осуществляется воздействие на сознание массовой аудитории.

Коммуникативное воздействие печатных СМИ носит различный характер. С одной стороны, через прессу может осуществляться манипуляция – изменение мнения аудитории; с другой стороны, воздействие может носить персуазивный характер, то есть, формировать мнение. Более того, в СМИ существует особый род взаимодействия – рефлексивное, которое представляет собой обычное отражение действительности.

Рассмотрим каждый характер воздействия подробнее.

Как уже было сказано выше, манипулятивное воздействие направлено на изменение мнения реципиента по отношению к чему-либо, в то вре-

мя как персуазивный характер воздействия подразумевает формирование мнения под воздействием определённой информации (т.е., «с нуля»). Оба типа воздействия отвечают потребностям адресанта управлять поведением, мнением или убеждениями реципиентов, однако случаи, когда реципиенты не имеют мнения относительно определённого вопроса, значительно отличаются от случаев, когда такое мнение уже сформировано ранее. Основные отличия и состоят в стратегиях речевого поведения, поскольку убеждать легче, чем переубеждать. В случае персуазивного воздействия автору текста достаточно привести аргументацию, убеждающую реципиента в том, что идеи автора соответствуют реальному положению вещей. В случае же манипулятивного воздействия реципиент уже имеет определённые предубеждения относительно предмета обсуждения, а значит, необходимо не просто привести аргументацию идей автора; необходима также контраргументация, опровергающая предубеждения реципиента.

Рассмотрим пример персуазивной стратегии (статья с сайта The Political Sword от 11.11.2012г.). В данной статье читателю предлагают изучить новое понятие «fiscal cliff». Сначала даётся определение: We know that it faces a 'fiscal cliff', well described in the SMH by Max Mason in What is the fiscal cliff? Mason explains that the term depicts "...a raft of tax increases and spending cuts that will automatically come into effect at the beginning of 2013 if the Democrats and Republicans cannot negotiate a new set of budgetary and economic policies to reduce the spiralling budget deficit of \$US1.1 trillion. (<http://www.thepoliticalsword.com>. Take heart from Obama's win and Romney's loss, November, 11, 2012)

Однако затем автор статьи формирует отрицательное отношение читателя к демократической партии и положительное отношение к республиканской через разъяснение отрицательных последствий явления «fiscal cliff» в экономике США:

Yet the Republicans want the Bush tax breaks for the wealthy to continue, and are against cuts to defence spending. ... But President Obama has vowed to veto any attempt to bypass 'the cliff' that does not include expiration of tax cuts for the wealthy. As a two-thirds majority of both the House and the Senate is needed to override a Presidential veto, this is unlikely to occur.

...the danger of the US falling over the fiscal cliff is high, and should that happen, the economy of the entire globe will be seriously affected. (<http://www.thepoliticalsword.com>. Take heart from Obama's win and Romney's loss, November, 11, 2012)

При этом, автор статьи использует метонимию по принципу «часть от целого» для описания действий политических партий – сами партии представлены «в лице» их лидеров – Bush и Obama . Таким образом, автор персонифицирует политическое противостояние, освещая его как, в первую очередь, противостояние двух людей. Более того, автор использует лексические единицы, имеющие в своём значении семы «опасение, опасность»: danger, affected. С помощью подобной лексики создаётся нагнетание негативных последствий финансового обрыва в США. Само понятие fiscal cliff несёт в себе метафоричность – «обрыв», безвозвратность, необратимое падение.

Обобщая сказанное, следует отметить, что персуазивная стратегия в данном примере создаётся как за счёт стилистических средств выразительности (метонимия, метафоричность), так за счёт лексических средств (лексические единицы с определёнными семами).

К примерам, иллюстрирующим манипулятивное воздействие, можно отнести статью, опубликованную в The New-York Times, где речь идёт о роли Американских солдат в войне в Афганистане.

After more than a decade at war in Afghanistan, the Americans are moving fully into a support role this year: shifting to “Afghan lead” in security operations a year before the official end of the international military mission here. (<http://www.nytimes.com>. In Afghan Transition, U.S. Forces Take a Step Back, May, 25, 13).

В данной статье автор стремится изменить мнение читателя относительно войны в Афганистане. Чтобы достичь своей коммуникативной цели, автор статьи использует приём обобщения – «the Americans are moving fully into a support role this year» подразумевает, что и читатель причисляет себя к данной социальной группе, таким образом, воспринимая предложенную точку зрения. Этот приём является мощным способом переубедить читателя, поскольку социальная группа оказывает очень сильное влияние на мнение человека. Принадлежность к той или иной социальной группе, во многом, предопределяет образ мышления человека, поскольку он заведомо мыслит в системе ценностей и стереотипов, свойственных этой группе. Поэтому, манипулирование со стереотипами мышления в рамках социальной группы или класса оказывается действенным инструментом для управления мнением аудитории, однако только в том случае, когда реципиент сам причисляет себя к данной группе.

Также по характеру воздействия можно выделить рефлексивное воздействие. Целью рефлексивной стратегии будет отражение реальной ситуации по какому-либо вопросу, подведение итогов, обобщение фактов. В данном случае целью коммуниканта не стоит формирование или изменение определённого реципиента; важным, в первую очередь, является донесение информации, сообщение.

Таковы основные особенности коммуникативного воздействия, оказываемого на реципиента посредством печатных СМИ.

Литература

1. Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // The Process and Effects of Mass Communication. Chicago, 1971
2. Авченко В. Теория и практика политических манипуляций в современной России. / В. Авченко, URL: www.psyfactor.org/polman.htm (дата обращения: 02.03.13)
3. Бессонов Б.Н. Пропаганда и манипуляция // Реклама: внушение и манипуляция / под ред. Д.Я. Китайгородской. – Самара: БАХРАХ-М, 2001. – С. 703-726.
4. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. СПб., 2000.

ВЛИЯНИЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ НА ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с идеями когнитивной лингвистики и терминоведения. Устанавливается связь, взаимное влияние и обогащение когнитивистики и терминоведения.

Ключевые слова: когнитивный подход, ментальная репрезентация, когниция

Ментальные процессы и человеческий разум являются объектом исследования когнитивной лингвистики. Язык берет на себя функцию упорядочения существующих в мире понятий и представлений в сознании человека. Языковая картина мира является определенной материальной реальностью в языке, выраженной единством понятия и слова. Сознание и ментальные модели мира, психические процессы, мыслительные акты и связанные с ними аспекты и проблемы составляют задачи когнитивизма. Восприятие, понимание и знания, полученные в процессе человеческой деятельности, обрабатываются, формируются в ментальные репрезентации.

Насколько состоятельно понятие «репрезентация» рассматривалось в работах Е.С. Кубряковой и В.З. Демьянковым. Данные исследователи отмечают, что до 1990-х годов определение и роль репрезентаций были ключевыми понятиями когнитивной лингвистики. Понятие репрезентации пришло в когнитивную лингвистику из психологии. Е.С. Кубрякова и В.З. Демьянков отмечали, что в лингвистику понятие репрезентации ввел Н. Хомский. Но после 1990-х годов популярность термина снизилась по ряду причин, а именно:

- нарастал конфликт между терминологическим и обыденным знаниями (понятия «репрезентация» употребляется в европейских языках как обыденное слово);

- понятие «репрезентация» не получило общепринятого определения, до сих пор смешиваются репрезентации в сознании человека и языковые репрезентации;

- появились новые модели деятельности сознания, которые частично или полностью отказываются от представления о мыслительной деятельности как деятельности символической, связанной с символами и репрезентациями;

– развитие нейролингвистики и биоллингвистики вызвали критику понятия «репрезентация».

Однако, Е.С. Кубрякова и В.З. Демьянков отмечают, что в российских работах когнитивного направления все еще используется понятие «репрезентация», хотя иногда и не по отношению к понятию ментальных репрезентаций. По мнению Кубряковой Е.С. и В.З. Демьянкова нет серьезного основания для отказа от понятия «ментальная репрезентация». Понятие должно входить в число важнейших понятий когнитивной науки и когнитивной лингвистики. Но этому понятию необходимо дать рабочее определение (Кубрякова, В.З. Демьянков, 2007).

Кроме того, авторы, исследовавшие понятие «ментальные репрезентации» отмечают, что первый период в истории когнитивной науки был особенно тесно связан с полемикой о том, в какой форме «существуют» репрезентации в памяти человека и о каких типах репрезентации может идти речь при их описании. Первоначально ментальная репрезентация описывалась в психологии как имеющая дело только с языковыми структурами. Признание репрезентаций другого типа – образных – связано с именем А. Пейвио, в многочисленных работах которого была выдвинута теория двойного кодирования мира. Согласно Пейвио, все репрезентации могут быть расклассифицированы на картиноподобные и языкоподобные. В настоящее время говорят либо об аналоговых репрезентациях и репрезентациях пропозициональных (имеющих аргументно-предикативную структуру). Некоторые считают, что именно вторая форма хранения знаний является главной, но это мнение разделяется далеко не всеми. Иногда различают также просто аналоговые репрезентации, в большей или меньшей степени редуцированно изображающие фрагменты мира, и символические, условные, поскольку считается, что репрезентации – это особые когнитивные модели объектов и событий, воспроизводящие лишь часть сведений о них, иногда сведенную до конвенционального минимума.

Совокупность репрезентаций образует то, что называется памятью, а поэтому и в ней различают словесную и образную память; совокупность вербальных репрезентаций называют ментальным лексиконом, и, наконец, совокупность всех репрезентаций именуется концептуальной системой, или же концептуальной моделью (картиной) мира. Особое значение в анализе репрезентаций придается их генезису и происхождению у отдельного человека. Когнитологи до сих пор спорят о том, с чего начинается формирование репрезентаций и каково исходное состояние психики, ко-

торое характеризует родившегося и вступающего в мир человека – «*tabula rasa*» или же некие врожденные предпосылки для их образования, или, наконец, уже сложившаяся врожденная система таких репрезентаций. Ярким представителем своеобразной компромиссной точки зрения по этому вопросу был Ж.Пиаже, выдвинувший идею о постепенном складывании разных типов репрезентаций по стадиям – сначала сенсомоторной, затем – языковой.

Исследование репрезентаций послужило поводом для сближения разных наук (психологии, философии, моделирования искусственного интеллекта, нейронаук, формальной семантики, терминоведения) в рамках единой когнитивной парадигмы знания. Однако, вплоть до последнего времени идея репрезентации не получила адекватного освещения из-за того, что рассмотрению подвергались изолированные аспекты этого феномена. Ни символические модели мозга, ни коннекционистские модели по отдельности не смогли объяснить, как действует человек с такими репрезентациями, которым нет соответствий в объективной действительности – с планами, убеждениями, интенциями, но о существовании которых мы должны говорить, поскольку в языке может идти речь и о них: ведь при восприятии речи их область активизируется человеком так же, как и область реального мира. Это означает, что должны быть пересмотрены взгляды на то, что именно репрезентируют репрезентации, а также и модели, которые описывают их организацию. Часть такой организации была описана в терминах ассоциативных сетей, часть – в терминах коннекционизма, наконец, часть – в терминах фреймов, скриптов и сценариев. Но все эти описания охарактеризовали лишь отдельные аспекты когниции с помощью ментальных репрезентаций. Наступило время объединить и синтезировать эти попытки, представив более глобальную картину функционирования репрезентаций в еще большем разнообразии их форм и типов (Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина, 1997).

Голованов Б.Н. отмечал, что лингвистика должна понять связь научной терминологии с научными идеями. Но кроме этого, лингвистика должна понять взаимовлияние терминологии и научных идей (Голованова, 2010). Именно поэтому, по мнению Головиной Е.И., когнитивное терминоведение обращается к понятию «ментальные репрезентации». Автор так же считает, что под влиянием когнитивной лингвистики были выдвинуты следующие понятия:

1. Изменение взгляда на соотношение термина и понятия, переход к анализу отношений термина и концепта.
2. Признание приоритетности когнитивной функции термина.
3. Рассмотрение термина в качестве динамического образования.
4. Понимание термина как языковой единицы, возникшей в результате взаимодействия профессиональной когниции и профессиональной коммуникации.
5. Изменение подхода к анализу термина: от понятийного к категориальному.
6. Отказ от гносеологической трактовки термина, признание реализации не только собственно научного, но и обыденного и практического профессионального знания.
7. Углубление научных представлений о процессах формирования и эволюции содержания термина (Голованова, 2010).

Таким образом, принимая во внимание вышесказанное, Головина Е.И. подчеркивает факт обогащения научно-когнитивного аппарата терминоведения. Когнитивный подход позволяет терминоведению выйти за пределы собственно научной картины мира, выявить взаимосвязи между научным и обыденным сознанием.

Литература

1. Голованова Е.И. Базовые когнитивные понятия и развитие терминоведения//История и философия.: Весник удмуртского Университета. 2010. вып. 2. С. 85-90.
2. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков. К проблеме ментальных репрезентаций.//Вопросы когнитивной лингвистики. – М.: Институт языкознания – Тамбов: Тамбовский гос. Университет им. Г.Р. Державина, 2007. – №4. – С8-16.
3. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 С.

SUMMARIES

History and archeology

THE HISTORY OF THE STUDY OF MONUMENTS V – IX CENTURIES. FOREST – STEPPE VOLGA AND URAL REGION: MATERIALS AND RESEARCH

Bogachev A.V.

The article presents a study of early medieval history of memory – nicknames forest-steppe Volga and Ural region . Particular attention is paid to the problems of research Imenkov culture and the culture of early Bulgarians.

Keywords: Early Middle Ages , Imenkov culture , early Bulgarians , historiography .

SPECIALTY OF MONUMENTS OF THE ROMANOV ERA OF THE GREAT MIGRATION OF PEOPLES NORTHWEST OF BASHKORTOSTAN ON THE EXAMPLE OF A STUDY VILLAGES ROMANIVKA -II OF 1989

Matveeva G.I., Nikitina A.V.

In the article published results of a study Villages Romanivka II Imenkov culture. presents an analysis of the features of monuments Romanov type.

Keywords: Imenkov culture, ceramics, early Medieval -Vieux, Romanovsky selishte .

Philosophy

THE KEY CONCEPTS OF AESTHETICS: AESTHETIC, BEAUTIFUL, IDEAL

Trufanov S.N.

The paper is the author's attempt to design the basic concepts of aesthetics based on the principles worked out by pioneers of this science (Alexander Baumgarten, Immanuel Kant as well as Georg Wilhelm Friedrich Hegel).

Keywords: Alexander Baumgarten, aesthetic, beautiful, fictive, elevated, ideal, taste, design.

THE IMAGE OF THE OTHER IN ART: TO THE QUESTION ABOUT THE FORMATION OF NATIONAL AND CULTURAL IDENTITY

Nefedova D.N.

The article briefly examines the role of the image of the Other in contemporary art (particularly in its visual and dynamic forms) in terms of participation in the formation of national and cultural identity.

Keywords: Another, Alien, national and cultural identity, art.

Philology

RECONSTRUCTION OF SEMANTIC MEANING WITH THE USE OF MODELLING

Dobrova V. V.

In the paper the problem of meaning modelling is discussed from the point of view of modern science and semantics in particular. The analyses of the existing theories was conducted and allowed to define the term “model” and the role of modelling in linguistic research. The essential characteristics of models and the principles of model construction were distinguished, the structural and category features were described, the types and categories of models were presented. Thus the following category features can be enumerated: a model is a quazy-object, a substitute of the research object; a model has information about the object; a model represents only one side or one aspect of the object; a model is related to the object on the basis of analogy; a model has such characteristics as compactness and visibility. The main term in the theory of models is the analogy that may have the form of isomorphism or homomorphism. The analogy is important because it is the analogy that shows the boarder—line of modelling: the model as means of knowledge is based on the analogy, so it loses its meaning in case of equivalence of model and its prototype, on the one hand, and in case of the big difference between the original object and its model, on the other. As a resume the term modelling in linguistic research can be used in three meanings: 1) creation and construction of language units according to definite samples and examples; 2) specific reflexion of reality with the help of linguistic means; 3) scientific description of construction, creation and functioning of linguistic means

according to the principles mentioned in the paper. The first meaning shows the connection of language sign and its denotation, the second – typical relations of the sign and its meaning, the third – relations of sign as an object of research and the metalanguage of its description. All the three meanings are interrelated but they should be distinguished in order to avoid the confusion of terms belonging to the object level and meta-level. The terms linguistic model and language pattern should be distinguished. Thus language pattern is a natural language pattern according to which a number of other language patterns can be created. The linguistic model is a theoretical construction describing this or that language phenomena including language pattern. The linguistic model is created specially for the needs of linguistic research. Those linguistic models that reflect the functioning and the structure of language patterns can be considered meta-models or models of pattern.

Key words: meaning, modelling, language pattern, linguistic model, analogy

LANGUAGE WORLD PICTURE IN MODERN ENGLISH BESTSELLERS TITLES

Andreeva A. A.

The article introduces classification of the main concepts that are realized through modern English bestsellers titles. The conclusion about basic perceptions of the British and the Americans is performed.

Key words: concept, title, perceptions, bestseller.

SYNTAXIS FUNCTIONAL AND PRAGMATIC FEATURES OF THE EDITOR'S LETTER (BASED ON ENGLISH-LANGUAGE MAGAZINES)

Bondareva J.V.

The article regards lexico-semantic units and unit groups used by editors of English-language magazines in order to create the conditions needed to affect the reader by means of covert advertizing and therefore attract a larger audience for their subsidiary mass media.

Key words: lexico-semantic groups, syncope, connotation, mass media, advertisement, editor.

INFLUENCE OF THE INTERNET COMMUNICATION ON LANGUAGE DEVELOPMENT

Kovalevskaya E.A., Revina E. V.

The article analyzes the role of Internet communication on modern society, its influence on language development and the presence of shortened words and acronyms in both English and Russian colloquial speech.

Keywords: Internet communication. slang, the culture of communication.

INTERFERENCE IN STUDY GERMAN AS FOREIGN LANGUAGE

Kovalevskaya E.A., Revina E. V.

Abstract: The article deals with the interaction of the native language and foreign language, its negative influence in the translation. The types of interference are given.

Keywords: interference, translation mistakes, translator's "false friend", the German language.

ABOUT THE QUALITY OF INSTRUCTIONAL MATERIALS IN TERMS OF COMPETENCY-BASED APPROACH TO TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Kochetkova N.S.

The paper focuses on improving the quality of foreign language training of technical students. In the context of the competency-based approach to education the scheme and instructional techniques of studying a professional foreign language in SamGTU are analyzed. The necessity of developing new textbooks with the current requirements to the goals of learning the discipline is based. The author's experience and suggestions for optimizing the methodological apparatus of work with a special text are described.

Keywords: competency-based approach, professional foreign language, semantization, communicative objective, motivation, communicative effect, text production.

THE HISTORY OF EKPHRASIS

Krutskaya S. V.

In the paper the process of losing by ekphrasis the status of an independent literary genre is described. The way Ekphrasis has become a stylistic device is shown. The new and complete definition of ekphrasis is given.

Key words: ekphrasis, ecphrasis, stylistic device.

PARADIGM DEVELOPMENT OF A COMPLEX SENTENCE WITH TIME PREDICATIVE UNITS IN MODERN ENGLISH

Kuregyan A. L.

This article studies paradigm development of a complex sentence with time predicative units in Modern English. The most characteristic tense forms ratios are shown.

Keywords: complex sentence, polypredicative sentence, modern English, predicative unit.

OSKAR LOERCES POETIC WORLD

Melnikova I. M.

The article analyzes the poetic image of world by German poet Oskar Loerce. The author shows the moral and aesthetic values of his lyric poetry.

Key words: Oskar Loerce, idyllic magic lyrics, expressionism, image of the world.

THE SPECIAL ROLE OF DISCURSIVE COMPETENCE IN TEACHING MONOLOGIC UTTERANCE

Nurtdinova L. R.

The paper presents a discursive competence as one of the most important components for teaching monologic utterance. Different definitions of the discursive competence are given, as well as its relationship to other existing competencies. Nature and a great role in the formation of the communicative competence in general are pointed out. Important parameters of discourse and its components are listed. Problems in teaching monologic utterance and relevance

of skills development discursive competence for the successful solution of these problems are mentioned.

Key words: discourse, communicative competence, discourse competence, monologic utterance

TO THE QUESTION OF ART STYLE (ON THE MATERIAL OF WORKS OF ART OF THE LATE 19TH -20TH CENTURIES)

Rozhnova E. A.

Some aspects of the art style of the English language based on the works of the late 19th-20th centuries are discussed in the paper. The main attention is paid to the art and speech means of the above mentioned style. Several key components of the art style are identified as a result of the research.

Keywords: functional style, art style, work of art, lexical unit, context, art image, character.

FREQUENCY OF USE OF NUMERICAL COMPONENTS IN ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS

Suraeva A.V.

This article analyzes the usage of numerical components in English phraseological units based on «English-Russian Phraseological Dictionary» compiled by A.V. Kunin. The continuous sampling method revealed the productivity of the numerals.

Keywords: phraseology, numerals, English phraseological units with numerical component

THE PECULIARITIES OF COMMUNICATION IN ENGLISH PRESS

Tyurina O. A.

This article gives a brief review of the three types of communicative impact in the English press: persuasive impact, manipulative impact, and reflexive impact. These three types vary in their aim, and that means that they differ in the number of language means. In this article there is an overview of different kinds of communicative impact.

Keywords: media, communicative strategy, communicative impact, persuasion.

INFLUENCE OF COGNITIVE LIGUIISTICS ON TERIMINOLOGY STUDY

Khokhlova A.A.

The article deals with the ideas of cognitive liguiistics and terminology study . Mutual infuence and enrichment of cognitivism and therminiology study are being established.

Keywords: cognitive approach, mental representation, cognotion

- Богачев
Алексей
Владимирович** Доктор исторических наук, профессор кафедры психологии и педагогики Самарского государственного технического университета
E-mail: figaro9@rambler.ru
- Матвеева
Галина Ивановна** Кандидат исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета
- Нефедова
Дарья Николаевна** Аспирант кафедры теории и истории культуры, преподаватель кафедры философии и политологии Самарского государственного института культуры
E-mail: darianefed@yandex.ru
- Труфанов
Сергей Николаевич** Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Самарского государственного института культуры.
E-Mail: trufanov_sn@mail.ru
- Никитина
Анна Валерьевна** Аспирант кафедры психологии и педагогики Самарского государственного технического университета
E-Mail: galadriell-xiv@yandex.ru
- Доброва
Виктория Вадимовна** Кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Самарского государственного технического университета
E-Mail: kaflang@mail.ru
- Андреева
Анна Александровна** Преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета
E-Mail: annaalexandrovnasamara@mail.ru
- Бондарева
Юлия Викторовна** Преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета
E-Mail: Julia-bondareva@mail.ru

Ковалевская Екатерина Александровна	Преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-Mail: katyakov5@gmail.com
Ревина Елена Владимировна	Старший преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-Mail: rev.e.v@mail.ru
Кочеткова Наталья Сергеевна	Доцент кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-Mail: kns05@rambler.ru
Крутская Светлана Владимировна	Преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-Mail: svetlana063@mail.ru
Кюрегян Амалия Левиковна	Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-Mail: amleku@mail.ru
Мельникова Ирина Марковна	Доцент кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-Mail: Ir.ma53@mail.ru
Нуртдинова Лилия Рашитовна	Преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-Mail: liliandrr@gmail.com
Рожнова Екатерина Александровна	Старший преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-Mail: zakaz.sp.sam@mail.ru
Сураева Анна Вячеславовна	Преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-Mail: annasuraeva@yandex.ru

**Тюрина
Ольга Александровна** Преподаватель кафедры иностранных языков
Самарского государственного технического
университета
E-Mail: helgaelf@yandex.ru

**Хохлова
Анна Алексеевна** Преподаватель кафедры иностранных языков
Самарского государственного технического
университета
E-Mail: khokhlova.anna@mail.ru

Вояджер: мир и человек

В авторской редакции
Верстка *И.О. Миняева*

Подп. в печать 28.04.15.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная
Усл. п. л. 11,95. Уч.-изд. л. 11,91
Тираж 50 экз. Рег. № 68/15

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Самарский государственный технический университет»
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244. Главный корпус

Отпечатано в типографии
Самарского государственного технического университета
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244. Корпус № 8